

АРТ

6+

СОДЕРЖАНИЕ

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

<i>П. Лимеров. Первые коми поэты</i>	4
<i>П. Распутин. «Вежа Енмӧс ошкы жӧ, ловӧй менам...».</i> <i>Кывбурьяс</i>	17
<i>Г. Лыткин. «Тырмас узыны, Коми йӧзӧй!...».</i> <i>Кывбурьяс</i>	23

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

<i>Ю. Екишев. Записки о семейной рыбалке. Продолжение</i>	28
<i>А. Попов. Зэв тешкодъ морт. Пьеса</i>	77
<i>А. Ельцова. Му выв кад. Кывбурьяс</i>	100
<i>П. Лимеров. Исчезновение неба (опыт аналитического</i> <i>прочтения)</i>	112
<i>В. Вьюхин. Снега Сыктывкара. Стихи</i>	116

КОМИ ЯЗЫК И КОМИ КУЛЬТУРА

<i>В.П. Марков: «Выход всегда должен быть...».</i> <i>Интервью</i>	122
<i>М. Федина. Центр инновационных языковых технологий:</i> <i>настоящее и будущее, перспективы и проблемы</i>	130
<i>Ӧньӧ Лав. Видзам-сӧвмӧдам коми кыв!</i>	135

АРТ-ФАКТ

<i>Т. Кольчурина. Коми народная одежда</i>	146
<i>А. Матусевич. Фестиваль вопреки / Два лика</i> <i>«Сыктывкарской весны»</i>	181

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

<i>В. Юдина. В год литературы. 2015</i>	187
<i>Нам пишут</i>	188

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»
АУ РК «Редакция журнала «Арт»*

Руководитель — Новикова Н.М.

Главный редактор — Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© Журнал «Арт», № 3 (72)_2015 г.

Подписано к печати по графику 08.09.15. Фактически 08.09.15. Дата выхода в свет 18.09.15. Формат: 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 7005. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. В.Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Т.С. Кольчуриной «Традиционный коми охотничий костюм». 2010. 22х22, худ. бум., акварель.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöдтöм гижöддяс редакция оз рецензируют и авторьяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывйö авторьяскöд.

Год литературы

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

Автор около 170 работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографии «Мифология загробного мира» (1998), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005), монографии «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдёр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).

Первые коми поэты

— Что такое стихи — выражение чувств, философское осмысление мира или что-то ещё?

— Ни выражение чувств, ни философское осмысление мира. Любовь к Богу, Родине или к подруге совсем не обязательно требует выражения словами с ритмом и рифмами; а философия заведомо лучше излагается в прозе, чем в стихах. Стихи — это способ приобщения к собственной культуре. (Из интервью с М.Л. Гаспаровым).¹

В начале XX века К.Ф. Жаков в романе «Сквозь строй жизни» отметил незавидную судьбу коми поэтов, творивших на родном языке: «Я часто думаю о четырёх зырянских поэтах, которых никто не знает ни на севере, ни на юге. Иван Куратов в 60-х годах XIX века переводил стихи Байрона, Шиллера и др. на коми язык звучными стихами. И что же: рукописи его валяются в шкафу у визинского священника; никто их не знает, никто не читает. В том же положении другие три поэта: П. Клочков, Г. Лыткин и Гугов. Ни зыряне, ни русские не знают их. Неужели такая же судьба ждёт и мои писания?»² Сам К.Ф. Жаков писал только на русском языке, и его произведения, во всяком случае, те, что написаны и опубликованы были до 1917 года, современному читателю доступны. Относительно перечисленных поэтов К.Ф. Жаков оказался тоже неправ: судьба их творческого наследия сложилась по-разному, но, тем не менее, все эти поэты сегодня известны, в большей степени И.А. Куратов, в меньшей степени — П.Ф. Клочков, и

¹ Гаспаров М.Л. Стихи — способ приобщения к собственной культуре // Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. — М., 2012. — С. 204–215.

² Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 127.

Г.С. Лыткин, но всё же и о них пока знают. Пожалуй, к Жаковскому списку надо добавить имена П.В. Распутина и С.А. Мельникова, о которых тоже будет идти речь в этой небольшой статье.

В первой половине XIX века начинается формирование коми литературной традиции. К этому времени относится появление так называемых «учёно-художественных» произведений, написанных коми авторами на русском языке.¹ В основном эти сочинения писались в жанре этнографической беллетристики и освещали различные стороны жизни зырянского народа: быта, обычаев, верований, были и произведения религиозно-просветительского характера. Как отмечает В.А. Лимерова, значение этого этапа литературного развития в том, что он дал начало формированию «самосознания региональной словесности и становления в ней собственных эстетических ресурсов».² Происходит осознание коми авторами своей национальной самобытности, и некоторые из них ищут опору для своего творчества в коми языке и в коми фольклоре. Однако следует признать, что первым обратил внимание на красоту фольклорных произведений коми народа русский литератор Н.И. Надеждин во время своей кратковременной ссылки в г. Усть-Сысольск. В статье «Народная поэзия у зырян» (1839) он публикует два образца коми свадебных причитаний в переводе на русский язык и восклицает: «Какая красота! Какая живопись! Какая музыка! Тряхнув учёностью я мог бы доказать, что в зырянской поэзии соединяются и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма».³ Другим примером фольклорной поэзии коми стала публикация собрания свадебных причитаний в Приложении к «Грамматике коми языка» П.И. Савvaitова, вышедшей в 1849 году.⁴ Это собрание стало первым изданием фольклорных произведений на коми языке и надолго определило литературные ориентиры коми поэзии именно на народное творчество. Автором собрания был В.А. Куратов, — об этом известно из записей о коми литераторах И.А. Куратова.⁵ В.А. Куратов, старший брат И.А. Куратова, служил священником в Шатеневской церкви Никольского уезда Вологодской губернии и был человеком разносторонних интересов: собирал коми фольклор, работал над грамматикой коми языка, занимался писательским творчеством.⁶ Однако, после ранней смерти Василия Алексеевича в 1962 году, его архив был утерян.⁷

Упомянутые записи И.А. Куратова являются, по сути, первой литературно-критической работой о коми поэзии начала XIX века. Своей задачей Куратов ставил сделать обзор поэзии своих предшественников и современников и дать оценку их творчества. Кроме Василия Куратова среди «известных пиитов зырянских» он называет Е. Лыткина, П. Клочкова и П. Распутина, а также А.И. Гугова, которого называет своим «приятелем». Известно, что А.И. Гугов —

¹ Лимерова В.А. К вопросу о становлении национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века. — Сыктывкар, 2010. — С. 5.

² Там же. — С. 5.

³ Надеждин Н.А. Народная поэзия у зырян // В делях Севера / Сост. З.Я. Немшилова. — Сыктывкар, 1983. — С. 57–73.

⁴ Приложения // Савvaitов П.И. Грамматика коми языка. — СПб., 1949. — С. 131–178.

⁵ Куратов И.А. Литературно-критические работы // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь. — Сыктывкар, 1988. — С. 8.

⁶ Фёдорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. — Сыктывкар, 1975. — С. 9.

⁷ Куратов И.А. Указ. соч. // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь. — Сыктывкар, 1988. — С. 8.

литературный псевдоним самого поэта, образованный по принципу анаграммы: А.И. — И.А., Гугов — производное от коми *гуг* «обратная сторона, изнанка», т.е. *Гугов* — «оборотный, другой», литературный двойник Куратова. Ввиду отсутствия печатных публикаций коми поэтов, Куратов ориентировался на какие-то рукописные тетради, но сведений оказалось чрезвычайно мало: по одному стихотворению Е. Лыткина и П. Ключкова. Лучше дело обстояло со стихотворениями П. Распутина, которому и достался весь заряд куратовской критики. Поскольку в распоряжении Куратова оказались стихотворения христианского содержания: переводы духовных песен, псалмов, выполненные П. Распутиным, то основные претензии Куратова касаются качества переводов, неточностей, искажающих подлинный смысл текстов. Куратов обнаруживает в стихотворениях Распутина искажение грамматического строя коми языка, отсутствие рифмы, эстетического чутья, соответственно, он делает вывод о крайне низком уровне творчества этого поэта, называя его стихотворения «мараньями».¹

Между тем, в творческих поисках П. Распутин руководствовался самыми лучшими побуждениями. Куратов цитирует его письмо П.Ф. Ключкову, в котором Распутин излагает своё творческое кредо: «убедить (как Навух) край спящих зырян, что язык их премил и богат (хотя мало) для поэзии. Будем петь и бряцать. Умру в этих мыслях и с чувством поэта...».² Высказывание имеет характер вполне осознанной эстетической программы, поэтому вызывает одобрительный комментарий Куратова: «В ком бы ни выражалась любовь к своему народу и родному языку, она, как любовь к матери, всегда почтенна и уж никогда не может быть смешна; она выражает чистую душу... Из слов Распутина видно ещё нечто более серьёзное; он, по-видимому, сознаёт важность если не своих зырянских стихов, то вообще, зырянской литературы».³ Несмотря на отрицательную оценку поэзии Распутина, Куратов всё же понимает важность подобных поэтических начинаний в плане созидания литературы на коми языке, в необходимости которой для духовного развития коми народа он не сомневается.

Пётр Васильевич Распутин (1820–1901) в 1850-е гг. служил пономарём в Троицком соборе г. Усть-Сысольска и, очевидно, на эти годы приходится расцвет его творчества. Среди архивных материалов сохранилась его переписка с епископом Вологодским и Устюгским Евлампием, которому Распутин в феврале 1851 года отсылает свои стихотворения. Он пишет: «Питая любовь и уважение к природному моему Зырянскому языку, я при малейшем таланте ума... При помощи Всемогущего решился воспеть Богодухновенные Псалмы Царя и Пророка на зырянском и родном мне наречии. И дабы обрадовать своих единоземцев и любителей просвещения, а ещё более добрых наставников малыми моими трудами, плодами учения, — я из Псалмов и некоторых нравственных Поэтических Творений, расположенные стихами, осмеливаюсь на первый раз представить Вашему Преосвященству на зырянском наречии:

1. Блажен муж. 1-й Псалом. Медводдза псалом.
2. О пленении Израильтян. 136 псалом. Полонын олём Израильсаяслён.
3. Песнь Свете Тихий! Святыя славы...

¹ Куратов И.А. Указ. соч. // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь. — Сыктывкар, 1988. — С. 8.

² Там же. — С. 20.

³ Там же. — С. 20.

4. Подражание г-ну Шишкову. Сладость благодеяния...

а) стихотворение нравственное...

И осмеливаюсь всепокорнейшее просить, не соблавлено ли будет сии мои труды передать для рассмотрения в учебное Семинарское место, и если окажутся годными, с благословения Вашего, Чадолубивый Отец! — наградить оными жаждущий Зырянский край, а меня поощрить тем к дальнейшим трудам петь во славу Святыя Троицы!»¹ В Вологде встретили появление зырянских псалмов очень положительно и направили на рассмотрение в Правление Вологодской семинарии. Рецензию от учебного заведения писал преподаватель коми и латинского языков А.И. Попов, сам уроженец Усть-Сысольского уезда, получивший образование в Вологодской семинарии и Московской духовной академии, преемник П.И. Савvaitова в курировании «зырянского класса». А.И. Попов написал подробную рецензию, которая была представлена епископу Вологодскому, а также переслана в Усть-Сысольское Духовное Правление «с тем, чтобы оно объявило Зырянскому Певцу Пономарю П. Распутину суждение о недостатках, и потом, что заслуживает похвалу в его зырянском стихотворстве. Дозволить ему продолжить и даже пустить оные в списках между Зырянами после рецензии. Затем всё дело опять возвратить».² Иными словами, Распутин получил высочайшую поддержку в сочинении стихотворений на зырянском языке.

К сожалению, из наследия Распутина известно всего несколько стихотворений, хотя сам он пишет, что у него «их есть бездна: песни, басни, сказки — кроме нравственных и псалмов».³ В качестве примеров Куратов приводит три стихотворения — это перевод духовной песни «Свете тихий», озаглавленный Распутиным как «Ошкан съслан Енлы» (Хвалебная песнь Богу); стихотворение «Воисны кор гажа лунъяс» (Как пришли красные денёчки), обозначенное Куратовым, как и у Распутина «подражание Шишкову»; перевод сто тридцать шестого псалма, названный «Полонын олём иерусалимсаяслөн» (Жизнь иерусалимцев в плену); перевод Первого псалма «Медзводдза псалом» Куратов не приводит. В.И. Мартынов называет ещё одно стихотворение Распутина «Янсöдчём» (Расставание), обнаруженное им среди архивных материалов П.И. Савvaitова. Это стихотворение, по мнению исследователя, «по форме и содержанию весьма близко к лирике в духе А.В. Кольцова».⁴ Что касается других стихотворений, то они, по верному замечанию Куратова, не являются собственно переводами, это «создания Распутина»,⁵ т.е. Распутин сочинял свои стихи что называется «по мотивам», не следуя дословно первоисточнику.

Вывод Куратова, сделанный им в конце статьи, любопытен, но закономерен: «Из всех произведений зырянского слова самое замечательное «Бöрданкывъяс» (Причитания).⁶ Таким образом, по мнению Куратова, качеством бесспорной поэзии его времени пока обладает только фольклорное слово, но не авторское.

¹ Цит. по Плосков И.А. К вопросу о наследии коми поэта, переводчика П. Распутина // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. — Сыктывкар, 1996. — С. 230.

² Там же. С. 231.

³ Плосков И.А. Указ. соч. — С. 12.

⁴ Мартынов В.И. Становление коми литературы. — М.: «Наука», 1988. — С. 51.

⁵ Куратов И.А. Указ. соч. // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь. — Сыктывкар, 1988. — С. 17.

⁶ Там же. С. 21.

Между тем, середина XIX века характерна интенсивным сбором фольклорных и этнографических материалов коми народа местными энтузиастами под эгидой Императорского Русского географического общества. П.И. Савvaitов, член-корреспондент Императорской академии наук, автор «Грамматики коми языка» (1949), был одним из активнейших деятелей этого общества. Во время преподавательской работы в Вологодской семинарии, он составляет «Грамматику коми языка» и для этого совершает несколько поездок в Коми край для изучения коми языка и сбора лингвистического материала.¹ Выход «Грамматики» П.И. Савvaitова в 1849 году вызвал большой резонанс в общественной жизни Коми края — фактически, коми язык из сферы устного бытования официально переходил на письменный уровень. Это означало, что произведения на коми языке, как фольклорные, так и авторские, получили возможность письменной фиксации.² В качестве примера в состав «Грамматики» был включён раздел «Приложения», в который вошли переводы на коми язык «Символа веры», молитвы «Отче наш», Евангельских блаженств и Десятословия, некоторых глав из Евангелий от Иоанна и от Матфея. В «Приложениях» также были опубликованы коми фольклорные произведения, собранные самим П.И. Савvaitовым, а также свадебные причитания, представленные ему В.А. Куратовым, старшим братом поэта И.А. Куратова.³ Христианские тексты были даны в переводе на сысольский диалект, в то время как фольклорные тексты представляли собой образцы сысольского и вычегодского диалектов, которые признавались П.И. Савvaitовым основными наречиями коми языка.⁴

Кроме того, Савvaitов инициировал работу корреспондентов из жителей Коми края, регулярно поставлявших ему материалы традиционной культуры коми-зырян. Среди этих корреспондентов выделяется С.Е. Мельников, житель г. Усть-Сысольска. О Мельникове почти ничего неизвестно, но некоторые материалы он подписывал как «чистопольский мещанин», т.е. житель города Чистополь Казанской губернии.⁵ Достоверных данных о его биографии не сохранилось, однако его творческое наследие достаточно велико: он печатался в российских журналах, множество его работ хранится в различных архивах, в том числе и в фондах Архива П.И. Савvaitова в Рукописном отделе Российской Национальной Библиотеки.⁶ В числе прочих материалов есть записи коми-зырянских песен «Рой, рой, рой, кытчö ветлін?» (Рой, рой, рой, куда ходил?), «Шубейка вурöны, китайкаöн кышöны» (Шубейку шьют, китайкой покрывают), «Рытья войö, менö матушка рöдитис» (Вечерней порой меня матушка родила), а также текстов заговоров.⁷ Кроме того, Мельников первым предпринял литературные переработки коми фольклорных сюжетов. Известны, по крайней мере, два произведения,

¹ Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— Санкт-Петербург, 2010.— С. 155.

² Ранее изданные «Грамматики» А. Флёрова и М. Кастрена, о которых П.И. Савvaitов упоминает, не имели такого значения для развития литературного языка.

³ Приложения // Савvaitов П.И. Грамматика коми языка.— СПб., 1949.— С. 131–178.

⁴ Предисловие // Савvaitов П.И. Грамматика коми языка.— СПб., 1949.— С. V.

⁵ Там же.— С. 275.

⁶ Список его работ см. Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— Санкт-Петербург, 2010.— С. 275–277.

⁷ Рукописный отдел РНБ. Ф. XVII. 111. Л. 189–193.

написанные им по мотивам фольклора — это сказка «Туныр Як, зырянский колдун и разбойник» и поэма «Лешакъяс, или кедровые шишки».¹ Однако литературные начинания Мельникова не были поддержаны Савваитовым, в одном из своих отзывов предложившему Мельникову, чтобы тот, вместо упражнений в сочинении «зырянских повестей в стихах, лучше бы записывал зырянские сказки и поверья на зырянском языке».² Видимо, критика столичного профессора возымела действие, и Мельников уже не пытался больше проявить себя в литературном творчестве. Тем не менее, следует признать, что произведения Мельникова были первым опытом использования коми фольклорных мотивов в сочинении литературных текстов.

Безусловным следованием фольклорной традиции руководствовался в своём поэтическом творчестве Пётр Фостирьевич Клочков (1813–1854). Биографических сведений о нём сохранилось немного. Известно, что он родился в с. Вотча Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии³ в семье дьякона. Учился в Вологодской семинарии, закончил её в 1852 году, но не получил назначения на службу ввиду болезни. Через два года, в 1854 году он умер от чахотки в своём родном селе Вотча.⁴ Наследницей рукописей стихотворений Клочкова стала его родная сестра, Ирина, вышедшая замуж за устьсысольского мещанина С.Н. Забоева. По воспоминаниям его племянницы, Феоктисты Забоевой, записанным в 1939 году П.Г. Дорониным, все стихотворения были переложены на песни самим П. Клочковым, и Ирина часто исполняла их прямо по тетради.⁵ В 1865-м г. рукописями Клочкова интересовался И.А. Куратов: «Побеседовав с тётей (Ириной), Куратов попросил её показать тетради Клочкова, а потом попросил разрешения взять их с собой для знакомства. При этом Куратов попросил исполнить несколько песен из тетради Клочкова. Тётя имела очень приятный голос и исполнила две песни: «Мыйла бõрдан, муса нылõй?» (О чём плачешь, милая девушка?) и, кажется, «Гõгõр, гõгõр ме видзõдлi» (Вокруг, вокруг я смотрела)».⁶ Сам Куратов в своих заметках выделяет первую песню-стихотворение, но об остальных стихах Клочкова отзывается как об «изуродованных»,⁷ т.е. искажённых последующими переписываниями и песенной традицией. Судьба тетрадей Ирины Забоевой (Клочковой) неизвестна, после её смерти они были утеряны, но П.Г. Доронину удалось записать от Феоктисты Забоевой ряд стихотворных текстов, авторство которых, по её словам, принадлежит П. Клочкову. Это «Мыйла бõрдан, муса нылõй?» (О чём плачешь, милая девушка?), «Сад йõрын кõ ныв гуляйтõ» (В саду девушка гуляет), «Кодi мен медмуса, кодi мен меджаль» (Кто мне всех милее, кто всех любимее), «Баддõй тэ, баддõй» (Ивушка, ты моя ивушка), «Асья кыа водз лэбалõ» (Утренняя заря рано летает), «Паськыд гажа улича» (Широкая весёлая

¹ Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— Санкт-Петербург, 2010.— С. 277.

² Рукописный отдел РНБ. Ф. XVII-70. Л.2-3.

³ Ныне с. Вотча Сысольского района Республики Коми.

⁴ Архив КНЦ УРО РАН. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 251. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 51.

⁶ Из воспоминаний учительницы Ф.А. Забоевой. Зап. П.Г. Доронина // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 2.— С. 150.

⁷ Куратов И.А. Указ. соч. // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь.— Сыктывкар, 1988.— С. 8.

улица), «Кöни менам ичмоньпу» (Где моя невеста?), «Код нö тайö локтö?» (Кто же это идёт?), «Уна нывъяс чукöртчисны» (Много девушек собралось).¹

Фактически все песни П. Ключкова вошли в репертуар народных исполнителей и впоследствии записывались фольклористами как фольклорные песни. Так, песня «Мыйла бöрдан, муса нылöй?» (О чём плачешь, милая девушка?) впервые была записана венгерским лингвистом Д. Фокошем-Фуксом в 1911 году в Усть-Сысольске, затем в 1914 году коми поэтом В.Т. Чисталёвым, а в 1960 году — фольклористом А.К. Микушевым.²

В списке «пиитов зырянских» Куратов называет и Егора Лыткина, с сожалением отмечая, что ему удалось ознакомиться только с одним из его стихотворений, а именно со стихотворением «Ном» (Комар). Егор Лыткин или Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) известен как первый коми лингвист, историк, литератор, собиратель коми фольклора, переводчик на коми язык богослужебной литературы, географ, педагог. Выходец из купеческой семьи, Лыткин получил великолепное светское образование, закончив Усть-Сысольское уездное училище (1848), Вологодскую гимназию (1854), Санкт-Петербургский университет (1859),³ дослужился до чина статского советника, за свои труды по зырянскому языку и истории он был избран действительным членом Русского географического общества, а также членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе. Литературная деятельность Лыткина начинается в Вологде, в гимназии с сочинения небольших очерков и заметок, опубликованных в газете «Северная пчела» и в журнале «Лучи» по рекомендации А.О. Ишимовой.⁴ В этот же период жизни он занимается сочинительством стихотворений, и кажется, пишет стихи ещё некоторое время в университете. Во всяком случае, два сохранившиеся стихотворения — «Коми бöрдкыв Николай Мудрöй кулöм вылö» (Коми слёзное слово на смерть Николая Мудрого) и «Коми кыввор Александр Николаевич Сарсво пуксьöм вылö» (Коми слово на восшествие Александра Николаевича на Царство) были напечатаны в виде отдельных листовок в типографии И.И. Глазунова 17 марта 1855 года.⁵ Стихотворения снабжены авторскими ремарками, поясняющими неизвестные русскому читателю образы, а также дан авторский подстрочный перевод на русский язык.

Коми бöрданкыв Николай Мудрöй кулöм вылö
(Зырянское слёзное слово на кончину Николая Мудрого)

Зарни югыд шондi
Му сайö лэччис.

Золотое светлое солнце
Скрылось за горизонт
(За землю закатилось).

¹ Первая публикация стихотворений: Войвыв кодзув (Полярная звезда), 1961. № 6.— С. 61–64. (См. также: Мартынов В.И. У истоков национальной литературы // История коми литературы.— Сыктывкар, 1980.— С. 26.)

² Мартынов В.И. У истоков национальной литературы // История коми литературы.— Сыктывкар, 1980.— С. 26.

³ Ванев А.Е. Коми-зырянское просветительство.— Сыктывкар, 2001.— С. 123.

⁴ Там же.— С. 123.

⁵ Доронин П.Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции // Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 251. Л. 83.

Мывкыд югыд юрным

Енэжӧ лэбзис:

Сарлӧн сӧстӧм лолыс

Ен киӧ пуксис.

18.02.1855

Наша Мудрость

(Неизмеримо разумная голова)

В небо улетела:

Чистая душа Царя

В Божью руку села.*

*«Зыряне верят, что чистые души праведных, души Царей, благословенных Богом на великое и многотрудное служение по разлучении с телом отлетают на небо и садятся на руку Божию как голуби».¹

Если это, первое стихотворение, было озаглавлено как «слёзное слово», что соответствует концепции причитания от имени всего коми народа, то следующее стихотворение — это панегирик, задача которого показать ликование коми людей по поводу прихода нового Царя:

«Коми кыввор Александр Николаевич Сарсво пуксьӧм вылӧ» (Коми слово на восшествие Александра Николаевича на Царство)

Енэж вылӧ петіс

Выль югыд шонді;

Аслас киня увсьыс

Ен сійӧс лэдзис:

Сідз миян Сарӧс

Сарстувйтны пуктіс,

Неваса Сандрӧӧс

Отсӧдны ыстіс.

Дзоньвидза овны

Сет, Енмӧй, Сарлы,

Гӧтыр, ныв-пиыслы,

Ыджыд рӧдвужлы!

Ен бурсиӧм Сарлӧн

Мед Мывкыд йыкмас:

«Миян бара шудлун» —

Бур роч йӧз шуас.

На небо вышло

Новое светлое солнце;

Из-под своих мышц?

Бог его выпустил:

Так нашего Царя

(Бог) царствовать поставил,

Александра Невского

В помощники ему послал.

По добру, по здорову жить

Подай, Боже, Царю,

Супруге его и детушкам

И высокому роду!

У Бога благословенного Царя

Да окрепнет Мудрость:

«У нас снова блаженные дни» —

Да скажет добрый русский народ.

Студент 1-го курса историко-филологического факультета

Разряда восточной словесности Г.Л.

СПб., 19.02.1855.

*У зырян сохраняется предание, что Бог выпускает солнце на небо из-под своих мышц. Этим хотят показать, что солнце, производящее в природе благотворныя дела, солнце, всеоживляющее, произошло от силы Божьей, от Его мышц.²

Как правило, эти стихи невысоко оценивались коми советским литературоведением, которое усматривало в них «верноподданнические чувства к царствующему дому» (П.Г. Доронин) или «политическую инертность Г. Лыткина» (А.Е. Ванеев). Тем не менее, следует признать, что благодаря своеобразной мелодике стиха, образному строю, фольклорным реминисценциям — даже по прощест-

¹ Рукописный отдел РНБ. Ф. XVII. 58. Л. 248–250.

² Там же. — Л. 248–250.

вии времени стихотворения выглядят оригинально.¹ Доподлинно неизвестно, чем руководствовался Г. Лыткин, когда писал эти стихи, но можно предположить, что эти стихи отражали его гражданскую позицию, и на то время она была верно-подданнической, и такой она оставалась и в зрелые годы, до самой его кончины, возможно, за исключением эпизода с подпольной типографией общества «Земля и воля», которую, по воспоминаниям Лонгина Пантелеева, он якобы некоторое время содержал в своей квартире.²

К середине XIX века жанры панегирика уже фактически вышли из литературного обихода, однако, смерть Николая I, а затем восшествие на престол Александра II вызвали если не возрождение панегирика, то его кратковременное возвращение. Так, Ф.М. Достоевский в июне 1855 года пишет оду ко дню рождения вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны «На первое июля 1855 года», где есть такие строки:

Как гаснет ввечеру денница в синем море,
От мира отошёл супруг великий твой.
Но веровала Русь, и в час тоски и горя
Блеснул ей новый луч надежды золотой...

Стихотворение не очень высоко оценивалось современниками, однако было представлено императрице. В соответствии с высокими образцами од Г.Р. Державина и В.А. Жуковского Достоевский в лице царствующего дома восхваляет Россию, её будущее, которое связывает с состоянием императрицы, содрогнувшейся от горя, но нашедшей силы ему противостоять. Были и другие образцы одической поэзии, написанные в это же время. Так, в феврале 1855 года отдельной книжкой вышло стихотворение Д.А. Аксеновского, придворного механика и поэта «На восшествие на престол Александра II. Февраля 19 дня»,³ начинающееся такими строками:

Святая Русь, не унывай,
Хоть ты и понесла утрату...
Скончался Царь наш Николай,
Но ты на Бога уповай
И рать разсѣшь супостата.
Теперь другой Царь дан тебе, —
То Александр, сын Николая,
И в теплой ты об Нем мольбе,
Покорствуя святой судьбе,
Склонись пред Богом, умоляя...

Основной акцент стихотворения ставится на то, что несмотря на утрату, Бог не оставит Русь и даст новому императору «дни счастья с Своей Державой», «венец» во всех его делах, а также даст победу в войне — разбить «врагов твоих в конец». ⁴ Очевидно, что невзыскательные стихи поэта-самоучки из Сольвычегодского

¹ Однажды в середине 1990-х гг. я показал эти стихи коми поэту А. Лужикову, и этот глубокий, тонко чувствующий лирик, сказал: «Я бы тоже хотел так написать!».

² Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. — Сыктывкар, 2001. — С. 128.

³ Аксеновский А.Д. На восшествие на престол Александра II. Февраля 19 дня. — СПб, 1855. 12 с.

⁴ Аксеновский А.Д. Указ. соч. — С. 4.

езда не оказали существенного влияния на российский литературный процесс, но нельзя отрицать, что это литературный и политический факт, показывающий, как переживалось или должно было переживаться это политическое событие подданными российского царя. То, что в числе подобных литературных упражнений оказались стихотворения Г.С. Лыткина, то его реакцию можно понять — двадцатилетний зырянский юноша вдруг оказался в столице, в центре важнейшего политического события государства — смене власти. Это был его эмоциональный отклик, и он обращается в жанре панегирика к царствующему Дому от имени всего коми народа. Оба стихотворения написаны трёхстопным хореем и, видимо, изначально составляли единое целое, как и положено в панегирике, в первой части выражавшее боль утраты, печаль, страх перед будущим, а во второй — радость, восторг по поводу нового воцарения, надежду на счастливое царствование во славу народа. Но Лыткин разделил стихотворения на «слёзное слово» и на «благословение», таким образом, дистанцируясь от одической традиции. Как «глас» коми народа, Лыткин использует в стихотворении фольклорную образность. Николай назван Мудрым, поэтический эквивалент мудрости в коми языке — *мывкыд югыд юр* в его переводе «неизмеримо разумная голова» улетает в небеса. Этот образ головы, связанный с представлениями о местонахождении души, взят Лыткиным из религиозно-мифологических представлений коми¹ и придаёт самобытность всему стихотворению. Создаётся ассоциативный ряд: солнце закатывается за землю — голова улетает в небо — душа Царя, в образе голубя, садится на руку Бога. Отсутствие в небесах солнца, а в стране царя вызывает эмоциональное напряжение, страх перед наступившей тьмой, но образ души царя в руке Бога снимает напряжение, говоря о том, что всё на свете в Божьих руках, и Он не оставит русский народ. И это сбывается в следующем стихотворении, начинающемся с образа нового солнца, выходящего на небо. Здесь Лыткин вводит в текст оригинальную метафору солнца, которое Бог выпускает из своих подмышек. Сам Лыткин переводит словосочетание «киня увсьыс» как «из-под своих мышц», в комментарии указывая, что этот процесс связан в представлениях зырян с «силой Божьей». Но Лыткин всё же изменяет значение словосочетания, стараясь как-то исправить слишком смелый образ. Как показывает исследование Н.Д. Конакова, этот образ связан с мифологической концепцией «непорочного зачатия и рождения», соотносящей «телесный верх (голова, рот, подмышки) с верхом космическим», известной по мифологиям многих народов. В частности, в коми фольклоре эта концепция фиксируется в легенде о том, что Богородица родила Господа из подмышки, а людям это воспретила.² Таким образом, солнце выходит на небеса, а Россия получает нового царя, которому Бог посылает в помощь святого воина Александра Невского, и в стране наступает благоденствие. Как видим, лирический герой Лыткина в стихотворениях совпадает с коллективным образом зырянских подданных Царя, это коллективное обращение к царствующему Дому определяет статус текстов как панегирических. Однако, это и отличает стихотворения Лыткина от официальных панегирических текстов — отражённая в них коми фольклорная образность очень далека от одической топики. Скорее, это похоже на

¹ См.: Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. — Сыктывкар, 1998. — С. 86.

² Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение коми. Окружающий мир. Пространство и время. — Сыктывкар, 1996. — С. 17.

напоминание царскому Дому о том, что среди многочисленных российских подданных есть и зыряне, и от их благословения на восшествие на царский престол тоже зависит благополучие всего государства.

На сегодняшний день известно семь стихотворений Лыткина, ещё одно стихотворение, написанное стефановским алфавитом, находится в одном из писем П.И. Савваитову. Все стихотворения датированы 1855 годом, разными месяцами. Очевидно, что Лыткин писал стихотворения только в свои ранние годы, во время учёбы на 1-2-ом курсах Университета, полный объём написанных в это время произведений установить нельзя, чемодан с записями этих лет, вместе с собранными на родине фольклорными материалами, был украден в Нижнем Новгороде при возвращении с каникул из Усть-Сысольска в Петербург.¹ В последующие годы Лыткин уже не возвращался к поэзии, его приоритетами стали научная и просветительско-педагогическая деятельность, и его стихотворения можно было бы отнести на счёт типично юношеских увлечений. Однако, вероятнее всего, Лыткин перестал писать стихотворения, потому что они писались как бы для себя, «в стол», их нельзя было нигде издать, а будучи изданными, они имели бы очень небольшую читательскую аудиторию. Читателя надо было ещё воспитать, дать ему образование, поэтому Лыткин предпочитает поэзии просветительство. Тем не менее, стихотворения Лыткина и сегодня могут быть интересны для читателя, а также имеют большое значение для понимания процессов становления коми литературы.

Уже в этой ранней лирике Лыткина заложена тенденция к просветительству, реализующаяся затем в зрелом творчестве. В стихотворении *Вöйпöм коми йöзлы* «Плач о коми народе» лирический герой сетует о том, что Коми землю окутала тьма, и эта тьма от того, что коми народ подавлен своей ленью.

Муса чужан Коми муёс
Дзурс пемыд шымыртöма
Сьöd вөр шöрын коми йöзöс
Садьтöм дышру ланьöма.

Родную Коми землю
Кромешная тьма охватила
Среди тёмного леса коми народ
Беспросветная лень успокоила.

В результате этой лени рождается глупость, а разум принижается:

Дзоля вежөр джёмдис тiян,
Улö усид мывкыднад,
Турун чирк моз нима ниман
Талялiнныд кок улад.

Споткнулись о глупость
И низко упали умом.
Ваше высокое имя как кузнечик в траве
Затоптанно вашими ногами.

Лирический герой призывает коми народ поднять голову, ведь в природе всё поднимается вверх: деревья растут вверх, птицы поднимаются вверх и поют в вышине, даже тот же кузнечик стремится вверх. Стихотворение завершается призывом к коми народу:

Тырмас узыны, Коми йöзöй!
Важ олöмсöйд ордсöй.

Довольно спать, Коми народ!
Оторвись от прежней жизни.

¹ Терюков А.И. Указ. соч. 2010.— С. 299.

Тырмас узыны! Том съёлөмтö
 Дзирöд-шонты бур вылö,
 Нур сетны мывкыд ловлы
 Бур гижöдöн сяммöдсьö...

Довольно спать! Твоё молодое сердце
 Пусть засверкает-согреется на доброе дело,
 Дать питание умной душе
 Заниматься творчеством...

Уже в этом стихотворении видна вера Лыткина в просветительское назначение творчества; гармония, счастье, по его мысли, могут быть достигнуты только через разум, просвещение. Поэт осознаёт себя тем, кому мистически предназначено разбудить коми народ, об этом он прямо заявляет в стихотворении «Ыджыд Вöт» *Сновидение*. Лирический герой вспоминает, как в детстве он видел сновидение, будто из тёмного леса на просеку его вывел олень, и он увидел среди леса красивый храм. Ещё шаг, и вот он стоит посреди храма, и посреди золотого сияния и красоты, ему становится радостно, он слышит молитвы Богу. Сон был в руку, лирический герой оказывается далеко от дома — его увело Знание о том, что где-то есть этот храм.

Восьтыла тай ассьым синъяс —
 Аддза зарни югыдöс,
 Паськöдла тай кыкнад пельяс —
 Кыла ме уна кылъяс...

Открываю глаза —
 Вижу золотое сияние
 Раскрываю уши —
 Слышу многие языки...

Храм, увиденный во сне — это Храм Знания, к которому стремится лирический герой, и это знание исходит от Бога через увиденное им «золотое сияние». Финальное слышание «многих языков» перекликается с идеей чуда Пятидесятницы, когда апостолы, на которых снизошёл Святой Дух, обрели знание многих языков. Конечно же, языки нужны лирическому герою для того, чтобы нести людям свет открывшейся ему истины, об этом прямо не говорится в стихотворении, но этот смысл имплицитно выражен. Обращает внимание образ оленя, указывающий лирическому герою путь к Храму: «*Татысь мунны эн лысьт тэ бөр!*» // *Вичко вылö индöдiс*. «Отсюда выйти не смей!» // Показал на Храм». Образ оленя — из мифологии и связан с символикой перемены статуса. Как правило, погоня за оленем (золотым оленем) в фольклорно-мифологических текстах завершается брачным венцом и воцарением героя,¹ в данном случае, олень открывает герою путь к Храму, в котором он узнаёт замысел Бога о нём. Этот замысел и связан с вечным поиском знания, об этом его и предупреждают, чтобы он не сходил с пути поиска. Таким образом, для юного Лыткина это стихотворение было программным, оно содержало тот творческий алгоритм, который определял его дальнейшую судьбу как путь приращения Знания и передачи этого Знания своему народу.

Поэтическое наследие Лыткина ограничивается только стихотворениями юношеского периода, в свои зрелые годы он уже не возвращается к сочинению стихотворений, предпочитая другие виды творческой деятельности: калмыковедением, зыряноведением, переводами на коми язык христианской литературы, преподавательской деятельностью. Но уже эти первые юношеские опыты Лыткина

¹ Васильков Я.В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М., 1988. — С. 86–87.

являются, по существу, первыми опытами интеллектуальных стихотворений на коми языке, пусть это не в полном смысле философская лирика, но это её начало. Кроме того, уже в этих стихотворениях проявилось стремление к чистоте коми литературного языка, отличавшее творчество зрелого Лыткина, и за которое он боролся всю свою жизнь.

Значение стихотворных опытов первых поэтов для коми литературы определяется созданием отвечающего духовному запросу этой эпохи языка коми поэзии. Пусть стихотворения их и несовершенны, пристрастный взгляд обнаружит в них много недостатков, как показал это опыт И.А. Куратова, но в открытиях «пиитов зырянских» рождалась новая философия зырянского Слова, новая образность, которая, в конце концов, привела к преобразованию коми языка в язык коми поэзии сначала в творчестве И.А. Куратова, а затем и в коми лирике начала XX века.

Пётр Распутин

Пётр Васильевич Распутин (1820–1901). Священнослужитель, поэт, переводчик псалмов. Родился в с. Троицко-Печорске в 1820 г. Учился в Вологодской семинарии, но не закончил её. После отчисления из семинарии служил пономарём в Усть-Сысольске, затем в различных припечорских сёлах, в 1874 году назначен настоятелем церкви в с. Щугор.

«Вежа Енмös ошкы жö, ловöй менам...»

Медводдза псалом

Майбыр сийö, кодлön кок оз кежав
Лёк йöз костö сёртны омöль кыв,
И оз кодi омöль туйö петав
И кön мортöс дзугны пансьö тыв.

Но Ен шуöm киö асьсö көртö
И бур вöсна сылön сöмын шог,
Аслас нэмын лун-вой бурö пöртö
И дум сылön овны пыр Енног.

Пу моз, кодi кисьмöm вотöс вайö
И оз кодi корйön регыд кельд,
Сийö сiдз жö öтньыв бурвыв кайö
Эштö ставын и оз нинöm энд.

Мöд ног овлö омöльяслön:
Бур удж вöсна налön абу шог,
И став уджъяс сэтшöмъяслön
Тöv ныр вылын кызди кокнид йог.

И сiдз грекъяслы веськыдъяскöд
Öтвыв сувтны оз усь некор пуд
Кыввöр сетны сöстömъяскöд
Оз позь некыдз, воссяс веськыд суд.

Ен вöд тöдас веськыдъяслысь нимъяс
И лёк инö найöс оз нин суй,
Пежъяс вылö оз и чöвтлы синъяс,
Помöдз гартас налысь омöль туй.

136 псалом

Израильса Йөзлөн пөлөнүн олөм

Вавилонын юяс вылын
 Пукалим и норөн бөрдим зэв;
 Чужан муысь вөлим ылын
 Но эг ланьтлө Сион йылысь чөв.

Бадьяс вылө өшөдимө
 Везтөг савсө ворсанторъясөн.
 Ссылан мед ми сылыштимө,
 Вайөдысьяс гаралисны сэн,
 Кодьяс лөкөн увгыртисны
 Миян костысь долыд оланног,
 Сылысьсө жө! Вөйпөдисны
 Сион йылысь медым ланьтас шог.
 Код ног пондам; Енлысь сыслан
 Тан ли съивны? Йөз му вылын ми!
 Иерусалимөй! Йорсьөм кылан;
 Вунөда кө — косьмы менам ки,
 Медым сөрни вомысь вошө,
 Вунөда кө Ерсалимөс ме,
 Медым кывйө сибдас горшө,
 Менам гажысь вылынджык кө он ло тэ,
 Пантө Енмөй! Эдомсалы
 Кутшөм вөлі Ерсалимлөн лун,
 Кокныд вөлі шуны налы:
 «Разьө вужьяс, разьө быд эмбур!»
 О! Лөк сьөлөм Вавилон ныв
 Шуда мынтысь, тайө уджйөз тэд,
 Коді босьтас тэнө помвив,
 Сійө сідзжө лөкөн мынтас мед.
 Шуда сійө посныдъяслысь
 Код оз тәнсьыд аддзы сөйтөм нур
 И код тэнад кагаяслысь
 Жальтөг ставлысь изйө жуллас юр.

145 псалом

Бур кывйөн ыджыд Вежа Енмөс
 Ошкы жө, ловөй менам, пыр,
 Ме лэпта съивны горалөмөс
 И сыла кытчөдз нэм оз быр.
 Эн некод гырысь вылө ыстысь
 И тсин и ласьт тан кутө код,
 Наяө морт вед сідз жө чужтис
 И найөн мездөм тэд оз сод.

Кор налөн ловйыс пытшкыс петас,
Туша и чужом лоо няйт:
Зэв вывті кытша олөм вунас,
Тшөтш помөн қасас тсин и ласьт.
Морт шуда сійө, коді ладөн
Быд ассьыс Енсянь лыддьө бур,
Зэв шуда сійө, коді татөн
Ен костыс аддзө отсөг пыр.
Суд часө мывкыд нэма мортлөн
Бөрийыны Енлыс помтөм удж,
Став вөчөм мунө мича ладөн
И нем оз сылыс шуом вудж.
Озыр тан олө, эмбур чөжө,
Вунөдіс Енмөс, воштіс шуд,
Коньөрлыс тшыглун Ен жө аддзө
И лёкыс мездө — со көн суд!
Олысьяс бура муса Енлы
И налы лёкөн оз нин си:
Ен сетө мывкыд синтөм мортлы
И лэптө кодлөн кок ни ки.
Ен видзө ветлыс-муныс мортөс
И кодлөн абу мам ни ай:
Дөвалыс, коді керө бурөс,
Ен видзө лёкыс олан пай.
Код жө тан олө, олөм лёкөс
Увтыртас сійөс помөдз Ен:
Вына Ен быдтор керны вермас
Сионын олас помтөг нэм.

Янсөдчөм

Мича чужөм, дона синъяс
Аддзыламө ловйөн кор?
Миян костө лоө ваяс,
Пемыд вөръяс, гырыс шор.
Тэкөд вөлі долыд овны,
Гажөн каліс лун и вой.
Бурдөдас-ө тэтөг өні
Менсьым кодкө сьөлөм дой?
Тэкөд вөлі долыд зарни
Тэ мем сетін мелі кыв.
Өні ланьтас гажа сёрни,
Тэнсьыд гөлөс ог нин кыв!
Этатшөма гөлөс шөгсьө,
Кыдз нө колля туй помтө?
Аддзан, синва шорөн киссьө —
Эн жө вунөд мэнө тэ!
Пөра воис янсөдчыны,

Прёсти, прёсти, муса друг!
 Дзоньён видза тэныд овны,
 Бур удж вылө сия шуд.
 Эн жө шогсьө, зарни синъяс,
 Аддзысямө регыд ми,
 Бара воас гажа лунъяс,
 Овны меным тэ бурси!

О лөнь Югыд помтөм

Вежа ошкан костыс
 Кувтөм Ыджыд Батьлөн
 Вежа майбыр дінысь
 Иисус Христосой
 Вежа Енлөн Пиой!
 Ми, воысьяс рытө
 Шонді кытчө усьө,
 Югыд аддим рытъя
 Горөн сылам өтъя
 Батьөс тшөтш и Пиос
 И Дук Вежа Енмөс!
 Быд пөраө сывны –
 Отнад Тэ и шогман
 И код кужө овны
 Налы Тэ и туян,
 Енлөн өти Пиой,
 Вежа ыджыд Енмой!
 Лов миянлы сетысь
 Мый вöсна: Тэнө
 Гөгөр ловъя олысь
 Гажөн отньыв ошкө!

* * *

Воисны кор гажа лунъяс,
 Гуляйті ме тулыс сэк,
 Видзьяс вылын пөтка-зверьяс
 Гажөдчисны мекөд зэв.
 Сәті ютор визув пышйө,
 Гажа вөлі берегдор,
 Сәтөн аддзи: вөлі шойччө
 Отнас коньөр морт зэв дзор.
 Жеб и дзор зэв сьолөмшөрö!..
 Шойдан вылас лөк и кыз —
 Матын дінас беддыс куйлө,
 Юувт пыдди пожөм лыс,—

И зэв важся нопъяс няньтор
Кодкө мыгчөма зэв бур,
Төдан, оло сетысь Енног,
Коді аддзис сөйтөм нур.
Коньөр вөлі сійө узьө,
Бергөдчас и быри ун,
Синва, синва шорөн киссьө,
И оз гажөд гажа лун!
Мыя синва шорөн киссьө,
Жаль тэ лоин, висътав мем?
Али сьөлөм тэнад шогсьө,
Кузь мый лои тэнад нэм?
Кор жө кыліс менсьым вөйпөм,
Вывлань чөвтис синъяс сэк,
Сэтшөм вөлі сійө гажтөм,
Мый ме ачым норми зэв.
«Ок тэ, — шуис: — муса пиөй!—
Бөрдө вөлі — гөлөс нор...—
Сьөкыд овны, абу шудөй,
Помасяс-ө нэмөй кор!»
«Быд вын шогөн, шогөн орис*,
Арлыд тырис, жебми тут!
Сөян-юан, шойчөм бырис:
А удж вылө вынтөг сувт!
Пиөй менам томөн куліс,
Челядь посныд керка тыр.
Менө накөд өтнам колис,
Витөн, ставыс пасьтөм, тшыг!
Татөн ставыс менам корөм,
Нопйын ичөт коснянь тор,
Гортын тшыгөсь вынтөм йилөм,
Юка накөд, воа кор,
Төдан, тайө и став сөян —
Кодөс мыгчас менам ки!
Аски он төд, гашкө, кулан,
Енмө, меным тэ бур си!»
Норөш шуис и пыр ланьтис,
Ыджыд вөлі сьлөн шог!
Аслам менам синъяс пемдіс,
Синва мөдіс сы жө ног!
Менам сәки сьөрын вөлі
Сы шуд вылө деньгатор:

* Здесь в 2-х куплетах, заметьте, сколь чудны вышли мысли... и кажется, печаль старости — критическое положение несчастного нельзя сильнее выразить. Также чувство благодарности так близко выражено простому характеру зырян — и, кажется, больше нельзя и ожидать от оскорблённого жестоким несчастьем... Прим. Распутина.

Ставсö босьтi, чöвтi сылы:
«На со отсöг мясянь, дзор!»
Лыдтöм вöли поклон сысянь,
Кодыр босьтiс сетöм тор,
Меным корис быд шуд енсянь,
Кылö вöли бур кыввор!
Аслам менам сьöлöм кылис,
Быттьö лэбзи кыт,
Гажа гажөн ставыс колис
Сийö лунлөн вунтöм рыт!

Георгий Лыткин

Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) — литератор, учёный, педагог.

Родился в городе Усть-Сысольске. Окончил в 1848 году уездное училище в Усть-Сысольске, а потом Вологодскую гимназию. В 1854–1859 годах учился в Петербургском университете на факультете восточных языков. Преподавал в разных петербургских учебных заведениях, написанный им учебник географии для российских школ до революции неоднократно переиздавался. Внёс существенный вклад в монголоведение как исследователь средневековой ойратской литературы. Занимался переводами христианской литературы на коми язык (в том числе перевёл Евангелие от Матфея). Главный труд: «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (СПб, 1889).

«Тырмас узьны, Коми йӧзӧй!..»

Менам олан-вылан туйӧй

Рытъя войын ывла вылын
Сынӧд ыркыд вӧлі зэв,
Тапыр кадын ӧшинь дорын
Ме пукалі шогӧн чӧв.
Вой тӧв шургис менам кумйӧ
Пырис, сьылі коньӧр ном,
Дингъис, диньгис... пемыд инӧ
Сылӧн регыд воши пом...

Татшӧ абу олан-вылан
Ылӧ гортысь чуктан кор,
Ӧтнад зывган, диньган, сьылан,
Му кузь кысян пыр чир нор...
Ен тай сиис, тӧдан, овны,
Водзӧ овны верман кыз,
Кодыр часки шуас — сувтны»
Вошан йӧзпыр номмоз сідз!

Ыджыд вөт

Ичөтдырйи коркө өтчыд
Аддзылі ме ыджыд вөт,
Коді өнөдз оз вун некыдз,
Ваис уна меным мат.

Сьөд вөр шөрын менө рам көр
Тыла вылө петкөдіс
«Татысь мунны эн лысьт тэ бөр!»
Вичко вылө индөдіс.

Видзөдлі ме: мича вичко
Синъяс водзын пыкалө, —
Зэв ме тутми, водзө воськов...
Вичко шөрын сулалі.
Гөгөр быдсөн зарни югыд,
Синъяс аддзө гажа ин
Меным лои сэки долыд
Кыла гора Ен ошкан.

Тайө вөт тай киө пуксис:
Гортысь ылө чукті ме,
Татчө менө Төдөм кыскис,
Мед ме аддза вичкосө...
Восьтыла тай ассьым синъяс —
Аддза зарни югыдөс,
Паськөдла тай кыкнад пельяс —
Кыла ме уна кылъяс...

24 августа 1855

Кутш, Каля, Курөг

(сяма сёрни)

Өтчыд коркө Каля аддзис Курөгөс,
Шуис сылы: «Муса вокө! Зарни юрө!
Кутшөм мича тэнад сынан, вын-эбөс.
Мыйла бара он тэ пуксыы Кайяс Сарө?
Сомын колө тэныд шуны: «Мед сідз лоө!»
Кутшөс дзигны отсөг сета, кыдз верма...»

Вай тэ коктө, муса чойө!
Бура-шаня пыр олам —
Паныд кургис шундыр Курөг:
Кутшлысь бордсө тшотшкортам... —

Кок кучкисны, кыв сетисны,
 Кыдзи колӧ окасисны,
 Гажлун пыдди пас чуписны.
 Регыд найӧ чукӧртчисны,
 Чоя-вока сӧж мӧдисны,
 Гырысь пыжӧн ва кывтисны
 Асыв вылӧ, Кутш му дорӧ.
 Съӧд ва шӧрын сус пу вылын
 Ас поз дӧнас Кутш пукалӧ,
 Чукля нырсӧ весалӧ...

29 августа 1855

Вӧйпӧм коми йӖзлы

Муса чужан Коми муӧс
 Дзурс пемыд шымыртӧма.
 Съӧд вӧр шӧрын коми йӖзӧс
 Садьтӧм дышру ланьӧма.

Тӧвса ошног найӧ нэмчӧж
 Паччӧр вылас куйлӧны,
 Пувывсавыв он дозмӧр моз
 Важын важсянь отьсӧны;
 Олан инӧ зарни домӧн
 Сяма мывкыд кутӧны,
 Чӧскыд узян мича онӧн
 Уна нэм нин олӧны...

Кольта ногӧн буткылясиг
 Лӧдсин тут тӧ, Коми йӖз!
 Лӧзя олӧм мӧвпасялӧг
 Ачыд асьтӧ колигӧдз!
 Дзоля вежӧр джӧмдис тӧян,
 Улӧ усид мывкыднад,
 Турун чир моз нима ниман
 Талялӧнныд кок улад,
 Таг коль кокныд юран-баннад
 Поньтӧд асьыд сӧзы юрсать,
 Югыд вылын олӧм табъяд,
 Кельдад, косьмад чиранӧдз...
 Быдсяма пу вылӧ быдмӧ,
 Аддзад — вынмӧ, лӧптысьӧ,
 Байдӧг баксӧ, тури чуксӧ,
 Йӧла вадор горӧдчӧ,
 Мича кайяс сынӧд вылын
 Шлывгӧ вылӧ, лыбӧдсьӧ,

Сьылö, сьылö гора сьылан,
Чирк тыдалö, кайöдсьö...

Тырмас узьны, Коми йöзöй!
Важ олöмсьыд орöдсьы.
Тырмас узьны! Том сьөлöмтö
Дзирöд-шонты бур вылö,
Нур сетны мывкыд ловлы
Бур гижöдön сяммöдсьö...

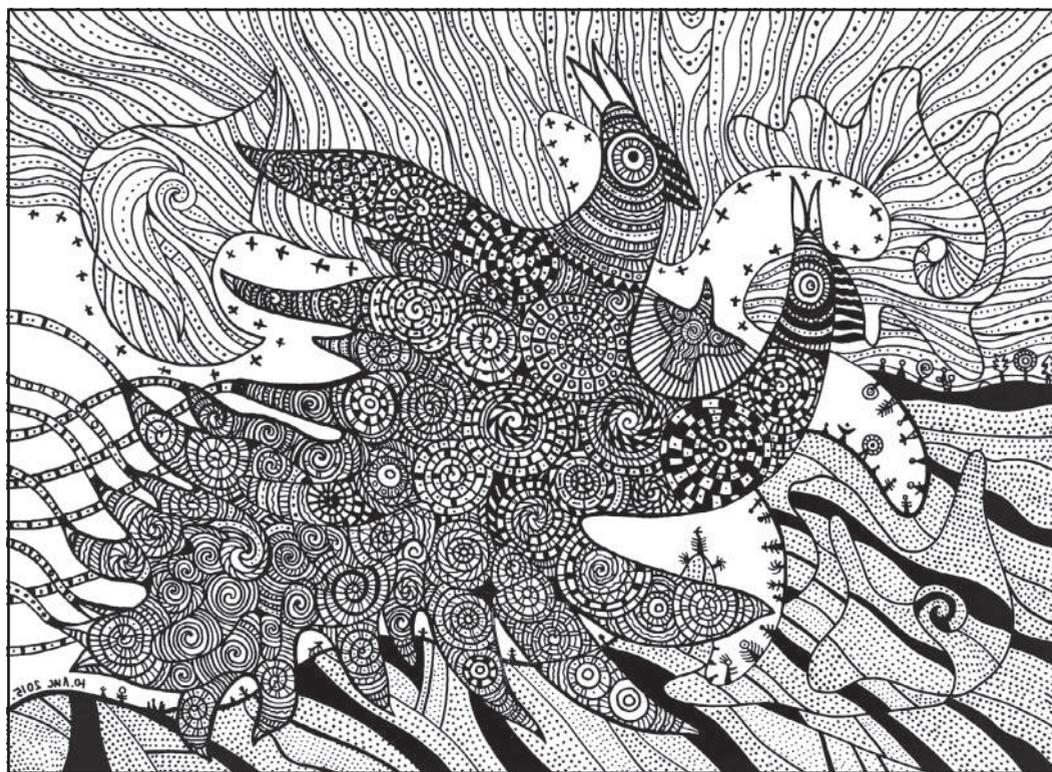
Ноябрь 1855 СПб.

Сьөлöм пессьöм

Колис тулыс, ар тай локтö,
Шоньд гожöм эг аддзыв,
Сьөлöм коньöр гусьön бöрдö —
Сийöс лыйис мича ныв.
Восьтивлас кö ловъя синсö,
Сись моз öзъя сэки пыр;
Видзöдлас кö бөрö кытчö,
Улö усьö менам ныр.
Сьөлöм пессьö, шогкöд вензьö,
Сьökыд овны, быри шуд.
Гортысь пета, кыздул пукся,
Кодыр воас пемыд рыт.
Дыр на кывза. Тöвъяур лыбö,
Кöдзыд вөрö, чуктö кор.
Кыш-кышкылö, тöвъяур лыбö,
Менам ловлы бара нор...
Югьд кодзув зэв зуввидзö
Кымөр сайö бердигön,
Менам чужан шудлун бырсьö
Сьөлöм шоглун сибдигön.
Зюрс пемыд тай гөгөр быдсөн,
Матын абу муса ныв;
Ог ме кутлы сийöс киön,
Ог ме кывлы мелі кыв.

Проза. Поэзия

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент», которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в журнале «Арт».

Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Родвуж андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Ависсага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Записки о семейной рыбалке

(Из книги «Наскальные рисунки»)

Начало в №№ 3 и 4 2014 г., №№ 1 и 2 2015 г.

Глава 17. Поинга, продолжение

Речка, будто после половодья разных стремлений, чувств, фантазий, понемногу для меня оживает, проясняется, входит в берега — как дерево, покрывается родовыми зарубками, как притока — карандашными отметками роста: вот здесь щучица водила плот с папкой и дядей Мишей; здесь уже живёт другая, которую папка с мамкой кормили перед грозой — зверюга не меньше; а вот здесь совсем страшилище — та, что Тихон Коле руки леской порезала (в этом я, правда, стал несколько сомневаться, познакомившись потом ближе с Тихон Колей, с его рассказами о Поинге), но здесь же, лоя эту, может, и мифическую щуку, папка на счастливую, весёленькую, медно-жёлтой бабочкой посверкивающую блёсенку как-то подцепил огромного окуня и уже подвёл его к берегу, но неожиданно замок с тройником растянулся, и окунице так и ушёл — в таинственный, будто

галактический, водоворот листьев и предосенней тины (это уже было при мне); вот на этом плёсе папка с Миньоном ловили язей, и хитрая удочка где-то зацепилась грузилом, а на ней — язь, восьмой или девятый по счёту за эту их рыбалку (папка: «Брось», а Миньон: «Толечка, ты что, это ж рыба! Я сейчас, я мигом...») — и Миньон не раздумывая, не проверив дна, скидывает штаны и лезет в воду и бредёт по грудь до того места, где култыхается рыба — в одной руке леска, в другой — подсак, и трескотня: «Толечка, вода-то холодная! Ох, у меня же инсульт был весной, в Киеве, я же тебе не писал — и рука отнялась!»...

Миг — вижу инфекционную больницу, у меня желтуха — началось с испуга: коричневая струя в детсадовском унитазе — пижама, посылки с ягодами, с яблоками — папа с мамой машут внизу, и рядом Миньон — тоже машет, и я впервые вижу, что у него на одной руке нет пальца — и я удивляюсь, как он может радоваться, ведь это же, наверное, ужасно и страшно — жить без пальца! «Юрочка, что тебе надо, золотой?» — «Конструктор» (я уже твёрдо выговариваю «р») — на следующий день проносят запаянный целлофановый пакет, там пластмассовые палочки с пупырышками: мы с моим другом Игорем делаем танчики — смысл в том, что мы садимся на разные концы коридора и разгоняем их по полу так, чтобы они врезались друг в друга — чей танчик позже рассыплется от ударов — тот и победил, так-то мы умудряемся лепить из пластмассовых полосок и квадратиков такие железобетонные монстры, что не выдерживают нервы у кого-то из медсестёр: «Это что такое? Неужто нельзя что-то более мирное придумать?» — впрочем, они, во-первых, не наши воспиталки и сильно не пристают к нам — живы, резвятся и ладно, а во-вторых, я поступил уже с температурой под 40 и бредом с отключением сознания, и уже готов был внутренне умереть, иногда разлепляя огромные глазищи, ощущая немые, свинцово-ватные ручищи и ножищи огромной тушки, в которой я — маленький и беспомощный, и видя старенькую какую-то совсем уже бесчувственную, равнодушную нянечку, просто сидевшую рядом и ничего не предпринимавшую, я и подумал: «Почему умираю я, а не она?» — а потом через провал времени вновь: «Ладно, я согласен. Пусть умру я» — и уснул, и проснулся, а под окнами — родители и Миньон, а потом — конструктор, который было и жаль и не жаль — всё равно с собой ничего не разрешали взять, и он должен был остаться здесь...

С Миньоном и папкой на плоту я не был — папка мне пересказывал это в назидание, в развитие рыбацких навыков — как не надо вести себя на реке и всегда надо знать, во что ты ввязываешься — «Поймали уже девять язей, хватит, нет, этот киевчи (киевлянин) лезет настырно в воду: «Толечка, Толечка! Там язь!» (отец передразнивает брата-горожанина, впрочем, добродушно — как большого дитя, хоть он и старше), а вдруг там зацеп, коряги? Течение-то ого-го, не шуточное — унесёт»... А я, конечно, молча был полностью солидарен с Миньоном — как же так, там язь ходит на привязи, не какая-нибудь ляпка — так надо этот зацеп того, отцепить — надо лезть, конечно, не раздумывая... (Это, безусловно, наша порода, а не какая-то киевская примесь. На этот счёт где-то у Гумилёва есть указание, что те, кто происходил из каких-то мест, получали прозвище на «чи» — это старая коми-зырянская словообразовательная практика, примени-

тельно к нам звучавшая несколько фривольно: если жители посёлка Поинга (поингцы по-русски) были поинчи, жители Куниба — кунибчи, всё спокойно, пристойно, ну а мы ж все, кто из Вотчи — иногда нами, в порыве грубого шутивого баловства, обзывались волчичи (хотя правильно по-коми «волсячи» — звучит почти так же «волчичи») — если есть желание, то и переводить-то особо нечего: вёв — конь, чичи — яйца...)

Постепенно для меня река стала заселяться и моими «крестницами», обрывать моими коронными местами (здесь — огромный хариус, которого тут до меня никто и не додумался ловить, а вот тут, в невзрачной заводиночке, закрытой от других кустиком, которого обычно лень отклонить — моя щука) — хотя, конечно, до отца мне было бесконечно далеко — он-то, казалось, чувствовал всю Поингу на протяжении её ста километров от верховьев до устья.

Но что я не мог знать, восполнял другим — у меня с рекой был свой роман, своя любовь, неповторимая, не касавшаяся никого другого, даже невозможно иначе обозначить это познание реки — любовь не спутаешь ни с чем другим...

В приезд Дяди Толи Цветкова отправляемся с ним, с его сыном Гришкой (моим двоюродным братом), с папкой к мосту на Поингу — показать, что это такое. Со смешочками, с разными цветковскими выдумками (собрали по пути грибов, в основном, белых, дядя Толя распаляется, шутит: «Вот теперь на супчик уже есть... Знаете такой суп — ыр-татуй?» Я по-детски доверчиво попадаю: «Не, не знаю...» — «А это две картофелины, а посередине — ...!» — гогочет дядя Толя, не стесняясь при мне пройтись матерком — ну, думаю, у них там в Средней России, наверно, так положено; отец-то, конечно, тоже употребляет, но в сердцах, по случаю, не так, не намеренно, я же для себя незаметно, в унисон ему, когда срывается огромная рыба и опадает леска неволью иногда, сам не замечая, как прорывается: «А, ...ля!» — но отец пока не замечает) добрались-таки до моста, достали снаряжение, лодку надули до звона и решили наскоро перекусить. Прямо в лодке на берегу (а что искать сидушки, валандать брёвна — вот оно, всё рядом) разложили продукты — сидим, заправляемся, мы с Гришкой давимся смешками и зелёным луком — так забавно дядя Толя, посверкивая золотым зубом, рассказывает папке довольно двусмысленный анекдот про молодого быка, предлагавшего поиметь одну коровку, другую, и про матёрого: «Мы медленно-медленно спустимся с горы и... всё стадо!» — дядя Толя, изображая потом всё действие, забывшись, что сидит на резиновом баллоне, а вовсе не на брёвнышке, по привычке втыкает нож рядом, будто в бревно — раз! — и баллон лодки под собой насквозь!.. Досмеялись, дохохотались: думал под ним бревно — и на тебе, херак! — нету половины лодки... Вот тут я услышал всё, на что они способны — и папка, и дядя Толя — когда они отошли от первого, в секунды три, шока, непонимания, что это грохнуло! И как дядя Толя вдруг разом кувыркнулся навзничь в кусты!.. Перекусили называется...

Пришлось лодку подвернуть, скатать раненое отделение как юбку, как шинель-скатку — кое-как обвязать проволокой. И папка кое-как пристроился плыть на этом уродце-инвалиде, на лодке-обрубке (ох, и ругался, видимо, уже в душе на нескладного зятя...) А нам — тесниться втроём на плоту. Вот и познакомились с Поингой вплотную в самом натуральном выражении.

Забрались повыше, весь день сплываем и ночуем у моста. Ранним утром, когда ещё все спят, дядя Миша выпрастывается из палатки и со спиннингом спускается прямо к омутку, к старым сваям, торчащим чуть выше, где раньше, десятки лет назад был первый, старинный мост — по нему ещё деда ездили за Поингу собирать живицу. Первый же заброс — и у него хватает жадная, молчавшая вчера, а тут нате — объявившаяся, всплывшая за ночь, как подводная лодка, пока все спят, обозначить свои места — вроде бы, ура, проклятие снято! — щука (опять буром, опять вытащенная с силой) поднята на берег, и потом дядя Миша резко нагибается и, не рассчитав, летит в воду! И щука плюхается сверху на него — опять сход?! Мы просыпаемся от этого шума, вылезаем из палатки недовольные — ну что такое? Что опять случилось? И снизу, из-под берега, поднимается дядя Миша — бодрый, счастливый, освежённый утренним купанием, насквозь мокрый и весёлый — опять ушёл, гад! Ну опять, ну что такое?! Я думаю, как он может радоваться? — рыбы-то нет. А он смеётся, ещё раз пересказывает, как он нагнулся, как нырнул в воду — отец смеётся вместе с ним, а мне непонятно: ну неужто смысл рыбалки вот в таких нелепых случаях?! Главное ведь, не чтоб взяла, а чтоб попалась, нет? Хотя, проходят годы, и те, что попались — забылись, а эти, непойманые, так и вспоминаются. Но я даю себе слово — со мной такого бы не было! Как же... Это как с вождением автомобиля — пока не попадёшь в аварию, не почувствуешь, что такое инерция, мощь, сила, несущая эти с виду надёжные, устойчивые, хорошо держащие асфальт штуковины, внутри которых ты до какого-то момента — король, пока не почувствуешь, как машина легко сминается вокруг тебя, как комок мятой бумаги (я сам попал в аварию в первый свой самостоятельный выезд: набил машину полную пассажиров и лихо покатил в деревню. На повороте, не рассчитав, зацепил бордюр на скорости — и пошли мы кувыркаться!.. — дальше шок и дрожь, и странное веселье, что никто не пострадал, ни одной царапины, только у мелкого чуть вмялись очки в переносицу. А как подумаешь, что могло бы быть, если б не защита сверху — шаг влево, вправо, случайный прохожий по пути — и берёт снизу, хватает липкая холодная рука, вовсе нешуточная).

Плывём с отцом по нашим местам, от дороги и ниже к избушке. Вернее, папка плывёт, а мне лень (подспудная мыслишка: здесь, около дороги, приходящей к Поинге, часто вертятся рыбаки, деревенская молодёжь, всё тут обловлено, прочёсано, вот там, дальше, ниже, есть где разбрестись, размахнуться — там и выглядит всё по-другому: загадочней, перспективней, не то что чуть ли не натоптанные здесь полянки, призывающие — встань вот так, закинь вон туда, проведи блесну таким макаром... — будто перезаученное школьное стихотворение), ещё успею я поплавать, ещё впереди — затёкшие ноги (и даже уставший от постоянного сидения на деревянной полочке, извините, зад — хотя я и подкладываю перевязанную верёвками палатку, но и она в конце концов сминается, разъезжается, норовит соскочить — и ещё как привяжешь, бывает, сложишь неудачно, и будто графиня на стульчике, что вы, что вы... — сидишь на краешке, на кончике, выгнув спину; да ещё и загривок будет болеть от монотонной работы спиннингом — тоже никуда не деться, и пальцы сотрёшь о катушку; а если ненароком соскочит пластмассовая штучка на ручке, так ещё и до черноты накрутишься, наколотишься

этим оставшимся огрызком-шпеньком... Хотя вдвоём, конечно, веселее, но опять же будем с папкой выглядывать лучшие места и норовить так, чтоб тебе (подсознательно, на грани осознанного действия с моей стороны) развернуло лучше — можно даже пару раз забросить спецом в траву или на кусты повесить блесну серёжкой, чтоб подтянуться, вывернуть лодку нужным боком. И я думаю — папка-то знает и чувствует эти мои фокусы, и специально даёт мне забросить куда получше, и я тоже это чувствую, и ведь молча принимаю, гад, почти что как положенное. Нет уж, лучше я пока пешком, одиннадцатым номером, на своих двоих...).

Я уже неплохо ориентируюсь на реке — знаю, где лучшие места, и всё же тороплюсь их обловить до того, как папка покажется (всё равно ему доступно теперь больше моего, у него простора больше, а у меня — то трава мешает забросить — слишком широка, даже если и клюнет рыба — всё равно запутается, не вытянуть её через слой травы... То кусты — их ещё никто не отменял, многометровые ивовые заросли, где хорошо, если есть просвет — там-то я уже заброшу — освоил всякие способы — и через голову, и снизу, и сбоку, с натяжкой лески как на удочке — подмастерье, стремящееся стать мастером, а для этого что нужно? Правильно — уловы, весомые доказательства).

Так, пару поворотов срезаю (бесперспективные места и выглядят по-особому, как-то уныло, безжизненно, слепо — или это у меня открылось особое рыбацкое зрение, раскладывающее всё на составные части: травка, мель, ямка, топляки — как некоторые фигуры в игре: сделать ход? — будто я начинаю думать над ответной комбинацией, где может притаиться моя рыбёха и как себя поведёт...) — и выхожу прямо к большой песчаной косе, оканчивающейся хорошим омутом, медлительно важным, осторожно перебирающим пальцами-топляками, оканчивающийся красивым травяным мыском, затирающим горловину чистой воды к разрезающему всё на две неровные быстринки островку (он мне уже недоступен, это папкина вотчина). Вот это место по мне, здесь есть над чем поразмышлять, повозиться: кидаю сначала с косы под глубоко нависший над толщей воды противоположный берег, передвигаюсь всё ниже, незаметно встав почти на отвесный глинистый спуск к омутку...

Опять в голову лезет дурацкая авария, по ассоциации с тем, что я не заметил, как с пологого песка перешёл на отвесную глину: дело было зимой. У меня встала машина, а надо было срочно ехать в город — и я легко, не задумываясь, пересел на другую — попросил у друзей переднеприводную (у меня привод был полный) — и, опять набрав пассажиров, помчался в город, не особо ощущая разницу — машина она и есть машина. И на какой-то длинной дуге, упираваясь в хвост лесовоза, я вдруг понял, вернее, вспышкой озарения ухватил — дорога — лёд, чистое стекло, лесовоз, гружённый до отказа — тормозит, легко останавливаясь, что ему — он тяжёлый, у него цепи на шинах — загораются красные огоньки стоп-сигналов на его прицепе — торможу и я, как обычно, только никакого эффекта — я не на своей машине! И лечу прямо в эти фонари с той же скоростью, что и ехал! — миллисекунды — вывернуть руль, дёрнуть ручник! — и, обогнув по дуге вставший колом лесовоз, сделав несколько оборотов на льду, как в обязательной программе по фигурному катанию — плугом взрываем снег на противо-

положной обочине! Снег, красиво, весело сверкая в наших огнях и в удивлённых, моргающих фарах встречек, распускается новогодним веером — останавливается пара машин, сочувственно спрашивает — всё нормально, все живы? Да, всё хорошо. Только что увернулись от смерти, тупой, некрасивой — въехать в царапающие, свешенные деревянные... Пассажиры другие, но наслышаны о моём невезении и везении — спокойно едем дальше, вот только в будущем ездить со мной будут крайне-крайне редко — если совсем некуда деваться. Хотя, чего бояться? Ведь хоть и нет предопределения о нашем житии, но куда ты денешься, пока не исполнишь всё, к чему призван? Хоть в море кидайся, всё равно какой-нибудь завалающий ленивый кит тебя проглотит, пожуёт-пожуёт да и отрыгнёт на то место, где ты должен быть!..

Итак, не почувствовав глины, весь в азарте только начавшейся рыбалки, забрасываю блесну поперёк омота, под кусты на другом берегу. Пока веду — один удар, второй... Что такое? Посреди болтается одинокий почерневший, как старая просмоленная трубка, топляк — неужто зацеп? Может, блесна что-то задела? — ведь глубоко, не видно. Забрасываю снова — опять удар, и тут хорошая, уверенная хватка — есть! Папка-то где-то ещё далеко, оплывает все мели и все обловленные мелкие омутки, а я тут борюсь, вываживаю — первый! — вот я его сейчас удивлю! Щука, хоть и сопротивляется, встаёт боком, упирается — но всё ближе, всё ближе (только не буром, только не напролом — помнишь дяди Мишины трагедии? Помню...) — вот она у берега. Втаскиваю, она срывается с блесны и падает мне под ноги — наклоняюсь (и тут же — хорошо помнишь дяди Мишины трагедии? Кажется, да, или нет — ой-ой-ой!..) — и лечу в воду! Всё повторяется в жизни, почти: я успеваю в воздухе извернуться, и как хороший баскетболист (просто классный, наверно, со стороны — Сабонис, не меньше), придержать щуку на берегу, пока она не свалилась мне на голову... Я в воде по пояс, но главное — щука моя, её-то я к берегу прижал крепко: не уйдёшь, тем более такой ценой! И тут появляется папка на лодке — что такое? что за шум? — хватаю рыбу и иду к нему, мокрый весь и счастливый — тоже весь — ведь свою рыбину я не упустил! А это главное! Папка и рад (что мне, плевать на всё — на сырость, на начавшийся мелкий дождик — лишь бы рыба была), и недоволен — только-только путешествие начали, и на тебе — вынужденный привал, костёр — просушивающиеся пятнами мои брюки; дымящие паром, как паровозные трубы сапоги; чай для сугреву; а ведь время идёт, рыба клюёт, надо двигаться дальше, вперёд, несмотря на аварии... Досушимся потом, у избушки, к середине дня, а сейчас влезает в лодку — плывём дальше, и я великодушно сажусь на корме, подгрести в случае чего вёслами, оставляя лучшее место в носу для папки, у меня-то уже есть фора, есть рыбина, один-ноль пока в мою пользу.

Столько уже пройдено, поймано, упущено — и хотя каждый раз это, как волшебство, как привычная любимая сказка с новым продолжением — поклёвка, леска, режущая воду, вздымающееся из реки появление рыбины, её живое упрямство, игра, бой один на один — но вспоминается больше что-то необычное, из этого ряда, не укладывающееся в рамки простого описания: поймал, ещё поймал, и вот так, и вот эдак — и возможно, прав тот, кто первый заявил, что время, проведённое на рыбалке, в счёт не идёт, всё же оно течёт, это время, как река, к

которой мы приравниваем жизни, меняя её на редкий миг удачи — в основном же, это труд, мокрые ноги, лазанье по каким-то запутанным кустам, подкачивание прямо на ходу, с колена, сдувшейся (наверное, прокол под сиденьем, куда угодила и зацепилась мушка на хариуса) лодки, разведение костра из сырых веточек, быстрый перекус, а если застудил ноги, то и зубная боль, и острое, до слёз, разливающееся от горячего, нытьё-ожог (и всасываешь холодный влажный туман через щель — остудить хоть на миг эту пытку) — и через силу (как тут ловить?) плывёшь дальше, и за поворотом, забывшись, ловишь, и становишься опять самим собой...

Я важничая: впервые собираюсь сплыть один от моста до дома (с ночёвкой в Борган-шоре, в заброшенной избушке). Приехали дядя Миша с тётёй Лидой и детьми — Марианной и Максимом на несколько дней отдохнуть. Но дядя Миша не идёт на рыбалку — хочет что-то поправить дома, а вот Макс хоть ещё и мал, но всё же уже гораздо старше того возраста, что я начал ходить на Поингу — пора бы и ему попробовать, что это такое, приобщиться к общей семейной рыбалке. Дядя Миша, узнав по моим сборам, что я иду на Поингу, предлагает прихватить с собой Макса: вдвоём-то веселее — и я горд, что уже как старший (пусть ещё и не окончил школу), уже могу взять с собой в тайгу Макса — раз так, то я уже проверенный таёжник, нигде не пропаду (правда, чего греха таить, бывали случаи: потрухивало страхом, в одиночку, пробирало до костей, но молчание — золото, никто об этом не знал, не ведал, никто ж не видел, как ты вздрагиваешь от резкого крика птицы, как ты покрываешься испариной в испуге, что заблудился, пошёл не туда, не там свернул, перепутал дороги...).

И я слегка свысока (чтобы Макс не распознал моих прошлых страхов и сомнений, чтоб не сомневался в моей таёжной компетентности), начал ему всё преподносить в поучающем ключе — и по дороге, и на реке:

— Вот плёс, здесь вставать не будем, хотя может клюнуть язь, проплывём на блесну. Лучше потом попробуем на донки. А вот, гляди, там может стоять щука — видишь заводинку? А тут...

Болтая, мы не заметили, как к нам приблизился топляк — что ж, обычное дело, провожаешь его периферическим зрением, лишь бы не нарваться, не зацепить лодкой, а так ничего особенного, пусть плывёт... И вдруг — стоп! — секундное озарение: а почему топляк с глазами? С глазами-то почему?! А?! — и взрыв, удар, волны — смотрю, Макс в испуге (если б он знал, что и у меня такое впервые, и что моё сердце тоже блыкнуло куда-то вглубь, как свинцовое грузило, и замерло... где-то внизу живота) — Ого! — Юра, что это? — А, Макс? — Что это было? — А, это... Это бобёр нырнул — гляди, пузыри идут... это он плывёт...

Тихая, красивая, как жемчужное ожерелье, как ожившее созвездие, цепочка пузырьков поднялась и оборвалась.

— Затаился где-то, гад!..

— Ох, блин, я чуть в воду не упал...

— Да не обращай внимания, Макс, они тут на каждом шагу. Развелось этих бобров — как говорится, ни вздохнуть, ни пёрнуть...

— Уф, блин. Давай поплывём отсюда, а?!

— Да ты что! Место-то отличное — вон, смотри какая заводинка... Сейчас проверим...

И блесна летит в укромный уголок под кусты — я уже спокоен, точен — знаю, где и как она должна упасть, и как я буду по-взрослому, подмигивая Макс, подтягивать её, крутя катушку спиннинга — и там, где она должна вот-вот упасть — опять что-то выныривает! — опять взрыв, удар, хлобысть! — мы в повторном шоке, гораздо более глубоком, добывающем наш разум, который только через несколько мгновений начинает включаться: это тот же бобёр всплыл, бедолага — и блесна наша ему чуть не упала на голову... — и он нырнул, вновь испугал нас до усеру... — и привёл в какое-то неистовое веселье:

— О, блин, видел, как мы его?!

— Ох, наверное, он там обмочился... Сидит, спрятался, высунуться боится... — Пустил струю, ха-ха! — Выдавил пасту, хохо! — Сидит, танцует ритуальный танец, хи-хи!

Я смеюсь, Макс веселится вслед за мной, считая, что тут каждый день такие приключения, но я-то, при всей внешней беззаботности, знаю, ох как хорошо знаю, что с тайгой шутить не надо, и уже где-то внутри, таким же бобровым макаром, втихаря затаилось не всплывающее пока наружу опасение: зря я ввязался в это дело, зря, ещё и Макса за собой потащил, а он, доверчивый, веселится, не знает, что надо всё время быть начеку, не догадывается, что тут кругом... (но что кругом я додумать не мог — это нечто, некая сила, с которой не шутят и не заигрывают).

На следующем же омуте опять примечаем: пошли цепочки пузырей, ага, уже вслух Макс комментирую:

— Видишь пузыри?

— Ага.

— Сейчас я ему в лоб врежу!

— Ага!

Макс уже особо и не беспокоится — это мы проходили... — спокойно наблюдает, как я размахиваюсь, как немного небрежно (надо же исполнить роль мастера и подмастерья, подпустить гениального небрежного тумана) кладу блесну поперёк этой загадочной цепочки. И вдруг — рывок, удар! взрыв! бомба! — что такое? Бобёр решил нас по-другому испугать?! Утопить нас, что ли? Что это?! (всё это за миллисекунды). Я же знал, что так шутить нельзя, дурак! Ну кто просил меня ввязываться в это, да ещё и с Максом?! Когда мы на рыбалке, ну хоть раз вот так заигрывали с бобрами?! Правильно, никогда! Тогда зачем сейчас это нужно, кому?! Чтоб потешить самолюбие своё?! — гляди, какие мы крутые рыбаки-таёжники! — вихрь мыслей ещё несётся в голове, а руки уже работали — они-то сразу почувствовали, что это не бобёр, а здоровенная щука, которая почуяв наше приближение, чуть погрузилась, отсюда и пузыри, стравила воздух, приняла более низкую стойку, но потом не выдержала — хамкнула нашу блесну, соблазнилась... Вот ведь как бывает.

— Щука, Макс! — тащу, кручу, кричу, а сам боюсь упустить и прикидываю в суеверном загаде: если Макс такой же, как его папка, не видать нам щуки, но, с другой стороны, тяну-то я, заядлый рыбак, стало быть, обязан вытянуть, без всяких, чтоб не опозориться перед новичком: — Макс, подсак готов! Так... Я подтащу, а ты давай снизу, с головы, поддевай!..

И ведь всё у нас получилось, всё вышло, как в учебном фильме — я, скрадывая

рывки, гася их изгибом спиннингового удилица, подвёл это бревно поближе к лодке, а Макс, вытянувшись, быстро и храбро поддел её — и она свалилась грузным брюхом в мешок, и мы, всё ещё не очень доверяя происходящему чуду, втащили её в лодку.

Что-то всё же гнало меня вперёд (всё-таки я в первый раз вышел на Поингу без мужиков, без отца, и не знал точных расстояний — когда нам надо было поторопиться, или где можно было растянуть рыбалку) — и мы оказались на яме около избушки довольно рано. Тут мы позакидывали донок, позабавились ещё какой-то толикой тёмных, черноспинных, загадочно клевавших рыбёх — плотва, подъязики, ничего стоящего... — и, вдоволь накормив комаров, отправились ночевать в избушку отшельника Бич-Васьки, где я по пути снова не выдержал — нарасказывал Максиму историй про этого отшельника-беглеца: и про то, как он воевал здесь с медведем за территорию — короче, гнал жути по полной (мало мне было бобра и щуки!..) — Макс, поскольку мои слова были подтверждены эффективной поимкой здоровенной рыбины, трепетал и ловил каждое моё сообщение: вот здесь он пеньками в него кидался, в Ваську, а вот там, за избушкой, он приходил и лежал каждую ночь...

Наутро мы сплыли до дороги домой, подняв ещё несколько не очень значительных рыбёшек, и возвратились в деревню. Дядя Миша с тётей Лидой были рады, что мы так быстро обернулись, скептически посмеиваясь:

— Ну что, не поймали ничего? Ну как ты, Макся, устал? Сходили и ладно, раздевайтесь... Вот ведь не сидится им дома — и ходят, и ходят, ну что, рыба-то где? На уху-то поймали, нет, рыбаки? А промокли-то, а промокли... И зачем ходили?

Где рыба, где рыба... — я раскатал в холодной половине дома лодку, чтоб просохла, вывернул её по швам, как делал это отец; повесил на гвоздь бродни, расправив голенища, чтоб тоже сохли, ждали меня; а потом и за рыбу взялся: вывалил из мешка наш улов, на половину ванны!.. Макс молодец, молчал — настоящий рыбак, не тратящий слов. А может, это страхи на него так подействовали? — не знаю. Тётя Лида с дядей Мишей аж подскочили, когда увидели нашу щуку... — она выпросталась последней и брякнулась так эффектно, что никаких слов не было нужно: где рыба? где рыба? — вот рыба! Ну что, кто тут рыбак?!

В тот же день я засобирался домой. Тётка с дядькой слабенько, не очень уверенно попытались уговорить меня оставить щуку, но я был непреклонен — как же я домой-то поеду, с рассказами, что ли?! Нет уж, я беру только её — и вперёд, к папке с мамкой: вывалю так же, без слов. Макс потом, когда я уехал, не сдержался, стал рассказывать тёте Лиде, как ему было страшно в тайге в первый раз в таком походе, и как я изводил его жуткими страшилками о Бич-Ваське и его медведе, о нашем бобре, которого то ли мы гоняли, то ли он нас — но тётка отмахивалась: а, не ври!.. (а я потом контрабандой вставил этот наш поход в свои рассказы, приложение к роману, ставшие отдельной повестью, только Макса туда не включил — ведь это была литература, всего лишь выдумка, опирающаяся на нечто бывшее, делающее из него некую фигуру в воздухе, эфемерную, время жизни которой меньше меньшего...)

Умерла моя вотчинская бабушка Лиза — Важъяк Лиза (по дедову прозвищу), Тури Лиза (по девичьему: Тури — журавль), для кого-то Пöрьсь Вежань (старая крёстная), для кого-то Ыджыд Мам (Большая Мать): как всегда в мире остаётся доживать больше женщин, между унесёнными войнами и тяготами — и они несут родовые обязанности, воплощая необходимые всякому разветвлённому роду сущности и образы — пока вот так сами не уснут.

Всё написанное до этого относится к взгляду где-то на уровне глаз, но её похороны я почему-то помню с высоты зависшей над лужайкой перед домом удивлённой происходящим птицы: её вынесли во двор, поставили на густую, тёмно-зелёную осеннюю траву, табуретки, на них — лёгкий гроб, разукрашенный по-деревенски — и будто со всех сторон в неведомом мне хороводе — идут, молча тянутся попрощаться её подружки, соседки, дальше немощные, еле ковыляющие старушки. И с высоты, закрыв глаза, кажется, что будто лёгкая, светлая, белая дверка открыта среди притихшего, набухшего зеленью мира — как колодец, в который заглядывают, и на время, увидев свет, отходят, отказываясь сейчас туда вступить и одновременно принимая его, ожидающего всех — всё тихо, без плача, без суеты.

С кладбища мы с отцом не возвращаемся — взяли с собой рюкзаки и сразу идём на Поингу. Мы об этом особо ни с кем и не говорили, не оповещали, но все и так, без слов, молча, поняли, почему мы так поступаем, и ни о чём не спрашивая, отпустили.

Не спеша, особо не разговаривая, спускаемся по Поска-тую к нашей Поинге. Разворачиваем (в первый раз в таком, будто немного оставленном, состоянии) лодку, в которой устраиваюсь я, а отец идёт вниз и в конце переката перебрывает на ту сторону, на тот берег — обловить всю подкову переката от начала до конца (на нашем берегу — полоса травы, а стремнина с открытой водой — вся идёт вдоль противоположного, кустистого, чуть обрывистого склона). Идёт, будто плачет за нас, мелкий дождик — и хорошо: если у нас вдруг навернутся, нахлынут слёзы, то он скрадёт, скроет, сделает их невидимыми — хотя, что нам скрывать-то друг от друга...

Я на лодке встаю в траву, сильно не швартуясь, не привязываясь — унесёт так унесёт, сегодня пусть будет, что будет. Закидываю в стремнину удочку, даю ей ходу так, чтоб нежно обволакивающие каждую струю кончики трав не задели ни поплавок, ни лески, и с первого же заброса, не успел мой поплавок пройти всего пути — уверенная спокойная поклёвка: из глубины, будто подталкиваемые кем-то, всплывают и садятся нам на крючки полновесные, величаво-холодные, совсем не прыткие сегодня хариусы — как тихая, понятная всему миру, жертва. Не знаю, как отец, а я воспринимал и этот небесный серый слезный сеянец, и эту всплывающую из глубины, одетую грозным потусторонним светом рыбу — как должное, молчаливое, и тихое, и успокаивающее, и волнующее своим появлением-разговором одновременно: всё так, как должно быть — вовремя, красиво, светло, без надрыва.

Литература начинает приносить свои скромные плоды — неожиданно кино-сценарий (в чём-то родственный нынешним запискам) о том, как дед возвращается

с войны и живёт-может без руки, без ноги в послевоенной деревне (то, что рассказал мне отец, благословляя оставить математику и заняться писательством) — привлекает одну кинокомпанию «Эскомфильм» (полностью «Эстония-Коми-фильм», и одновременно «эскём» — по-коми значит вера) и она на пять лет (давно уже истёкших) покупает права на постановку. Это был первый и пока последний весомый гонорар (кто сейчас читает книги, кроме зеков, перебирающих немислимую смесь от «Повести о настоящем человеке» до «Диалогов» Гумилёва с Панченко об этногенезе русского народа, перемежаемых и небезызвестными «Вопросами языкознания» и воспоминания С.Ю. Витте, и сильно потрёпанными, но ещё годными (хорошее издание, качественный клей) вечным Достоевским) — время, начало 90-х, было обвальным, деньги дешевели стремительно — сегодня в одном месте на гонорар ещё можно было что-то приобрести, а в другом назавтра столько (десять тысяч) стоили китайские трико... По моему настоянию (я лежу дома, болею) отец немедленно отправился в деревню и успел купить (с нервностями, с дымными перекурами во время оформления в сельсовете) два заброшенных дома в конце села (всё же это не две пары штанов: половину одного, совсем ветхого, мы потом разобрали — и на дрова и на нужды по починке другого).

Так мы стали соседями того дома, куда заходили по пути в Катыд — передохнуть, перекусить, проведать деда Алексея (он ко времени появления нашей семьи в Ягдоре уже умер, отошёл). Теперь лес стал близок (до места, где уже нешуточно, почти валом растут белые, а по опушке — черника, всего-то минут десять ходьбы, плёвое дело для молодых ног), Катыд — в получасе, а до Поинги — чуть побольше, километра четыре-пять... Для рыбака — рай, под боком.

Хотя вполне ещё сносный дом надо чистить, пробивая плацдарм за плацдармом и отвоёвывая его у ветхой заброшенности и пыльной забытости — но всё же и он, и тот, другой, который «сильно ветхий денми» — это земная, семейная собственность (дедов дом я не считаю, хоть и не списываю — там родня на родне, ещё во времена бабули едва вмещавшего всех вместе — вповалку, по полатам, по холодным комнатам, по полам — а тут именно твоё, отдельное гнездо, где нет мамаевских набегов малышни-потышни, переворачивающей всё и вся так, что потом ничего не найдёшь, и дом из вещей не на своём месте превращается в собрание раздражающей рухляди: а где тут была коробочка с грузилами? А её Гришка брал... А куда положил? А он Ленке дал, а она на двор пошла... А где то, а где это?..) — пусть «Эскомфильм» так и не снял кинокартины, сам рассыпавшись в тяжёлые годы, но дом-то вот он (вовсе это не литературный овеществлённый гонорар, которые мельчают ещё стремительней, чем рассыпаются державы (почти как цены на китайском рынке): Чехов на доходы от рассказов приобрёл дачу в Ялте, Солженицын после «Одного дня Ивана Денисовича» — новенькую кургузую «Победу» (и фото рядом, а как же?!), я же на самый последний перед подсидкой гонорар в «Континенте» (уже московско-виноградовском, а не парижско-максимовском) за «Деревенскую любовь» — под судом, но ещё не осуждённый, под подпиской, но ещё гулявший по Москве — заглянул в ЦУМ и на третьем этаже приобрёл себе (подбросил монетку и первое, что выпало) плотный, английского фасона, хороший свитер, который мне, правда, ох как пригодился на централье, особенно во время повальных эпидемий и болезней, и холода, и невозможности

уснуть без того, чтоб не натянуть на себя всю тёплую одежду... — что дальше нам ждать, с быстрым крушением нынешней химеры, я думаю, каждый догадывается...) — это подарок от деда, будто совершившееся таким замысловатым способом, через третьи руки, выделение отдельной ветви из рода: с обновлением дома и места.

Теперь можно было заново осваивать окрестности, прокладывая новые маршруты, имея такой центр средоточия семьи, как дом на краю рая.

От этого постепенно обживаемого ягдорского дома теперь можно было обыденкой, то есть в один день, без ночёвки, без палатки — смотаться на Поингу: с утра спустившись по нашей, ягдорской дороге к Поинге, сплавиться затем к вечеру до того переката, где мы ловили хариуса в бабушкин день, до Ляпинской дороги, и по ней — почти такой же длины, но только уже в гору — вернуться домой. И не надо тащить с собой груз на много дней, и ночуешь теперь дома, в тепле — красота! шик! И этот участок реки между двумя вотчинскими дорогами — один из самых лучших, красивых и уловистых: перекаты, ямки, перекаты, ямки, повороты да курейки — не хариус, так уж щука с язём будут точно, помимо налившейся ягоды — черёмухи, смородины, свисающей до самой реки: зацепился за ветку, обобрал — и дальше... Знающий в этом толк меня поймёт: это уже граница, дальше уже только тургеневские мечты: живёшь в лесу, один, спокойно перебираясь с места на место на коне, с собакой, с ружьём через седло (хотя по мне — только удочка...) — что ещё надо, как говорится, чтоб встретить старость? (Часть ласкового несбыточного плана с собакой провалилась: проданной коллекции всего «Флойдовского» вина хватило на щенка американского коккер-спаниеля, Чешу, но — неудачная прививка, болезнь, напоминающая чумку... — и всё, конец мечте; с тех пор в семье водились только кошки, отлично вписывающиеся в ягдорские реликтовые кущи — Тришка (чёрная сиамка, разорванная соседскими волкодавами), простенькая Милка (загулявшая в городе), последняя — Маня (персидская манерная браун-табби, однажды взятая детьми на Поингу, и чуть там не сгинувшая в густых зарослях)).

Впервые беру с собой на Поингу сына, ему девять лет — пора уже и попробовать, что это такое, а то в школу давно пошёл, а настоящей тайги ещё не пробовал — это не дело, непорядок. Я-то здесь лазал гораздо раньше, да и не был таким неженкой, меня не надо было будить, чтоб идти на рыбалку, как этого соню:

— Па, ну подожди... Я сейчас... — и опять в подушку. Вещи собраны с вечера, я уже одет, готов, а он всё никак не выкарабкается из объятий ласкового деревенского сна (нападавшего на него всякий раз в деревне).

— Олежа, пора, потом солнце встанет, будет жарко...

— Па, ну ещё минуточку...

— Олежа... Пойдём, нет? (если бы мне в детстве такое сказали — пойду или нет я на Поингу? — я бы сгорел от стыда, а это уже другое поколение, более городское, что ли?)

— Ну, Олежа, всё, подъём!

— Ну, па, ну... Ты всё собрал?... — не знает, что придумать.

— Да всё, всё! Подъём... — вялое недовольное вставание — умывание лапой, бабулина кашка из-под подушки (тёпленькая, как ты любишь... Олежа, с

сахаром?..), непрерывное потягивание-зевание, опять бабулин — платок от комаров на шею (тоже мне рыбак! с бабки-мамкиными причитаниями собирающийся в путь; лезет в голову детский стишок: «Стал на рыбалку рыбак собираться... Удочку взял, чтобы рыбу ловить...» Ну и где-то там, и самовар, и диван — это как раз всё про нас), капризно недоеденная даже до половины каша (ну ты, рыбак, у меня попляшешь! — запросишь жрать посреди реки, уж я-то знаю... А до привала-то ох, как далеко!), перепутанные стельки в сапогах (опять остановка в пути, вытряхивание из сапогов — «что-то жмёт, трёт, не могу идти»), и наконец: — Па, ну что так рано? (это в шесть-то утра, рано?!)

Ну, наконец-то, вышли.

Теперь моя очередь, мой ритм жизни, свобода. В семь мы уже на реке, там, где ягдорская дорога буквально упираясь в перекат, падает в реку, потом выползает на остров, и, пройдя по нему, с вершинки — снова ныряет во вторую протоку и выскакивает на тот, заречный, заветный берег, пробиваясь пойменными болотами к лесу. Выше этого острова глубоченный, с двумя водоворотами, омут — бывший мельничный пруд, от которого начинается мель, перекарт, обозначенный, как обычно, сужающимся, будто испанский придворный воротник, зелёным полотном-парчой травы, изысканно украшенным разными там цветочками и кружевами — плетённой и приятно хрустящей чистейшей галькой.

Возимся с лодкой вместе, потом высаживаемся на острове, вернее, я веду туда вброд лодку с сыном: протоки по обе стороны от острова проходимы, неглубоки, вполне хватает бродней: это всё для того, чтоб отдать остров сыну — а ну, осторожно, пройди, даже прокрадись к самому началу острова, тихонько подойди к начинающейся там стремнине и попробуй половить на течении (не говорю, что хариуса) — если всё сделаешь правильно, может и взять (пескарь-то точно возьмёт — это не обман, это обучение интересом, который живёт в каждом во все времена — иначе зачем бы мы читали про эти острова и всяких там Робинзонов с таким упоением, с такой тоской по быстро исчезающей и кончающейся книге?)...

А сам встаю на перекарте — мне-то как раз нужны именно пескари на щучью удочку в качестве живцов — лучшая приманка, и держится дольше других...

Слышу, возвращается — возбуждённый, радостный! Первая рыба на Поинге — и хариус! Красивый, сильный, клюнувший ровно там, где сказано — чуть не у ног, в центре стремнины, под которой он прокрался, не потревожив его, не спугнув — тоже плюс, значит, не только мы бабушкины пирожки умеем поглощать, значит, когда надо — мы начеку!

— Ну что, рыбак? Отплываем?

— Да, па... — для него это первый такой поход в тайгу, можно сказать, рыбацкое крещение — всё, что было до этого — не в счёт. Как оно сложится, как пойдёт? — я-то помню, как своё детство продирался сквозь все трудности, с комарами, с сыростью, усталостью, страхами — речка может и отвернуться, обернуться холодной, немой недотрогой, не желающей делиться своими богатствами (сколько уже позади унылых, однообразных, невесёлых часов, дней, когда плавающая стальная поверхность в заговоре с верхними водами и ветрами — будто захлопнувшийся мокрый капкан, издеваются: мокни, терпи, хочешь поклёвки? — шиш! мокни, плачь, продрогни до судорог в ногах, а лучше сиди у печи, жуй калачи... жизнь тебя заставит пирожные кушать... в городе-то так легко, так хорошо —

ботиночки надел и вперёд! что ж ты? там друзья, развлечения — что тебе тут нужно? Кому и что ты хочешь доказать, а?)

Но сегодня всё не так — только отчаливаем, только готовимся отплыть — выглядывает солнышко и как в тот раз, в бабушкин день («день смерти почитай больше дня рождения») — тоже чувствую какое-то всплывающее из глубины волнение — и в себе, и в природе, но другого, мажорного сорта — лёгкой баховской фугой разыгрывается солнечный день: рыба играет, плавится, активничает, резвится, оживляя чуть не каждый уголок реки — и нам везёт, как сумасшедшим (о таком я только в детстве слышал от отца, и верил, что так бывает, и до этого дня — обманывался): рыба — и щука, и хариус, и елец, и вновь щука — клюёт и клюёт, как заговорённая, и бросается на наши снасти, и срывается, и дерзко выпуливает откуда-то вновь... Да что там! — на нашу блесну бросается и по две щуки разом, и которая успевает схватить раньше — та и наша, ту и вытаскиваем в бешеном азарте, торопясь выпростать тройник из пасти — ведь где-то здесь, может, и под нами — вторая...

— Па, ничего себе! Гля, у этой чешуя поцарапанная... — и всплывает отцовский рассказ, как он тащил щуку на спиннинг, и тут из-под куста рыскнула здоровенная тень — ам! — и унесла его щуку. Другая гораздо большая... — и вот — следы на боку очень даже приличной щуки: значит, где-то здесь рядом такая же грозная воровка... Но, наверно, когда она выходит на охоту, умолкает и таится по углам всё живое.

День, и наше путешествие на середине, на изломе. Надо бы сделать привал, отдохнуть, я уже выглядываю знакомое место: но река не отпускает — опять поклёвка! Я даже начинаю беспокоиться — слишком хорошо — это тоже плохо. Вот примет сын всё это постоянное, с всплеском, явление щук, и бульканье, и акробатические прыжки за мушкой хариуса — за положенное, будто тут всегда так, и будет потом в бесклёвье томиться и маяться, и гнать вперёд... — хотя, конечно, сегодня особенный день, первый и последний...

Всё, привал, больше пока не закидываем — течение кружит нас по красивому полукругу большого переката, в середине которого встанем, потянемся, разомнёмся, попьём чайку, посидим на берегу, посмотрим, как взбрыкивает на течении рыбёха, полежим на травке, как репинские охотники...

Вылезает из лодки:

— О-ох! Хорошо-то как! — от переката несёт слабой свежестью мяты, растущей прямо у уреза, по кочкам — мы поднимаемся вверх, на берег, на плоский лужок, с которого виден весь перекат. Минутное дело — примять траву, развести костёр (где-то наши старые, с отцом, костровица). Я полез по склончику набрать земляники, чтоб сыпануть в чай — отметить превращение засони в рыбаки, а Олежа идёт черпануть воды вниз, на перекат. Слышу, пристроил котелок к костру и пошёл обратно, к воде. Оборачиваюсь — бродит по перекату, по траве, что-то выискивает (то ли показалось, то ли пропустил мимо ушей до этого какую-то странную фразу: пап, а пап, что это там торчит?! — ребёнок... Что там может торчать? Ну коряга, какая-нибудь ветка, что ещё?) — и уткнулся в траву, собирая в кружку бело-красные звёздчатые ягоды. А краем глаза всё же туда: а действительно, что

там? Поперёк из травы что-то извивается, будто хвост. И сын вдруг резко бросается вниз, хватает и вытаскивает нечто!

— Па, рыба!

Не может быть. Этого не может быть, потому что не бывает такого никогда: сын бредёт быстро к берегу, и у него в руках что-то бьётся. Я не верю. Но он уже рядом, и у него — что это? — что-то знакомое... Налим! Запутался своей головёшкой в корнях травы, вот жаба! вот неймётся! — и выпростал своё длинное плесо наружу, и помахивает, как собачка!

Этого нам только не хватало — чтоб мы рыбу ловили просто голыми руками! Но налима налицо — факт! (Хорошо, а что мы будем делать, когда будут средненькие уловы? Как будем оправдываться, что не клевало, не клевало, а потом совсем перестало? — раз тут рыба дуrom, сама в руки прёт!) Да, думаю, засоня, ну что ж, дружок-пирожок, жизнь-река тебя благословляет — только бери аккуратней, не будь простофилей!.. Сегодня у нас день чудесного лова — хотя и он, как все остальные, оседет на дно, и увидишь ли ты его сквозь воду времени, и узнаешь ли, вспомнишь ли когда-нибудь?

К концу дня, к концу путешествия полностью, туго, под завязку набиваем рыбой рюкзак. Сын пытается нести его до дома, но в какой-то момент сдаётся, передаёт мне. Да и ладно, лишь бы дошёл до дома, обратный-то путь трудней (об этом я предупреждать не стал) — физически трудней, морально-то нет, всё-таки там дом, там ждут, и мы идём далеко не с пустыми руками, и порассказать нам есть что, и показать... Вот только на рыбалку нас ноги несли вниз, к реке, к рыбе, к неизведанному, а теперь обратно, всё в гору, всё вверх, надо ещё оторваться от реки, преодолеть её водораздел с Сысолой, делящих себе ручьи — этот мне, и этот мне, а вот уж этот — мой, и течёт в другую сторону...

На самой вершине дороги первые поля, самые дальние от деревни, овсяники. Кто-то прямо на дороге просыпал зёрен, и журавли к вечеру парочкой выходят полакомиться. Снизу, лесом подходим к этому месту, я по пути рассказываю Олеже про журавлей, про то, как впервые увидели их с дедулей (заманивая про себя — ну ещё вот до того поворотика, вот до той развиловки, главное, иди, рыбак, не падай от усталости, не раскисай...) — и точно, журавли как по заказу взлетают, недовольно курлыкнув, расчертив закатную лазурь чёткими графически отточенными линиями и росчерками своих крыльев, и присаживаются на опушке — пока мы неспешно бредём по дороге, один всё вышагивает недовольно, как заезжий агроном, меряющий шагами землю — ну когда же мы, две копуши, один постарше, смешной пузан, сзади и спереди по рюкзаку (это я) и другой помладше, с бабушкиным платком на шее, набекрень — когда же мы, две улитки, уползём за действительно круглый урез земли — болтают ещё, смеются, хотя в природе всё уже замолкло, застыло, и деревня за холмом примолкла — когда уж мы уйдём и дадим спокойно доклевать остатки раскисшей, начинающей уже кое-где прорасти, россыпи. 14 июля, 14 июля... Хороший был денёк. Неповторимый, как все.

18. Второе небольшое отступление

Иногда комментарий не уместается в скобочки и сноски.

Да и хочется некоего перерывчика, привала, небольшого деревенского праздника (когда не принадлежишь сам себе: водочки, кагорчику? — не-а (звучащее с набитым ртом как «ы-ы»), салатiku «оливье»? — угу... — Сыр попробуйте, я рецепт вычитала из календаря... — швейцарского? — не, из «Сельской жизни» приложение... — что будем петь-то? — Вась, сходи, там в подполе банка огурцов — тётка Лида, садись поближе — я на уголок, мне места хватит — кто будет говорить? — Жень, передай на тот конец... — что это? — свёкла с сыром — а чеснок там есть? Я не ем... — куда-куда-куда столько накладываешь? Ну, у всех налито? — ой, пролила... — ничего, быстрее, салфетку... — дети, а ну, марш в соседнюю комнату, Валентин!!! Я кому сказала?! — вот ведь, а я думаю, кто там под столом?! — Валентин, я сейчас тебя накажу!!! — Горчички? — Угу... (цитируя со смехом фильм) — Вась, посчитай, сколько рюмок не хватает? — А я выхожу на крыльцо, а он стоит у калитки, мол, сейчас уйду, ногой качает, а я внимания не обращаю... — ну, всем хватило, нет? — тарелки не убираем, ещё будет картошка горячая и мясо!.. — тётка Лида, ну что ты, подвигайся к столу...

Стол красиво украшенный, как мир, как пережат золотой осенью; вино и мясо (кто из мирян не вкушает, тот по канонам Церкви — извергается вон, как гордец и вольнодумец) — символы смерти, вкушая которые, принимая внутрь, смиряешься, обретая силы для продолжения жизни. Что мы без праздников и привалов? Что наши лазания по тайге без тех, кто нас ждёт дома, и что наша жизнь без Бога? Так, пустое сотрясение материи, бесплодное и холодное, как безопасная охлаждающая любовь...) в ходе однообразного речного течения книги.

Видимо, пришло время — кому-то посидеть за столом, кому-то в тайге, присев на поваленное дерево — покрошить яичную скорлупу (поискать выскочившее, хорошо сваренное, нырнувшее в глубокий сырой мох белое влажное яйцо — мир с солнечным желтком чуть сбоку, просвечивающим и подёрнутым чуть серой дымкой), хрустнуть молодым шершавым огурчиком, подзаправиться чаем из снаряда-термоса — мне же, откинувшись на шконке (у Пушкина на Мойке, 12 — стоял диван с откидной столешницей, вот ведь как с удобствами, по-обломовски обстоятельно, устраивались люди!), лёжа, глядя вверх — и заняться подобием синтеза. Столь же бессмысленного, сколь и предыдущее неторопливое ежедневное выплетание одной рыбацкой ветви из плотного сплетения-зацепления истории семьи, её поисков любви, и, наоборот, её движений в потоке любви, будто опавшего, оторвавшегося от мира листа, нашедшего свою реку и своё упокоение в её стремлении к устью (смысл этого ежедневного синтетического упражнения — не сойти с ума от безделия, от лагерной скуки, по возможности остаться собой, сохраниться для новой встречи с миром, а так же — в обретении зрения, слуха, обоняния и т. д. — всех чувств, сколько бы их ни было (хотя от постоянных общелагерных инфекций — и слух, и обоняние уже не те, а за год централа и его немигающей тусклой обыденности (лекарство — шторы, полотенце) подседело зрение) — чтоб пройдя через войну, вернуться и дотянуться до желанного и любимого).

Проплывая свои реки, я вижу любовь, приведшую меня к ним, и любовь, двигавшую нами — и отцом, и дедом, и мной (и семьёй). Вижу слабые места — в передаче по наследству от одного к другому — и невозможность другого, кроме этого, решения. Но возьмёт ли что из приручённого мной мира мой сын, или дядин Мишин-тётин Лидин Макс, или Гришка Цветков — загадка... И что они увидят или отвергнут, наши родные, рождённые нами и не нами дети?

Сам-то я вижу свою нерождённость от природы, радостно познаваемую мной в адамовом порыве: бродить по тайге и называть существующее его именем... Вижу и слышу (особенно в долгом деревенском праздничном журавлином застольном завывании) — и желание избыть тоску уходящего времени — мира (в том числе и по старым, особого склада людям, жившим по-иному, свято) и лёгкую естественность возникающих примитивных родовых поверий (толчок — и вот он, культ предков и родов, великих матерей и природных духов — ...а у меня, слышь, Васильевна, был случай, корова-то заблудилась! А эта, кузнечиха-то, нечистый дух говорит в пятницу жди, выйдет из лесу с той стороны. А я жду, и в пятницу-то, выходит! О!.. — Да, она, когда муж-то помер, не такая стала какая-то... — Во-во...), шагающих совместно с обывательским стремлением к «оставьте все меня в покое» (особенно по вечерам, когда всё село полыхает синим телевизионным пламенем чужих (но роднее соседских) латиноамериканских страстей — скотина-телевизор разбил на атомы больше человеческих отношений, чем ядерный взрыв — оскудив, обмелив красиво и противоречиво текущую по деревенской улице в праздник в оба конца людскую реку).

Оглянувшись вокруг, я признаю гумилёвскую правоту зависимости этногенеза (внимательный редактор, возможно, под звёздочкой и прокомментирует слово, хотя это доступно каждому: «этнос» — народ, «генезис» — возникновение, рождение) от освоённости географического и антропогенного ландшафта. Для таких как наш, коми, реликтовых (сложившихся, успокоившихся, давно не претендующих на расширение и освоение новых антропогенных форм) этносов, трудами Стефана Пермского, одного из четырёх собирателей Руси, включённого в русский суперэтнос, и не потерявшегося там, не утратившего ни единого слова из своего языка, ни одной сосны в лесу, эта очевидность стала ещё и обязанностью, с тех пор как наступили другие времена — и стал сбиваться в единообразный бетонно-советский суперэтнос с его коллизиями, вот вам автономия, а на ней — мудрой рукой прочерченная, и исполненная в полном размере на человеческих костях железная дорога — к нефти, к углю, к лагерям и к лесоповалу. Этот зигзаг, отмеченный пулями и побегами, стылыми (по сю пору) бараками и неизбежным усреднением — привёл к нынешнему краху и омертвлению моей «красно украшенной» земли, моего слишком обитаемого острова.

Раскалённая добела середина длинного, в полный рост, костра, вдоль которого так неплохо лежит на уголке руки — показывает мне бесконечные разгорающиеся и исчезающие миры, быстро и красиво уходящие тени — убеждая, что не только для рыбы, за рыбой ходим мы в тайгу, не только ради удовольствий или (кажущегося бесконечным) здоровья.

В эти мгновения, когда тепло костра превращает кожу на лице в нечто подобное апельсиновой корке — я вижу в этой белым белой сердцевине — свою наследность принца крови: это моё: лежать на влажном постеленном на подушку из ольховых веток, ватнике и смотреть на огонь. «Бипур да вадор» — костёр (дословно огненный плот) и место у воды — вот мои богатства, «последнего из могикиан» — чистокровного («ва коми» — чистый коми, ва — это и вода, и в данном случае полная прозрачность) носителя двух языков, двух несоразмерных культур — Руси (Греция, Византия, воинственное славянство, побивающее Хазарию, её письменность, богословие и чудеса святых) и Биармии (торговля с персией меховой «рухлядь», Эрмитаж, золотые тарелки, позволяющие проследить историю Сасанидов — собрания, богаче которого нет ни у кого — найдено у нас...). Кроме того, так же горит во мне неизвестное количество страстей — под прикрытием моего тела. Где-то на границе дерева и воздуха, личности и упрямой негнущейся породы — пусть весь мир следует идолам-однодневкам, мы пойдём другим путём, только кажущимся обывателю никчёмным и безкультурным. Русь стала, толчками движимая, Россией — ассимилировав, включив в семью, где-то растворив многие этносы (в первую очередь угро-финские) с их землями (и ощущениями своих территорий-островов как отечества) и в то же время приняв веяние некоторых западных (не цивилизующих) ветров (с технологически обусловленным не только упрощением, но и обмельчением жизни, когда в многошумной толпе «чудес науки» тонут заживо чудеса веры).

Всего не высказать, не вывести наружу — да это и бессмысленно, всё равно что посчитать количество атомов в нашем теле (и омертвить его: ведь не атомы ищут того, что ищем мы). Человек ищет своего горячего счастья и наслаждения — у костра, в застолье, в постели — зачастую безотчётно, инстинктивно. Во многих (как и во мне) толкается дымная реликтовая кровь с её противоречивым стремлением и к чистым источникам, и к покою — колеблемая, волнуемая западно-европейскими (красиво-технологичными, литературными, киношными, наркотическими — кому что...) выдумками — она стучится и ищет выхода, тянет то в тайгу, то «в суету городов и в потоки машин», носит по всему свету, вновь возвращаясь в изначальный мир утраченного детства — подстёгивая к поискам выхода (вот-вот, ещё чуть-чуть — и всё станет на место) из этого неразрешимого без внешнего вмешательства конфликта выбора и предпочтений (да, надо туда вернуться, где всё станет на свои места — вот только кем ты туда вернёшься, молчаливым зрителем происходящего угасания, «последним из могикиан» или победителем? — пройди через войну... Отдай то единственное, что ты любишь — свободу — и возьми...).

Без веры эти вопросы (что мы ищем там, в тайге? кого? что тянет нас туда и с кем мы там беседуем? Чего ждём в шорохе кому-то рукоплескающих берёз и кого надеемся встретить? Кого боимся и к кому обращаемся с неожиданно открывшимися в сердце ранами и рубцами? Кто нас там ждёт и лечит наши душевные ожоги и охраняет от множества опасностей? Кто не оставляет нас, даже преступивших законы? И какой закон мы невольно выполняем, удаляясь от преследования понятий толпы? Что оказывается в сердцевине нашей души, в са-

мой сути нашего «я», бывшее невидимым и выходящее там наружу? Какой любви нам ещё не достаёт? И с чем мы готовы смириться из городской мути? Для чего мы здесь копим силы, для какого рывка, на что способны и к чему призваны? — неразрешимы. Не всё в мире движется поступательно, от внешней причины к следствию, от истока к устью, от толчка к движению — ну, и так далее. Иногда наши поступки имеют и цель, и причину в будущем, которого мы, разумеется, не видим и не можем этого сделать (только предощутить — в гуле костра под порывом ветра) — и тем не менее, опираясь на что-то, делаем шаг в том направлении, в котором повернулась стрелка внутреннего компаса (там, туда) — который и есть вера (а уж воля, увидев её спокойный призыв, подчиняет остальное к действию). Здесь нет того, что ты ищешь — там ответы на все вопросы, там полнота счастья и завершённость наших встреч, там окончание любви (бесконечной и хрупкой), там насыщение жизнью и росной чистотой действительности — там всё, и в первую очередь полнота любви, и невозможно её описать, потому что она не может быть пережита здесь, в нынешнем нашем состоянии — и она становится сутью всего существующего, сущего.

Простой пример из жизни наших соседей, устюжан, архангелогородцев, живущих у западного входа в наш мир Котласа (Пыраса). В сорокаградусный мороз Прокопий Устюжский (величайший русский святой, кстати, родом немец, из богатой ганзейской семьи, из Любека; — именно он, реальный человек, а не мифический Дед Мороз, один из камней-китов, на которых до сих пор стоит этот город) — ложится умирать на паперти устюжского собора. От него убегают даже собаки — и он уже готовится к позорной уличной смерти. Но является юноша-ангел, и оживляет его прикосновением зелёной ветви, и восхищается с собой, и показывает Прокопию рай. Прокопий прячет эту ветвь за пазухой и приносит (посреди зимы!) и показывает своему другу — Симеону, служившему в храме — вот, смотри! (Симеон — отец будущего епископа — просветителя нас, коми-зырян, удивительнейшего и образованнейшего Стефана Пермского, друга Сергия Радонежского и Дмитрия Донского (которому он после Куликовской победы над Мамаем, тем не менее писал послания, как ему, великому князю, подобает себя вести)).

Дед Мороз с его покупными подарками — пусть покурит! Все эти бархатные мешки с пластмассовыми автоматами и роликовыми коньками — ничто по сравнению с одной простенькой зелёной ветвью.

Где тут причина, а где следствие действий, кажущихся неподготовленному безумными — как так, ради чего можно оставить прекрасную комфортную жизнь? Ради чего и кого можно замёрзнуть на улице в безвестном до того русском городке? Ради непонятной зелёной ветви? А будет ли она, будет ли этот юноша, если пойдёшь по этому пути? — разум наш всегда за то, чтобы ходить по проволоке с прочной и надёжной страховкой. А вот так, наобум, казалось бы, в пропасть — нет, увольте. Лучше постоим в стороне... В меру устоявшееся, уставшее от вопросов, не идущее до глубин веры и её кристально-чистых источников, мировоззрение — угасает быстрее осеннего дня. Так и не дав ни одного толчка, даже намёка к изменению хоть в чём-то обыденных, идущих по одному и тому же кругу пустых наслаждений, действий, которые в итоге своём неправы бывают в самом своём начале, в направлении...

Генетический, онтологический выбор, возникающий перед сознанием человека в природе — между Адамом и обезьяной. От кого ты? От безответственной, скачущей от банана к банану, мартышки, или от царственного и потому подзаконного (несущего закон своим детям), весь мир Божий, всё исследующего Адама? И насколько далеко ты ушёл?

Чистых ответов (сколько нужно преодолеть, пока доберёшься вот до такой зелёной ветви?!) — не даст никто (да ещё эта Ева с яблоком подпутала основательно). И сколько казавшегося важным и осмысленным рассыплется в прах и канет в бездну — тоже... Лишь бы не всё, лишь бы не каждое мгновение, каждое слово оказались праздными, превращающимися за моей спиной в опадающую в пропасть серую пыль (а оглянуться — страшно: вдруг те подмостки навесного моста, по которым перескакивал от мгновения к мгновению — глянец? водка? постмодернизм? кислота? плотское? нонконформизм? R-n-b? шашлыки? Saunen Turbo S? футбол? тщеславие? — бр-р-р... — вдруг они уже упали под твоими шагами туда, в огонь?) — но что это за страх? Что это за постоянное жжение в груди?... Что это за прилепившаяся к сердцу тоска? Думаешь, что она, как отсохший лишай, мгновенно отскочит — только лишь прикоснёшься к калитке дома, ощутишь запах сжигаемой соседями ботвы, возобновишь старую тропу к колодцу своими шагами — а она всё на месте... И поиски оборачиваются простым открытием: не бегством ли были эти поиски от Того, Кого искал? Не скитаниями ли по чужим, немилым сердцу, убогим харчевням с их прогорклой, горчащей, поднимающей изжогу, пищей — вернее, кормом — когда дома было всё, что нужно?

Вошёл в деревню, зашёл в дом — и мир, захлопнутый снаружи — стал виден в его истинном и неприглядном виде, с его мнимыми благами и кровавыми радостями, опозтезированной пошлостью и пропагандируемой ненасытностью — когда ты вернулся с войны, о которой не сможешь никому сказать ни слова, с зелёной веткой в петличке.

19. Поинга, окончание

Светлая осень, самый разгар листопада — пора таёжная, ежедневно — то ягоды, то грибы, промысел на зиму, а на речке-то лучшее время — время самых крупных уловов, период предзимней активизации всех водных хищников. Конечно, их повыбили, повыловили за лето, но уж если где они остались — там клонет обязательно.

Проплывая за лето по несколько раз одни и те же места, к некоторым крадёшься как можно осторожнее — здесь брало всегда, тш-ш..., здесь клевала и сорвалась, хитрая, как выдра, вот в этой невзрачной заводиночке — и я уверен на все сто, сегодня тоже клонет (только не уверен, попадётся ли? А вдруг и, правда, там не щука, а невесть что?).

Некоторые так за весь летне-осенний круг, за всю нашу рыбацкую страду — сколько раз клевали, столько же и срывались! — опытные, бывалые щуки, матёрые... Папка уже шутит, увидев как я нешуточно готовлюсь: — А-а, опять твоя выдра? Да оставь на следующий год, на вырост...

Как же, оставить! Я этого места ждал, можно сказать, с утра, да и по прошлому

свиданию, по буруну, всплеску, повадке, — я-то уверен, что это здоровенная щука-зверюга. Ключнет, куда денется — будет моя, как говорится, раскинет плавники... И всё-таки я дрожу: а может, придумать что-то новое? Может, слезть с лодки и тихонько подкрасться с берега? Может, подкинуть ей живца, настоящего, живого, которого не надо поддёргивать, изображая раненую рыбку? Она схватит и понесёт заглатывать, а потом пойдёт, пойдёт — и вот на этой второй потяжке — подсечь и вывести! А что, мы же так пробовали сколько раз — всё красиво: и клюёт, и ведёт, и останавливается, и вновь трогаётся, и поплавок режет воду, как перископ вражеской лодки, и... срывается! Точно, некоторые — просто заговорённые, просто не лезут в лодку! И кто их заговорил?! — и ведь снова больше всего манит именно в эти места, и тревожит воображение — вот осторожно подплываешь, вот аккуратно кладёшь новенького острозубого воблера, — прямо в заводиночку, как в карман — вот она, нагло, дерзко всплывает, взрывает чуткую тишину — и ты, наконец, вытаскиваешь её — ух, зверюга! Ух, Маша, будет наша!..

Отец Стефан, молодой иеромонах (тогда ещё не архиепископ, а гораздо скромней по званию, чем сейчас, когда приезжает ко мне на свиданку) — «ища жизни монашеской», уединённой, приехал к нам в Вотчу возродить Стефано-Афанасьевскую пустынь (она была основана у нас его небесным покровителем Стефаном Пермским ещё в XIV веке, но в XVII — заглохла).

Впервые веду его на Поингу — показать, проплыть по невероятно нарядной осенней реке (цвета родного российского штандарта: сверху — белый, белёсый — это небо, по бокам — золото берёз и солнца, и под нами — чёрная таинственная глубина омутов). Сверху на нас при каждом порыве ветра сыплется рой монет (только звона не хватает), и вода подхватывает их, и уже под нами в водоворотах — они же кружат и манят, только медленно, будто в воде время вязнет, не то что в лёгком, дышащем вдохновляющими тонкими ароматами, древнейшими эликсирами увядания и бессмертия, эфире бабьего лета.

Мне-то, хоть и всё хорошо, даже чудесно, особо расслабляться и любоваться (кустиками там, травками на перекатах) некогда — мы пришли на реку, и мне надо показать основное — её жизнь, её волшебную, оживляющую всю эту осеннюю прелесть, рыбу. Вот тогда моя задача будет выполнена. А листики, берёзки — это потом, на привале, вдобавок, на десерт.

Я ловлю, Стефан правит, иногда подгребая веслом, по моей просьбе (левым чуть вперёд, вот так, ближе к середине...). Я стараюсь, забрасываю блесну куда только можно. Речка молчит. Только блесна частенько возвращается с дразнящим кружком жёлтого листа на тройнике — лови не лови, вот тебе, не поймаешь, вся рыба уже ушла... Достаточно с вас и природных красот и отличного денька...

Я уже начинаю беспокоиться, но вот отличное место: под высоким тенистым берегом — тёмная заводинка, поверх которой, правда — подвижный ковёр из листьев, вытканый золотом по чёрному, будто царская парча — повезёт, не повезёт? — блесна летит в гущу! — авось, не наткнётся на лист, пропетляет мимо, не цапанёт ничего по пути, хотя взглянешь вниз — там как калейдоскоп, как метель: река будто несёт огромный рой переселяющихся бабочек, и дна не видно...

Я даже не верю тому, что происходит — удар! Резкий, останавливающий тычок по блесне, по рукам — щука, здоровая! Крепкая подсечка (именно такая, как нужно) — но рыба просто бешеная! Хапнула не раздумывая, и начинает нас двоих водить-крутить на лодке...

— Отче, подсак!

— Ага... — Стефан уже наготове, подсак в руках, но щука злая, вёрткая — приходится несколько раз пригнуться, проводить леску над головой: не мы ею, она нами водит, кружит лодку по омуту, и всё же чую — вот она, близко.

— Отче, готов?

— Да...

— Сейчас я её подтяну, а ты — снизу!..

— Ага...

Уф, вот она, рядом, леска уже накоротке — из воды появляется здоровенная, как у злобной собаки, голова с приоткрытой, готовой на всё пастью — мелькает тусклый, свинцово-угрюмый звериный взгляд... Но что это?! Невероятно! — Стефан, вместо того, чтоб подхватить снизу подсачеком рыбину — начинает им тыкать ей прямо в свински-прищуренную харю — Пошла! Пошла! Сгинь! А ну, брысь!

— Отче, что ты делаешь?! Сорвётся же! Уйдёт!

А Стефан всё тычет подсачеком — да сгинь же!

— А!.. О!.. У!.. Е!.. — Бац! — щука, наконец, сорвалась! Да и как тут не сорваться, когда тебя так бьют?! Сразу одрябли и сникли и леска, и руки. Но я ещё не верю тому, что я видел, как Стефан избавлялся от щуки, что есть мочи (а её у воркутинцев, надо сказать, не мало).

— Отче, ты чего?! — сказать то нечего. А он:

— Ну, представь, она вскочит в нашу маленькую лодку... Покусает!

Вот у человека воображение! И то сказать — как тут сердиться? — смеюсь, понимая, что всё в некотором роде очень даже логично (особенно для людей, привыкших бороться со всякой нечистью): один во что бы то ни стало тянет чудовище в лодку, а другой, точно так же, любой ценой — от него избавляется, по привычке... Да, конечно, демонов надо гнать... Сколько раз ни вспоминали этот случай — всё смеялись, нечего сказать, познакомились с рекой!

Плыву по Опош-коджу один. Отец где-то чуть позади. Задерживаюсь на отмели — так красиво это всё: стремнина реки, стеснённая потемневшими к осени, но всё ещё сочно зелёными водорослями, поверх которых (вода давно упала, держится ровно) — лёгким одуванчиковым пушком стоят, покачиваются неизвестные мне белые маленькие цветочки. И кругом, в лёгкой прозрачной воде красочные камушки, составляющие какие-то красновато-коричневые с золотыми проблесками текучие непонятные картины — будто палитра стёкших с рублёвских или филаретовских икон красок: всё почти готово, чтоб отразить и видимый и невидимый мир, вот только река не может сама воспроизвести образы ангелов (краски, пожалуйста, любые) — это уже дело мастера, царской руки художника...

Хариуса половить? Лень. Это надо вылезать из лодки, настраивать удочку, брести в начало переката... Отталкиваюсь — и Опош-кодж подхватывает мою лодку, несёт мимо ямок, куда едва успеваю пару раз закинуть (здесь когда-то

сорвалась, и здесь ушла, а вот здесь дядя Толя Цветков на малюсенькую блесенку-вертушку вытащил отличного хариуса...) — дальше течение затихает, и всё дело оканчивается широкой полосой мели, на которой всё, зыбко подрагивая, просматривается почти до дна: силуэты каких-то застрявших на песке коряжек, длинные бруски топляков... Кидаю на всякий случай блесну поперёк течения, поверх этого топляка — мало ли кто за ним притаился... И вдруг сам топляк оживает! — хватка! Это оказывается щука с небольшое бревно... Я уже опытен по-взрослому — долго возиться не намерен, как только щука — на приемлемом расстоянии — правая рука вытягивается назад как можно дальше, натягивая тетиву лески и согнутый наподобие лука спиннинг, а левая ложится на леску — ею я, схватившись крепко, выдёргиваю щуку из воды и перебрасываю под ноги, в лодку, вернее, переваливаю — будто намазанную толстым слоем какой-то осенней гладкой смазки-слизи — так это получается легко! Не успеваю оформить пришелицу в мешке — следующий толчок, — и точное повторение предыдущей истории: короткая борьба, рука на леске, потяжка — и толстое, чешуистое, гладкое полено (правда живое и зубастое) — в лодке!

Это тянет на хороший перекур. Причаливаю к берегу, к песку, и слышу как позади, потихоньку почапывая веслом то слева, то справа — меня догоняет папка: судя по звуку он где-то рядом, за поворотом, тоже пропустил Опош-коджевских харюзят. Я вылезая на песочек, конечно, не только размяться, разломить уставшую от похода спину, но и в первую очередь (а какой рыбак пропустит такой случай?!) показать как бы невзначай свой улов почти во всё днище лодки, небрежно похвастаться, слегка подковырнув: кто-то там говорил, что рыба не клюёт, да и это не рыба... Так солидней, когда почти без слов, молча — небрежно подопнуть сапогом чуть скисший (осенью постоянно такая беда с этими резинками — похаживаешь на берегу, а вода-то холодная — и воздух сжимается, и камера будто приспущена — физика...) борт лодки, чтоб молчаливые холодные рыбины скользнули к самому центру, на вид.

Вот папка рядом, бросает вёсла, от этого течение чуть подворачивает его резинку вбок... Хочет закурить... увидит, нет? Увидел, ага! Я же его обскакал: каких-то четверть часа назад мы расстались, и тут на тебе! — у меня уже на два «топлячка» больше!

— О, вот это молодец! Ничего себе! Всё людям... Это когда ты успел? На перекате, что ли?

Я не выдерживаю рыбацкой серьёзности и солидного молчания — бросаюсь рассказывать всё от и до — как я плыл, как закидывал блесну поперёк этих «коряг», как быстро округил обеих — можно сказать, как дорос до самостоятельной, взрослой рыбалки и впервые обогнал папку... Правда, если уж совсем всерьёз, по-взрослому, так это не считается — я же плыл первым, значит снимал всю пенку, сливочки, весь цимус!.. Если бы папка был впереди, он тоже мог бы меня обловить. Но суть не в этом, а в другом, что теперь — берегись! Мы сам с усам, не можем, а можем! («Я сижу на берегу, не могу поднять ногу! Не ногу, а ногу — всё равно не могу!» — это нынче не про нас, хотя ноги действительно затекают, и вечный холод по дну лодки — сводит судорогой только так!). Где я был — короче там нечего ловить!.. Вот так. Шутка, конечно, но в то же время, и горечь истины в ней есть: когда мы вырастаем и догоняем, и перегоняем другое поколение — оно

отдаёт нам тяжёлые ключи от мира (будьте теперь такими во всём), в котором они что-то сохранили, что-то построили для нас (в трогательной заботе — бани, колодцы, теплицы, картофельные ямы... — и всякие мелочи, приземлявшие и овеществлявшие их любовь...), и столько пережили, что в этом нам их вряд ли догнать...

Плывём дальше (сложились уловами, собрали в мешок), и я замечаю новое острое чувство, что не хочу плыть впереди отца, быть первым. Хочу, чтоб всё как всегда — поровну, чтоб даже у него было чуть побольше, несмотря на то, что он как всегда предлагает мне лучшее — и место в лодке, и на реке. Так надрывно с солёным привкусом крови, борется где-то в моей глубине отцовство с сыновством — и хочется быть прежним, вечно защищаемым и защищённым сыном, и время подталкивает быть отцом своим детям и узнать это чувство с другой стороны...

Бывает, конечно, и обратное: плывёшь-плывёшь — и ничего, ноль, пришла блесна «с тиною морскою», упорно липнущей к крючкам, как мокрая вата. И всё не так — и отпадает заплатка от бродня (в самом неудобном месте — на носке...), и — бульк! — прямо у тебя на глазах ныряет и тонет в перекате переходник от насоса (один-единственный; сто раз себе говорил — привяжи это! И купи где-нибудь запасной! — дооткладывался...), и с хрустом ломаешь на привале о бутерброд с салом (жёсткое, недосоленное, вялое — видать Шкваркин был злой, не холощенный...) — подъеденный кариесом зуб (тоже вечно некогда, да и страшно, с тех пор как в военкоматовской медкомиссии за один день «вылечили» двадцать четыре дырки...), черёмуха вместо ягод сыпанёт за шиворот жменю крупных холоднящих капель — и, главное, не клюёт хоть тресни — ни чего, ни хвоста, ни чешуи (ослизлый мелкий сброд на дне сумки — пескари да красноглазки не в счёт). И чувства притупляются, и ничего не радует — уже знаешь, что впереди только ямка, перекат, плёс, поворот, ямка-перекат-плёс-поворот, ямка-перекат-плёс... и эту унылую последовательность всю до конца придётся пройти, и никуда не деться. И за каждым поворотом — вновь встречный ветер (хотя, казалось бы, по законам физики этого не может быть), и больше подгребаешь, чем ловишь (хотя не клюёт ни шиша — всё же где-то останавливаешься, кидаешь снасть, так, для очистки совести, небрежно...). И так лень перестраиваться с одного способа ловли на другой — эх, плыть бы и плыть, и несло бы течение само, так нет — ветер проклятый (уже злишься, уже воспринимаешь его как часть всеобщего заговора), несёт-то он несёт, но обратно или от берега к берегу заводит, когда не надо, в кусты, из которых выбираться, отталкиваясь от веток — закружишься, а толкнулся веслом — хрясь! — пополам пластмассовая лопатка — и огрызок теперь не весло, а пугало (гребануть — только распугать всю рыбу, которой и так нет в этой реке) — и папка заругается... И так не ловится, так надо ещё и переть встреч ветру и мелкому нудному сеянцу, а с таким обрубок — это значит уменьшать до нуля надежду на несуществующую уже удачу — какая ж рыба поплывёт на всплески, больше похожие на то, как «ботаю» рыбу — ставят сеть, ботан, и «бурскают» консервной банкой на длинном шесте...

Ладно, смиримся, уймём злость (на кого?), признаем — сегодня не наш день. Пусть речка отдохнёт. Не везёт мне в смерти, повезёт в любви... Река обращается холодным змеем, по которому скользишь, разбивая веслом чешую волн — не зная зачем, почему? так ведь, родина, сынок... как в анекдоте. Даже веселье какое-то появляется в этом преодолении: нет рыбы? И не надо! Ветер? Плеваты! Дождь, мокрая одежда? Да наср... хоть!.. — всё нипочём, как говорится, всё, что нас не убивает, и даже то, что убивает, и лишает радостей жизни, приносит тоску и мучительную боль — всё делает сильнее. Особенно смерть. В первую очередь.

После такого заплыва у меня столько силы — что берегись, городишко! Лопнешь от взрыва. Будешь разорван на части. Уничтожен. Покорён. Что нам мелкие грязные твои лужи и слабенький дождик?! — мы катались на змее, сталкивались с вселенской тоской, и выжили...

Иногда перекатики настолько малы (пять-десять метров), что зачехлять щучью удочку и расчехлять другую, на хариуса — лень вдвойне, втройне — и проскакиваешь их с мыслишкой: а! всё равно бы не клюнуло! — нет здесь рыбы... нет... что мы тут делаем? Скорее бы домой...

Однажды на таком еле заметном (полреки — трава, полреки — течение) перекалке я решил не останавливаться — лень... — и начал хлестать его щучьей удочкой, пока течение несло меня. Щучья удочка устроена наподобие обычной, только удилице пожётче (из советского доперестроечного пластика, из первых «наших» телескопов), леска потолще, поплавок-пробка посolidней, и на конце не крючок, а поводок-проволочка с парой тройников, на которых насаживаешь наловленных ранее «рыбок-живцов» (конечно, не живых, снулых, пескарей и ельцов — жизни им придаёшь сам, подёргиваниями рыбки, ныряющей от этого вверх-вниз). Бывает даже, на одного пескарика можно выдернуть не одну щуку, а две, и три, не считая ударов и поклёвок — пока уж его совсем не обдерут щучьи зубы, зацепы да трава, или не снесут голову напрочь (есть тут и такие мастерицы: ам! — и голова в тумбочке, ровно-ровно за миллиметр до тройника...).

Течение меня потихоньку, вяло волокло сквозь траву, а мой пескарик мотался на течении — авось какая дурра и выскочет, хотя на перекалке это маловероятно: щуки — лентяйки, не любят быстрого течения, слишком много сил тратится, да и охотиться здесь сложнее: на перекатах рыба юркая, бойкая, стремительная — не то что в заводинках... и вдруг бух! Бултых! — удар, леска уходит в воду... сход... что это было? Снасть вылетает мне в руку — пескарь на месте, и вроде не помят... Закидываю вновь, под тот берег — где же ты прячешься, а? где ты притаилась? Снасточка медленно кочует, её сносит к середине стремнины — вот, вот здесь это было... ну? Бултых! Ещё раз удар, леска резко тянется в глубину, идёт под траву! — и тут я понимаю, что заглотили-то, схватили за горло вовсе не несчастного солдатика-пескаря! А поплавок! Кому-то понравилось, как подёргиваясь переправляется от берега к траве мой неотёсанный (зато благородный, от бутылки с сухим красным итальянским вином) крепыш-поплавок... Хариус! Здоровенный бродяга хариус! («как у ваших харюзов — нет ни хари, ни усов! Ну наши харюзы — харя во! и во — усы!» тут уж точно харя что надо, если так, невзначай, заглтывает винную пробку, и не поморщится!).

Что делать? Раз клюёт — надо ловить. Таких наглецов надо учить уважать

старших... Пристаю к берегу чуть ниже потихонечку, чтоб не встревожить. Теперь уж быть разворачивать удочку на хариуса — с холёной, выпестованной долгими вечерами перед телеком, на то и связанной мушкой, расположенной выше обычных крючка с поплавок (или блесенки), которые плывут себе, ловят, и одновременно выполняют роль кораблика, потягивая леску над водой — на которой — лёгкой однодневкой и висит мушка, едва касаясь воды — пам! пам! пам! — как балерина на пуантах, только приводнилась, и вновь взмывает. Ну что ж, по берегу продираюсь вверх к этому перекатику (ну никогда здесь не ловил, всегда проскакивал, даже не подумал бы здесь остановиться, а тут на тебе: где не ждёшь, там найдёшь... и где не ищешь, там откроешь). Вода в траве довольно глубока, оказывается — я еле иду, водоросли тянутся сплошной пеленой, держат за ноги, спотыкаюсь о валуны на дне, и вода почти до края бродней (приходится придерживать их одной рукой, за одно и почувствую, если будет нельзя дальше). А ведь надо же ещё и ловить.

Заброс, рыжая мушечка, счастливая — а ну-ка не подведи! — поплавок летит под самый противоположный берег, а она, с виду лёгкая однодневка (а внутри хороший маленький, выстраданный многократными посещениями рыболовных магазинов и лавочек — можно сказать, выхоженный, ладный, в меру острый и упругий — тройничок) — трюх! трюх! — как будто случайно, ой, что вы, что вы, я не чифирю! — заблудилась мушка около стремнины, и не знает, куда деться... Всё ближе то место, где кто-то хватал поплавок. Неужто я ошибся, вдруг это щурёнок баловался рыбкой, а я тут нагородил, наворотил... Всплеск! Удар по удилицу — бам-м! — будто гиришкой, ничего себе, у меня лесочка-то на такое не рассчитана! И боюсь и радуюсь — есть! — хариус повис на мушке, даванул её вниз, как купеческий сынок хорошего породистого щенка: лежать! Вниз! Гляди, что натворил! Полдела сделано, осталось не черпануть броднями воды и аккуратноенько подтянуть эту усатую морду — и ещё взять его руками (для подсачка-то не было никаких шансов — негде держать, с ним-то всё, конечно, проще). Ух ты! Взрослый, заматеревший бродяга! — недовольно всплывает на стремнине: бросился в траву, не удалось! К берегу — тоже не пустили! Стоит красавец, мушка во рту — как папироска! — курит... Ну, чего ждём? Надо его брать, а как? Довольно увесистый красавец-то, побольше килограмма, точно (хотя я и не привык мерить рыбу весом). Выводить к берегу? — замучаешься, точно черпанёшь, споткнёшься где-нибудь — и хана! Решаю разобраться здесь же: подтягиваю к траве — тянусь, и осторожно накладываю руку на загривок — и резко, чтоб не дёрнулся, сжимаю, вдавливаю жабры — и рывком — себе на грудь! (здесь-то мы разберёмся!) — прижимаю (удочка, леска — всё уже по-боку). Ещё движение — и головой вниз, в сумку, висящую на шее, как у почтальона: вам письмо... Ничего, своя ноша не тянет. По инерции ещё забрасываю, ещё прочёсываю весь перекатик, так и есть, больше поклёвок нет: одиночка-хитрец, вышел на эту невзрачнейшую быстринку, захватил её, и разбойничал тут втихаря — ведь кому нужен такой маленький перекатик-не перекатик, все его минуют, кому он может приглянуться? — несколько метров стремнины посреди долго спокойного плёса — ан нет!

Пусть он один — мне и его достаточно. И жизнь оживилась и солнышко показалось. Главное мы живы и с рыбацким чутьём и везением — всё у нас в порядке. Как в американском боевике: мы живы, партнёр! Хотя на этот раз — партнёр-то, одиночка, скоро затихает, перестаёт биться, перестаёт будоражить мои

инстинкты, хотя каждый взбрык, каждый недовольный толчок его тушки — напоминает о тех, кто ждёт дома, и кому это всё предназначено — так толкается неведомое неосознанное удовольствие первобытного владения миром: я сильней, я тебя перехитрил, но не обманул — всё «по чесноку», братан, уймись! Только ты и я, вождь, только ты и я!.. предводитель рыб и рыбак... Лучшей в мире из рыб, харюз-одиночка!..

Сколько раз в школе мой закадычный друг Сереня Зелинский напропалую, из поэтических побуждений, пропагандировал хорошие чувства: Гемингвей, не читал? А о Рубцове слышал? «Я умру в крещенские морозы, я умру, когда трещат берёзы...» — его потом баба топором зарубила!.. Северянин — пустышка! А Гумилёв — поэт, рекомендую. Но ленивый, мало написал стоящего... — он их приводил, будто знакомил, за руку и я полностью доверял его вкусу (во всём у нас был мир и согласие, только одно — если мы оказывались в разных футбольных командах, то дело обычно заканчивалось кровью и не смываемыми обидными обзывалками: эй, Зеля! Сам ты Екиш! Сам ты Зеля! Екиш! Зеля, ну-ка! Ещё раз скажи «Зеля» — убью!).

И мы успевали глотать книги, почище чем хариусы — комаров, и эти, отдельные, и те, чем болел весь класс — мальчишки «Золотым телёнком», девчонки Надсоном и Асадовым (впрочем, последних — нет! От одной мысли читать «этих» пошляков содрогались, будто прикасались к неким воплотившимся в пауков сгусткам пошлости — только не они, только не обыденка и ев-тушёнка...). Я перечитывал, цедил до последнего хемингуэевские («На Биг-ривер 1 и 2» и другие) рассказы, как его Ник, герой-одиночка — шёл на такую, отстранённую от мира, ловлю форелей. Как он неэкономично тратил свои продукты (впрочем, у него не было будущего), таскал с собой зачем-то лишнее — кофейник, сковородку (видно, что не таёжник), как он собирал оттаивающих кузнечиков (видимо, обычная у них насадка), как садилась рыба на его крючки — и что впереди у него было много таких дней (но это было не будущее, как можно было подумать, это было некое туманное фантастическое безвременье, ведь у кого нет прошлого, нет и будущего, и тот, кто не знает, откуда он и куда идёт — тот скорее мёртв, чем жив — раз нет впереди смерти, значит она уже позади).

Я переживал эту выдумку как некую тающую, убывающую, исчезающую в небытии реальность (а что ещё может выдумать человек, окончивший жизнь самоубийством на Кубе, и подтвердившей тем самым, что он не выбрался по этой реке из бесконечной череды дней) — и вот, это я на реке, и у меня нет кузнечиков и оводов, да впрочем, они мне и не нужны — мои самодельные, оплетённые любовно по пузику и головке шёлком, мушки — ничуть не хуже Гемингвеевской саранчи: скачут по струе воды, как лёгкие воздушные акробаты, на невиданном тончайшем поводке: тын! тын! тын! — это я веду пунктирную линию туда, куда наметил — от стремнины к затишку и глубине за уголком травы. И снизу серебристый стремительный, остромордый, будто кончик складного ножа — силуэт — быц! блюмс! — и лихо подпрыгивая в пируэте, делает сальто, хвостом вбок, вверх! — покруче дельфина! Либо матёро властно — хватает снизу! — и отходит вновь в своё укрытие, в свой ряд в стайке, если промахнулся, или что-то не понравилось...

За свою жизнь я уже столько раз входил в эту реку, опровергнув всех филосо-

фов, столько раз, не повторяясь, происходило это чудо, что, казалось, можно и остыть — но я всякий раз не перестаю волноваться и горячечно радоваться от каждого звонкого шлёпка харюза по перекату!.. А, показался, дружок-пирожок?! Ну, держись, ты наверняка уже мой...

От детства до это матёрого харюзятничества, протекла река немалой длины и глубины, иногда и смерть в ней водилась, и страх (однажды папка обронил, что, вроде как, планируют построить на Поинге алюминиевый завод. Он почему-то радовался: рост хозяйства, возможностей для местных жителей... Но я этого даже внутренне не мог допустить — какие заводы! Даже мысли об этом надо пресекать в корне, убивать, пока они маленькие!), а Хемингуэя я перечитывать перестал (в деревне скопился почти канонический круг семейного чтения на лето — беззаботный Хэрриот, неженка Даррелл, Астафьев, Аксаков, Владимов... подшивки старых журналов, насыщающие долгие осенние вечера) — мне есть куда возвратиться, есть куда двигаться, и главное — река рядом, к чему выдумки, когда она, непредсказуемая — рядом?

Женские названия — Волга, Вычегда, Сысола, Поинга, Визинга — не случайны. Их изгибы плавны и неповторимо красиво украшены, каждый; их характер мягок и ровен, и лишь в бурю — гневлив, слеп; и мужское дело — познание и взаимное притяжение, владение друг другом, из которого и родились эти, будто единым росчерком-подписью, проведённые изгибы — имена. Рыбалка — менее всего женское дело, особенно долгая, таёжная, хотя я и на Поинге встречал учительниц, бойко таскающих ельцов и даже хариусов на том перекатике, на который их поставили (вот именно, полностью самостоятельные рыбачки — это из песен про море, а так-то их дело — поближе к детям, к кухне, к теплу очага, без которого наши скитания и поиски — горчат и тускнеют). Несколько раз мы сплавливались по Поинге, проходили её от самых верховьев, от одноимённого посёлка, выше которого плыть, идти на лодке по реке невозможно: скребёшься по песчаному дну в постоянном напряжении и страхе, что вот-вот пропорешь днище (с нами и такое бывало: папке пришлось какое-то время плыть в лодке в сапогах — по щиколотки в воде), или того хуже, как тогда, у моста, с Цветковыми — боковой баллон.

В первый раз мы предприняли такое путешествие в начале августа (я, отец и моя жёнка). И с первых же шагов мне стало ясно: всё не так просто, как представлялось, как было раньше, когда мы были вдвоём. Система не просто усложнилась (вроде бы — чем больше народу, тем легче распределить нагрузку). Начало было отличное: мы быстро словили попутную вахтовку лесников, и нас со всем грузом доставили прямо к посёлку. Но только мы отошли от посёлка, только забрались в тайгу, только расположились на берегу — надувать лодки, увязывать к отплытию шмотки (их стало гораздо больше — тёплое бельё, сменное, и, я полагаю, ещё и много запасного...), как обнаружилось ужасное: у нас нет мыла! и полотенца!.. Мне, с пелёнок привыкшему к тайге, к походам, это поначалу показалось смешным: брось! да какое там мыло, какое полотенце — в тайге-то! Ну, поплескала на лицо, побулькала руками в водичке — и готово! Что тут мыть?! Тут же всё чисто, это же — тайга, Поинга... А вся грязь, вся нечисть, микробы и брезгли-

вость — это должно быть далеко позади, поближе к городу с его цивилизацией и маниакальностью (этот «утёнок» убивает 100% микробов в вашем унитазе; а этот все 200%).

Но жёнка оказалась непреклонной: без мыла не поплыву, и точка. Хоть кол на голове теши. Мы с папкой растерянно переглядываемся: если так дальше пойдёт, то что же нас ждёт там, в коренной тайге, где ни посёлков, ни магазинов, ни дорог, ни тропинок?!

Осипшим от волнения голосом папик, отозвав в сторону, просит меня: — Ну, сходи что ли, попробуй... До посёлка-то полкилометра, туда-обратно за полчаса управившись, мыло-то можно спросить...

— И полотенце! — настаивает наша спутница... Охо-хо, на что мы иногда способны, чтоб ничто и никто не лишал нас предстоящего многодневного труда-удовольствия: плыть, ловить рыбу, кормить комаров и мошку, устраивать ночлеги и привалы у великолепных по красоте перекатов... Способны даже на то, чтобы зажать в кулак волю, чувства — и пойти в посёлок, на посмешище, на казнь — искать посреди леса мыло и полотенце (в сталинские времена такого рыбака сочли бы стопроцентным шпионом-засланцем: ну кто, как только не диверсант, вырядившись матёрым харюзятником, в броднях, в штормовке — будет шастать в поисках полотенца и мыла?! — точно не русский! Точно, какой-то английско-немецкий шпиён-белоручка...).

Магазин был закрыт. Поинга, тёкшая по краю посёлка, больше была похожа на мелкий ничтожный ручей — вся захламлена, загажена: обломками старой мебели, кусками шифера, рубероидным рваньём, обломками деревянных водочных ящичков... Такой, униженной, некрасивой, растерзанной — я её не воспринимал. И невзлюбил этот посёлок за такое хамское отношение к нашей красавице... Где тут в самом деле — мыло, полотенце, эй, грязнули! Мне стало плевать, насколько я глупо выгляжу со стороны, и я властно, жёстко постучал в первую же калитку: открывайте, жители посёлка, временщики! Хозяева — вотчичи пришли! Сейчас будет спрос за такое халатное отношение...

Какая-то тихая женщина выслушала мою просьбу, приотворив дверь, а потом, ничего особо не спрашивая, пожертвовала мне кусок холстины и брусок «хозяйки».

— Спасибо, — всё-таки не все тут ещё утонули в грязи, есть и чистые, и скромные — уверен, эта тётка ничего в реку не роняла, значит, можем не болеть этой болезнью временщиков? (Спишем этот хлам на уходящую эпоху да на бездумно копошащихся во всякой луже детисек). Не выдавая своих эмоций, я вернулся обратно к нашему лагерю с моими туземными приобретениями — ну, всё, можно плыть?

Жёнка, просяив, тут же спустилась к воде, долго и тщательно помыла белы рученьки (по воде поплыли неприятные моему сердцу в этом месте, в этой воде, к тому не предназначенной — мыльные хлопья и разводы; и даже, будто хариус, ощутил неприятную мыльную горечь, мгновенно расплзшуюся облачком — рыба бы отшатнулась, а какому рыбаку это понравилось бы?), и ослепительно улынулась:

— Да, дорогой! Конечно, дорогой!..

Чернобыльский ядерный реактор, в который я успел превратиться («и падёт звезда по имени полынь-чернобыль, и треть вод станет горькими»...) — потихоньку стал остывать, и мы поплыли, пока не расчехляя снастей, чтобы к вечеру добраться, наконец, до нашего первого пункта ночёвки — длинного, ровного, крутого, как в Коджуле, галечника-плотбища.

Так вот оно, уже замшелое и брошенное — то место, где сталкивались в воду брёвна, вот они, уже обвалившиеся, обрушенные, полузатянутые мирным песком столы-эстакады для конной тяги — здесь надрывались наши деды, исполняя послевоенные планы-приказы: дать стране леса во что бы то ни стало, любой ценой — раз нет лесовозов и дорог для них — будем проталкивать по малым речкам; раз нет мужиков-работников, споткнулись-упали по разным чужим землям, значит будем решать оставшейся силой — женской, детской (за каждую упавшую лошадь спросим больше, чем за них), главное: в Архангельске уже стоят экспортные баржи-лесовозы, и до них дотянуться (течёт же вода из Поинги в Сысолу, дальше — в Вычегду, в Северную Двину, и, наконец, в Белое море) — и можно, и нужно! Вот оно, начало, откуда продукт «коим государство богатеет» начинал двигаться, толкаясь дальше по венам рек, сделавшимися горькими от слёз и трагедий, давно, впрочем, утихших, убаюканных лёгким таёжным верховым ветерком. Здесь уже почти не чувствуется плотбище — на длинном песчаном ровном склоне вполне уютно, сухо, немного одиноко — поблизости, кроме нас, нет никого — только помигивают приветливо звёзды, луна глуповато улыбается, высвечивая загадочный нетронутый ничем сладковато-призрачный туман над плёсом, который постариковски спокоен: всё пройдёт, всё пройдёт... Завтра — пойдём. Поплывём на лодочках, в глубь тайги — «а я еду, а я еду за туманом...» — вниз по течению, с каждым поворотом всё дальше от последних признаков обжитости и одновременно — всё ближе к дому. Я не знал, что чувствует жёнка — воспринимает ли так остро это всё, ведь для неё здесь многое непонятно (а значит по логике — враждебно) — но только не для нас с папкой, мы-то именно здесь — дома. И дорожим этим домашним миром не меньше того, пятистенного.

Я знаю, где-то в глубине души, зачем нас привело сюда — надо испытать наши чувства этой рекой-соперницей, этим путешествием... Есть ли в ней, нынешней моей спутнице, хотя бы зародыш, хотя бы место для хранения того, что мы с папкой приобрели намертво, что без слов впаяно в нашей глубине? Или это только наше, мужское, северное свойство, а женщина — всего лишь хрупкий черепок когда-то разбитого сосуда, едва способный удержать в сердце не густое, как вино, течение реки — да разве что блюдце слёз?!

Я утрирую, конечно, но с известным масштабом. Короче, это «проверка на дорогах», и реках... Которая сканирует всякого, зачем, с какой целью он сюда сунулся? Без исключений (я имею ввиду и себя, и своё сердце тоже). Одно дело: женщина напротив за столиком в кафе-мороженом, женщина в городском парке с зонтиком и мечтами, у себя на кухне с оливковым салатом и маской из огурцов под глазами — и совсем, совсем, совсем другое дело: на лодке в тайге, когда до

ближайшей дороги к цивилизации несколько дней ходу... «Ты увидишь, он бескрайний — я тебе его дарю...» В натуральную величину.

Итак, на следующее утро мы поплыли. Начало августа на Поинге — хорошее время. Когда не так уж и много комаров (а оводов и нет уже почти), и ещё всюю не показалась навязчивая мошкара... — плыви себе в своё удовольствие. Ягоды уже созрели, так что можно чуть ли не сновать от куста к кусту — черёмуха, малина, смородина, красная, чёрная и даже белая, если к реке подходит бор — четверть часа, и можно спокойно набрать небольшое ведёрко грибов на похлёбку (куда уж больше...) — плыви, кайфуй, козявки жуй!..

Какое-то время нас ещё провожали редкие луговины вдоль реки, выкошенные поинскими мужиками до самого уреза воды, до тонкого ряда прибрежной осоки — да, тяжело, даётся хлеб насущный тем, кто оставлен в тайге. Выживать в брошенном на произвол судьбы лесном посёлке — так тщательно, буквально до сантиметра, проходят косами — не от хорошей жизни многие вынуждены, видать, перейти на натуральное хозяйство, грудиться по-деревенски вокруг коров, тёлочек (а это не село, столетних расчищенных сенокосов и выпасов нет) — вот и вынуждены косить все эти скромные таёжные прогалины вокруг посёлка — сплошные боры и болота. Поинга — единственная река с более-менее оформленной поймой, хоть с какими-то заливными лужайками... Но нам-то это на руку — отдохнуть возле небольшого стога на таком, чисто подметённом, аккуратном, будто викторианская лужайка для гольфа, склончике над длинным пятнисто-травянистым перекатом — сказка, роскошь. Сидим, пьём чай, вернее, жёнка лежит — её клонит в сон, размаривает, укусы мошкары под глазами и на щеках набрякли — не узнать: глаза-щёлочки, платок обмотан вокруг головы наподобие того, как во все времена защищаются от песка — берберы с бедуинами, от мошкары, комарья, мух — куколкой, роднящей и всех русских баб в лесу: — я посплю!..

Допиваю чай в одиночку, примечая: на перекате всплеск, ещё один, и ещё — ритмично, равномерно рыба нагуливает жирок к осени. Надо плыть, ловить — а мы стоим, вернее, лежим — в разморённых телах жизни не больше, чем в сытых, ленивых гусеницах — скорее, жёнка даже превратилась в кокон, и натурально спит, укутанная, спелёнутая, укрытая ещё вдобавок всеми шейными платками, от мошки.

Беру удочку и иду на перекат. Отец уплыл уже вперёд, оставив нам это место — и надо хотя бы изобразить из себя рыбака, перед самим собой. Что же во мне рвётся и разламывается? Почему я краем глаза слежу за мушкой, но напряжённо вслушиваюсь, что происходит в той стороне, где стожок и наш временный привал? Почему рассеян и неаккуратен в своих движениях — хариус клюёт, я его подсекаю, но не вовремя — на полпути ко мне он срывается, летит в воду — и — эхха! И почему я не крадусь от одного места к другому, а стараюсь быстрее пройти перекат? Неужто тороплюсь? Неужто казавшаяся непобедимой рыбацкая страсть так легко тает и улетучивается? Неужто так легко столкнуть меня с пути, ещё вчера казавшимся мне правильным и единственным? И всё из-за чего? Из-за вторгшейся сюда иной жизни, совсем не той, что разлита по городским журналам, чуть припухлой, совсем не накрашенной, по-детски мирной во всём,

в чертах лица, повадках? Из-за совсем другого, чем моего, не рыбацкого, удивлённого радования каждому лепестку, каждой травке: — Ой, смотри, смотри, стрекозка полетела?!. ой, глянь, какие цветочки?.. стой-стой, дай я дотянусь вон до той ветки... слушай, мы разве здесь уже не были? Вон там, это что за птица? Ты не устал? А дай, я погребу... — брызги воды, ручьи, текущие по ложу весла — в рукава, в лодку, в раструбы сапог — ой, ой, ой! Ой! Какой шмель! Ужас!

Первые неуклюжие движения вёслами — высунув язык от возбуждения и детского восторга: как же! я двигаюсь! я управляю! я лечу... С одной стороны — куча суеты, а с другой (эгоистичной, рыбацкой, берущей понемногу своё) — и хорошо: есть кому послужить якорем, подержаться за ветку или травку, и есть кому подруливать, чтобы был всё время в выигрышном положении, и не мучиться, что не поделился ни с кем этой половиной реки:

— Пару раз правым гребани! Да правым, а не левым, где право-то!..

— Хорошо!.. Как скажешь...

Ещё бы молча, без слов, без лишних слов.

Жёнка лезет на крутой берег к какому-то уж больно лакомо обсыпанному ягодами малиновому кусту, который она заметила и попросила меня причалить, на минутку, поближе. И вот я держусь за траву (обычная форма парковки на таёжной реке) и вижу, как она поднимается, карабкается вверх по круче — платок, штормовка, полнящие широченные рыбацкие штаны. Я только успеваю задумать — насколько естественная такая простая, лопухами висящая, одежда — уместна именно здесь (в отличие от растаманских обдёрганных свитерков, джинсиков в обтяжку до уреза — превративших бы кого угодно в трепетную противоположность нынешнего образа чуть расплывчатой по-ренуаровски привлекательной доступно-играющей деревенской жительницы — или всё же это моё воображение нагружает на то, что есть, то — чего нет? А вдруг и любовь — это всего лишь обременительные выдумки о любви, и она — лишь объект воображения, надевающего на неё формы, которых и нет вовсе? Может, всё это изощрённая утомительная попытка из несуществующего сделать живое?) — и она исчезает! Её нет. Жёнка, только что карабкавшаяся по травянистому крутому склону наверх — испарилась у меня на глазах — без всяких там фокусов и ухищрений! — Вот она была, и нету! Этого не может быть, но это так и есть!

И вдруг я слышу смех. Так и есть. Смеётся. Но как так! — предо мной гладкая травянистая стена...

— Ой, провалилась, и упала...

Ага, вот ряд травы зашевелился...

— Ой, встать не могу — и-хи-хи-хи!.. — и смеётся.

Мне не до смеха — где? что случилось? Оказывается, стена только снизу кажется сплошной — на самом деле это пласты подмытого луга с чёрными провалинами, и она — лежит в одной из них:

— Ой, слушай, не могу — назад перевешивает!

Судя по размерам походных штанцов — это может быть правдой, но скорее всего — просто кому-то весело, и от этого идёт слабость, что не подняться...

— Слушай, провалилась! — показала, наконец, голова: платок сполз на глаза, кулёма кулёмой! Хотел попроще, поестественней? — получи то, что искал:

это не женщина, это неуклюжий медвежонок, которому посреди тайги втемяшилось в башку: малина, малина... Ну как так можно?! В тайге надо всё делать осторожно. Здесь не мыло, здесь другое нужно! — всплывают все мои детские переживания и страхи, заученные правила и техника таёжной безопасности — до дома-то плыть ещё минимум трое суток, и надо быть целым и невредимым (и желательно, конечно, сухим, и ладно, так уж и быть, чистым) — и ничего не сломать и не содрать, ведь кругом: бровровые ходы, медвежьи ямки, остатки старых брёвен (укреплявших берега при сплаве), коряги, сухие русла ручьёв, замаскированные вот таким малинником-смородинником, зыбучая засасывающая грязь промеж таких вот кочек, обманчивая на вид, легко скользящая под сапогом глина — ну и так далее, и так далее: одно перечисление опасностей слишком сильно будет отдавать триллерами и жутью, поэтому — просто надо быть аккуратной, смотреть, еклмн, под ноги!.. И по сторонам... Это не мирный, спокойный Коджул — это тайга, таёжная река — стремительная в своих неожиданностях почище олимпийских бобслейных трасс, там кругом люди, а здесь... Брать с собой женщин, не брать? Ну что за блажь, что за прихоть — тащить их сюда? — как облако наползают сомнения, как грозовая тень на сердце... «Вот как бывает, где лета звонкий крик? Вот как бывает, где счастья светлый миг?» — нда, окончательного диагноза нет...

— Смотри, какая здесь ягода! Видишь, сколько набрала? Ты что, сердисься? Ой, червячок! А-а-а-а...

Червячок на малинке. Ну да, что может быть страшней?! Только, пожалуй, паутина за шиворот... Я дурак. Бестолочь. Наивный бестолковый дуболом. Дубина. Одним словом, когда я сосна — я дуб. «Вот как бывает, где этот летний сон? Вот как бывает, растаял он...»

Днём солнце не только припекает сверху, но ещё отсвечивает, бликует, поддаёт жару и снизу — от воды. Жёнка раскинулась в носу лодки, на рюкзаках и сидушке — спит, дремлет, но под рукой подсак. Чуть что — встреча со щукой, с хорошим хариусом — по моей фразе (подсак, подса-а-ак!) мгновенно вскакивает, мигом ориентируется и, что не менее важно — стремительно, уверенно подсакивает. Я даже, можно сказать, поражён — это не то чтобы моя третья рука — а какое-то быстрее продолжение мысли (я бы так не смог, при всём своём опыте): хватка, цепкость, мгновенная собранность, кошачий переход от сна к ловле — это что-то врождённое, из глубины инстинктов: ни одного промаха! Вся рыба наша... Это, конечно, плюс. И одновременно, лёгкий укол-укол: что бы ты делал один? Упустил бы парочку-троечку рыбёх, а потом бы ещё рассказывал и хвастался, какие они были дикие? Кто же будет подчёркивать свою неуклюжесть и медлительность (а ведь сколько рыб ты, рыбак, упустил именно поэтому — ждал, хотел подвести поближе, подсакнуть так уж подсакнуть, чтоб стопроцентно! И ловил шиш! Дырку от бублика! А, ну признайся? Что уж признаваться, бывало, конечно...) А тут — ни одного схода... Нет, был один. И по чьей вине?

Папка почему-то пропустил одно место (он плыл впереди, буквально в нескольких десятках метров). А я туда пуляю своей блесной — и тут удар! Хватка!

Отдающая рывком по всей лодке, так что ясно даже новичку-рыбачку: щука! Здоровенная... Ого-го?!

— Что там? — жёнка вскочила и уже настоroje.

— Да так, зацепилось что-то! Ого-го-го! — выхлест хвостом, как у кита! — аж папка, и тот оглянулся заволновавшись: — Что у нас там? Война? Кто-то в воду плюхнулся?!

Я не знаю, что во мне заиграло (вернее, знаю, но не скажу, у дурости много синонимов, но тут было редкое сочетание актёрства, позёрства, «посмотрите, какой я крутой перец», самонадеянности — «видишь, и без тебя, и без подсака, что мы можем», наглости, «и не таких брали», «сейчас я ей покажу», «ей, им, всем», «ну ты у меня попляшешь!», «ух, ты!», «ух, ты, блин, ка-ка-я ся-ка-я сбежала-из-дворца!», «стой, куда!», «а теперь горбатый! я сказал горбатый!») — спиннинг в дугу, а я, как тогда дядя Миша, на глазах у восхищённых зрителей — наворачиваю леску на катушку — буром! Напролом! — тяну щуку, или щука тянет лодку, не важно, главное, как это выглядит, как это отдаётся во всех толчках в борьбе с гигантской рыбиной (лучшие миги жизни рыбака?! — вот какой я красавец! Вот что могу, чего никто не может! — Брынь! Щёлк! Что это?.. Лодку аж качнуло, когда она освободилась от буксира... Что-что? — до меня начинает доходить: обрыв, щука сошла, вот что... Вернее, не сошла, а я её упустил!.. На глазах у восхищённых зрителей...

— Что ты? Ну, успокойся...

Папка сделал было даже пару гребков в нашу сторону — может, помочь? Но, хорошо увидев картинку, конечно, распознал мой никчёмный рыбацкий идиотизм (ну кто же так вываживает-то, а?), и даже, скорее всего, понял его глупую подоплёку, его банальную природу — ах, хотелось покуражиться-то, покрасоваться, расправить павлиньи перья! — и только сплюнул — тьфу, еттит!.. (На тот момент рыбы на нашем счёту было ещё так себе, средненько).

А щука-то была очень и очень не маленькая, и села прочно. Моя была щука. Только я сам дурак — в другой раз 100 и 100 таких поймал бы: поводил-поводил, помотал, уморил, сдерживая рывки (удилище-то у меня давно уже хорошее, отборное, в меру жёсткое, чешское — пробка, алюминиевые отточенные детали, хром, нержавейка, пластик...) — и вывел бы. Если бы не было тебя... Эх, если бы, да кабы... Ну, что это в нас, мужчинах, заложены, какие мины вдруг взрываются в нашем сознании, какая гормональная дурь вдруг потоком врывается в сердце и селевым потоком бежит по нашим венам? Чего нам не хватает, какого ещё кайфа, что мы вот так, прилюдно, срываемся в штопор, в дурную удаль? Всё из-за этого, что ли?! Кто мне скажет, а как без них? Поймаем всех рыб, и всё переделаем, перепробуем, не будет ли нам скучновато без таких вот фокусов — во как мы моём! А они в стороне, будто ни при чём.

— Устал? Ну что ты расстроился?

— Эх, непойманная рыба лучше пойманной, и больше (чего не скажешь о селёдках из иллюстрированных журналов, те-то, правда, по каким-то неуловимым чертам, видно, что сто раз и «пойманные», и «битые» — как-то по изгибу губ, что ли, шеи... изогнутости их бесстыже выставленных тощих задниц... особенно, по

взглядам...) — сорвавшаяся-то запоминается прочней съеденной: всё же, порция адреналина, что ни говори — ударней...

— А что это было? Ты не так насадил рыбку?

— Не рыбку, а блесну... Всё я так насадил!..

— Посмотри, у меня под левым глазом нет ничего? Что-то чешется.

Ночёвка на мыске со скошенным лугом. Разбиваем лагерь, устраиваемся, ставим палатку — всё почти как всегда, кроме одного — после ужина, после чая, в сумерках можно оторваться от нашего становища. Папка остаётся один. Посуда вымыта, рыба почищена, просолена, сложена в мешки, проложена осокой — хорошо, когда рук несколько: меньше забот, всё быстрее. Река мягка, покойно укрыта туманом — утихомирено молчит, ясная полная луна тоже одиноко и безмолвно стоит рядом, над верхушками деревьев, созерцая наше движение — и папкино одиночество у костра, и то, как в темноте, дойдя до края луга, лезешь на стог, всё, дальше тайга, заливные луга пойдут не кошениые, дикие, поросшие буйной не тронутой дурниной, ароматной и цепкой, вяжущей ноги и обсыпающей семенами и зёрнами.

Человечество, подсевшее на кинематограф и саспенс, втулило бы в моё повествование сцен, не стесняясь, как в каждый фильм и сериал. И зря. Из всех попыток человечества воспроизвести достоверно то, что нами движет (как парадоксальный круговорот: «ты будешь поражать его в голову, он же будет жалить тебя в пятую...», а может, там говорилось туманнее: Ева своим семенем будет стирать голову змия...) — нет ни одной мало-мальски удачной попытки. Слишком многое сопутствует этому. Безрезультатный процесс всё превращает в комикс (в котором чёрно-белые фигурки могут двигаться лишь в твоём воображении). И самые удачные истории — это сплошные тотальные выдумки «повестей, печальней которых нет на свете», «солнечных ударов». Многое, что касается технологично-просвещённой интимности, на которую напирают идеологи, «а вслед и авторы» романтически-гламурного бреда — тотчас по прошествии «момента» стирается из памяти, будто его и не было. Этот бесформенный, бесплодный сгусток воспоминаний, зайдя в область подсознательного и инстинктивного — так и не может выбраться: из мучительного лабиринта нет словесного выхода, и все словесные воспоминания — это враньё. А врать не хочется — мы рисуем то, что было, и что отпечталось. Здесь же отпечаток не может быть очерчен, ничем — нет такого слова-сверхпроводника, одинаково-напряжённого и на входе и на выходе.

Возможно, так и должно быть (если что-то вообще «должно быть») — чтоб никому неповадно было лезть в неповторимость вкупе с неосознанностью (и третьим слоем — взаимность) чьей-то жизни, глубоко личной, куда не приглашают зрителей. Потому, что это не театр (но как мы знаем — некоторые не только приходят поглазеть, но ещё и несут за пазухой камни — побить при удобном случае с безопасного расстояния, толпой, безликой и истеричной). Этого нет и в наскальной живописи, бесконечно-красивых пещерных петроглифах: там нет того, что обыденно или табуировано (не ради садизма толпы или злой воли цензоров) — первоначальный человек во многом более естественен и прост, по-детски радуясь

«случаю», «дару», которые всегда под рукой, в которых нет ничего особенного — нет стыда, нет озабоченности, нет геройства — и никто никого не рисует «для красоты», и сам художник не хочет быть подглядываемым в том, в чём нет подвига, зато много неловкости и барахтанья в деталях.

Чем хорошо прошлое — его никак не изменишь. Можно изменить ему, но не его, хотя в чём состоит эта измена? — в забвении? Но ведь невозможно помнить всё... В том, что не ценил то, что было так близко и легко? Но как бы выразалось это «ценить»... — засушить, заспиртовать, выставить в банки — смотрите, это было? Остановись, мгновение, ты прекрасно? — но которое? То, что мы ощущаем — не укладывается в одно мгновение, мы мотаем время не мигами, не секундами — целыми кусками, не деля на мгновения, которые для нас слишком быстры, и не различимы — быстрее рыб и птиц, по которым мы и так мажем — лишь когда наша мысль вязнет в каком-то слове, как муха в меду — когда открываются, как после парилки внутренние поры — и начинаешь впитывать ароматы, движения, незримую благотворность всего созданного, по-своему отсчитывающего своё время (осенний лист, багровеющий к скорому падению; бутон шиповника вот-вот раскрывшийся) — и ощущая надмирную тщательную разумность и обдуманность, и причинность всей твари — перестаёшь быть собой, становишься частью влажно-волнуемого причинно-следственными приливами-отливами мира. Попытки контролировать прошлое приводят к управлению будущим, но сам этот контроль — лишь депрессивное желание повторения бывшего удовольствия и в угоду ему расчётливое выжигание неудобного и ненужного — складирования удобной папочки с листьями — наслоениями мифов, в которых, моделируя из них желаемое будущее, человек пытается обмануть и оправдать сам себя: от Адама... от обезьяны... нет, тут было так — следовательно, будет вот это... Роскошь — уметь помнить, но ещё большая — уметь забывать, вернее, помнить молча, не дёргаясь, не повторяясь, не наступая на те же грабли — о, ё!

Искусственное, осеменённое, вошедшее в родовые мифы, прошлое (проглатывающее даже такие огромные куски, как гиперверу в научность и познаваемость и раздробляемость до атомов: успокойся, малыш, конечно, конечно, ты от обезьяны... Хочешь кашки рисовой, на молоке? А курочки копчёной? Не хочешь? Ну, не плачь... раз в книжке написано, значит это так...) — всего лишь бунт против того, что на самом деле рассыпано незаметно в прошлом у каждого, в которое надо вбить, вколотить, внести оправдание нынешних поступков: не мы такие — общество такое, с его «социальным напряжением», антропогенными (обезьянскими читай) аномалиями, «среда заела» (Достоевский) — и загладить болезненное ощущение совершённого по отношению к реально бывшему прошлому предательства и убийства. И каждое воспоминание, каждое его посещение — это комплекс преступника, стремящегося вновь на место преступления («мы же любили, любовь ещё быть может», или уже нет? Тогда кто её так?)... Смыть следы, сделать бывшее как бы не бывшим... восстание страсти против единственной истории человека — это история человека и Бога (в желании нашей свободы скрывшего Себя за завесой событий, нас отвлекающих, в тревожном молчании природы, в сильном равновесии), и наших самых первых «отводняков»: Господи, это не я, это она, Ева, дала мне яблоко... (кто от мартышек, тем проще, там, в основном, история вертится, наверно, вокруг бананов).

Очень тяжело — не изменить своего прошлого (не войти в него этаким Ганнибалом — Лектором со скальпелем и тихой улыбкой) и принять, как оно есть, от Адама, ещё того, который шёл по миру, давая всему название и откликаясь на всё — на запахи, течение реки, неизвестные маленькие цветочки на перекате (Ева, посмотри) едва-едва обнажившим свои отмели (так же, как ты). Посреди рая, там, где древо познания добра и зла — там и эта река (кто-то утверждает, что целых четыре), в меру широкая, и по местам глубокая, как крещенский Иордан — смывающая наше падение и обнаружение собственной наготы, и возвращающая рай, в котором уже нет времени, нет прошлого, нет будущего (недостижимого и таящего основную угрозу — смерть), а есть непрерывное, бессмертное бытие (в нашем нынешнем состоянии его не попробовать, не принять, не ощутить — разве что вдохнуть лёгкими души из воздуха пророчеств: «разве не знаете, что будете судить и ангелов?»).

Я хочу этого мира (адамова), но путь к нему лежит через войну. И война не в преодолении препятствий и громком (с «калачами» и шмелями) устранении препятствий — но в первую очередь в чистоте и осознанном продвижении к нему в настоящем, мгновенно превращающимся в прошлое, прибавляющемся с каждой секундой нашей жизни. Мы вызваны для войны, из небытия в бытие, и у каждого она своя — пока смерть впереди.

Смерть сильна. Особенно своей угрозой. В её перспективе наша память, лихорадочно, суетливо хочет пройти мимо, избирая отдельные куски, построить окружной мостик в будущее (обойдя смерть, замалчивая, запаздывая), сортируя лучшее и спрямляя повороты реки жизни. На вопрос — кем я был? — существует большой спектр ответов (от умирающего от рака доходяги до «лучшего писателя среднего поколения» (журнал «Континент») и от «золотого олимпиадного мальчика» до взрослого мужчины, у кого «всё сложно» в семейной жизни — и черту этой противоречивой родословной и острой онтологии подведёт только смерть, в ожидании которой есть просвет для души (которая в перспективе разбора полётов суетится: что взять? что оставить? как можно было столько наследить?), успокаивающейся тем, что всё давно уже рассмотрено и омыто, и что невозможно человеку, то возможно Богу: «Окропиши мя иссопом и очищуся; омыеши мя и паче снега убелюся»...

Кто будет судить тебя, коли так?

Оставить выдумки и сказки — очень сложно (перед Богом они бесполезны, перед людьми — временны, они-то видят, что ты за фрукт). Но неожиданно на двадцатом году писательства я вдруг обнаружил — как это легко, естественно, насколько притягательно и просто. Вот она, свобода: в том, что написано — как было, без прикрас (хотя, конечно, возможны и варианты, но всё же тяга к чистоте этого эксперимента — гораздо понятнее, чем жизнь иллюзиями. Даже если эти записки не издадут никогда — я рад уже тем, что мне хотелось их продолжать и продолжать, и несмотря ни на что меня каждый день тянуло к бумаге), без алхимической переплавки собственного и чужого опыта в ослепительно-красивые, подобные фейерверкам, развлекашки-побрякушки присматривающей за нами Матрицы.

Несовременно? Грубо? Не эстетично? («писателишка ты задрипанный... философ доморощенный!..» — цитата из «Сталкера») — со всем соглашусь. Только когда будете на лагере, дайте и мне почитать своё (я, правда, поинтересуюсь сначала кое-чем: вы-то кем определились в жизни, не банщиком, не завхозом, не дневальным? Не стучали, не были писарем в штабе, не подводили никого, выгораживая свою задницу? Не двигали ли фуфло — ну и так далее) — Что вам в голову лезло между сечкой и бесконечными зоновскими блокбастерами и проверками. Что, человек давно изменился под воздействием цивилизации и прогресса? Я смеюсь, держите меня семеро — упаду со шконаря. Когда-нибудь под нож экскаватора пустят и реку, и тайгу? Не при моей жизни, не на моих глазах, не на моём веку.

Под жёстким рентгеном (повторяю — будете в лагере, попробуйте написать как у вас было — а это в России так или иначе коснётся каждого нормального человека, если мы не победим) в прошлом обнаруживаются держащие все косточки, по которым можно диагностировать большое человечество. Есть вопросы не только об Адаме (что как раз самое простое, заложенное в каждом на поверхности) — но и о Божьем устройении мира, о Христе и Церкви, о царе, вере, верности — на которых проверяется настоящесть, неотрывное на мой взгляд от тяги к девственной, нетронутой чистоте мира. И здесь-то настоящих побывало и проверено больше, чем в мегаполисах — и мужчин, и женщин. Здесь, на царственно-раскинувшейся нетронутой реке в моей памяти.

Всё сгорело? Нет. Не сгорело ничего — я даже удивлён, насколько всё не тронуто, цело и недоступно ни для кого. Я сгорел — это другое. Возможно, выгорело не прошлое — а меня всё меньше, я кончаюсь вне центра моей вселенной, вне пределов девственного мира, там, где умножается беззаконие и оскудевает любовь.

Через трое суток пошли знакомые места: всё ближе подплываем к мосту — вот уже и характерная, ни на что не похожая заводь-курейка перед устьем Тыла-ю, от которого до моста по прямой — рукой подать. Таких, как Тыла-ю, полуручьёв-полуречек на нашей земле раскидано множество. Даже названий на всех не хватает — в любой стороне, куда не ткни по карте пальцем, есть Тыла-ю. Ю — это река, общее название, хотя какая уж там река — ручей, перетекающий по небольшим ямкам, сплошь заваленный всяким таёжным хламом, корягами. А вот тыла — это по-коми способ земледелия, свойственный ещё древнему освоению земель, когда выжигалась тайга и на пепелище, удобренном золой, выращивали пару лет убогенькие злаки, а потом переходили к другому такому же месту. И очень удобными для предков, видимо, были поймы таких маленьких речек: по весне поджёт всю эту сухую дурнину — и сажай. И орошать не надо, и от холодных ветров закрывает обступившая долину тайга — удобно, дёшево и сердито. Даже около города есть своя Тыла-ю. Там у нас была дача, а до того, когда ещё там был лес, мы с папкой и тихим молчаливым дядей Стёпой обирали там смородину: пойменные луга обкашивали жителей пригорода, оставляя везде (и себе и людям) островки смородинника, которые мы обходили по очереди, проходя за день несколько километров (впрочем, меня больше интересовала река, что в ней водится, даже в такой вялотекущей лужице, оказались ельцы и налимчики по ямкам, которых

можно было надёргать на донки, поставленные на ночь... Смородина меня мало волновала — варенье мне не нравилось излишней резкостью, как и крыжовенное — я ещё мог потреблять её протёртой с сахаром, подмешав для сладости в утреннюю манку, но и то, если в чулане больше не было ничего... Потому и сбор её был для моего детства непритягателен, и так всё и отпечаталось: скудные кусты, прозрачная речка, сырость, и было не очень жаль, когда в тех местах устроили сначала глиняный карьер — на кирпичи. И кирпичи-то были ломкие, не первый сорт — довелось наблюдать, как мужики с похмелья, из артельной бригады, глядя, как заливается только вчера ими выведенная стенка гаража, чесали затылки, и затем выдавали диагноз: надо возводить контрфорсы, контрфорсы надо выводить... — так они называли подпорки из этого рыхлого кирпича. И кто-то немедленно отправлялся в центр посёлка Дальний — за «Агдамом» или «Кавказом» — обмозговывать это дело дальше... Гораздо позже, в Германии, под Бонном в полугородишке-полудеревеньке Борнхайм, в гостях у Гердика, профессора боннского университета, его жены Ленки, троих отпрысков — Маши, Ксюши и Йоханнеса — я обнаружил как ни странно потом то же, что и в посёлке Дальнем под Сыктывкаром: полосу препятствий, правда, искусственную, в которую была превращена маленькая улочка с помощью лежачих полицейских, натканных прямо на проезжей части маленьких игрушечных клумб, яркой разметкой проезжей части со всякими там шашечками, будто из Цветочного города, где проживали «Весёлые человечки», пунктирами, «зебрами»... Мы с семейством Шмальц загрузились в их «Рено-Меган» — и невероятно медленно покатали в магазин (я спросил Гердика: почему так? — идиоты! Немецкие идиоты! Боятся, чтобы никто никого не задавил... Лучше бы бордель американский убрали из центра города...) по игрушечной улице — и это мне напомнило несчастные лица автомобилистов, вцепившихся намертво в рули своих «жигулей» и объезжавших далеко не сказочные «контрфорсы» и «очень весёлых человечков», чesавших над ними свои затылки — по той же самой змейке с той же скоростью, вот только выражения их были крепче, чем «идиоты»... Правда, ронялись они про себя, злым шёпотом — потому, что если б слышали его наши (дядя Миша, только что оттянувший пятнадцать строгого, вышку по тем временам, и дядя Тарас) — они бы таких им выписали «стопарей»...). После карьера эти земли решили раздать на участки — и один достался нам; пока мы не вырыли колодец (метров восемь в глубину, как мы решились на такое без укрепления опалубки?!. я помню папкину спину там внизу, и дёрганья верёвки — доставай!..); я вынужден был ходить за питьевой водой на Тыла-ю, и даже засматривался на её воды, мечтательно — не покажется ли рыбка...

Напрямик, от устья этой, вотчинской Тыла-ю, до моста было где-то с полкилометра дугами, по тропам — и можно было пройти спокойно, без риска ошибиться, заблудиться, главное — не лезть в лес, в чащу. Жёнке за трое суток плавания уже надоело всё время полусидеть, полулежать — все позы испробованы, и спина разламывается, и ноги затекают, и я отправил её этой короткой дорогой — посадил походить-побродить по берегу, а сам пошёл петлять извилинами реки к мосту, тем более, что места здесь, у моста, всё-таки более обжитые, обловленные. Нетронутая тайга осталась позади, и поймать много тут не светит —

что смогли, то наловили. Да я и сам, если что справлюсь, а то расслабился — и за кустики мне вместо якоря держаться, и если что подсакивают, и посуду моют на привале, и полотенца перед едой расстилают, и даже комариков из ухи вылавливают!..

Потихоньку подгребая, подплываю к мосту. Конечно, и я тоже устал от нашего похода, но всё же больше беспокоился за неё — выдержит? не выдержит? Может, даже придётся удрать отсюда пешком по дороге — два с половиной часа, и мы дома, в тепле, в уюте, без комаров... Баня? Пожалуйста! Мыло, полотенца? Какой вопрос! Магазин, наконец... Который для женщин, в каком-то смысле, больше, чем магазин — там красуются перед соседями в лучшем наряде, там обсуждают последние новости деревни, там видно, кто живёт по средствам, а кто втихаря, стыдясь, шёпотом просит записать на свой счёт последнюю-распоследнюю бутылку настойки. «Лиза, ангел, с пенсии отдам, вот она, рядом, двадцать пятого, Лизук...»

...И тут же мне в ноздри веет запах старого таинственного хозмага (который ограбили через трубу) — длинный прямоугольный прилавок, за которым все стены по-старинному, по-купечески увешены разного сорта товаром, мягко-хлопающая за спиной дверь, полумрак, зрение, привыкающее к чёрному и красному: ткани, шали, плисовая одежда, окна ещё в церковных решётках, полнотелая мёрзнувшая продавщица, поругивающая нерасторопное начальство, привёзшее сырые дрова, разномастная мелочь, от проржавевших от сырости гитарных струн до детских сабель из мягкого алюминия (они хороши до первого сгиба — дальше как ни прями, как ни выгибай на коленке — застревают в ножнах, а потом и крошатся на сгибах пред тем, как обломиться — то есть до первой стычки), свистки-манки на рябчиков, зубной порошок вместо привычной уже в городе зубной мятной пасты (комкающийся на дёснах, противно липнущий к щётке), скудный ряд обуви на прилавке от стандартных детских сандалий до уже не встречающихся, стыдных для города, бурок — «прощай молодость» (которые до сих пор — одна из лучших домашних уютнейших принадлежностей: и мягко, и тепло, и в огород можно выйти, и за водой — а что ещё надо по большому счёту?). Я любил, когда бабушка заводила меня за руку в этот пустынный, как внутренность аккордеона, магазин. И жаль было его покидать, чтобы перейти дорогу и очутиться совсем в другом: продуктовом, шумном, пахнущем совсем по-другому: потёкшей из коробок замороженной треской и бочковыми огурцами...

Вот и сваи старого моста, а вот и новый — подплываю, высаживаюсь — всё равно лодку перетаскивать, выгружать вещи: опоры, как бобровая плотина, постоянно забиты поперёк всей реки валежником, топляками, принесённым половодьем таёжным хламом, луговым лёгким мусором...

Поднимаюсь наверх, на берег — пусто... Что такое? Резкий укол снизу — потерялась! В тайге... Ушла плутать, вот я дурак... Стоп, ну куда она могла деться? — с одной стороны старица и дорога, пусть и плохонькая, но идущая к основной, лесовозной, с другой — самая хорошая широкая лесовозка, с третьей — река: треугольник, в котором я её высадил, если не пересекать сторон — замкнут, деться некуда... Если только она пошла не напрямик, а вдоль реки (как я иногда в детстве собирал грибы, озираясь — здесь ли дорога? рядом ли? где я?), чтоб не

потеряться — эх... По моим подсчётам, должна быть здесь, но где она? В кустах, что ли, сидит, кулёма?

И точно — в кустах шум, шорох — вот она: ага, тянет с собой корягу на костёр! Фу! Ну, слава Богу, цела!

— Я тут костёр решила разжечь...

— Ты что, только пришла?

— Да, а что?

— Напрямик же тут минут десять всего...

— Ой, ты знаешь... Я, как ты и сказал, нашла тропинку. Трава густая. Я иду, она шуршит — мне ничего не видно... (Точно, осень уже, дождей не было, и трава подсохла так, на корню). И вдруг, ты только не смейся — впереди шум! Ну, я и присела. И замерла! И шум тоже замер... Я двинулась — и там зашуршало! А ты меня учил в тайге не визжать, тихо себя вести, помнишь? А если медведь, так и вовсе замереть, или осторожно лечь на землю... Но я не легла — мне же интересно! Я носик остороженько высунула — а там, на маленькой полянке, на тропинке белка — навстречу мне, шуршит! И замирает... Как в зеркале, представляешь?

— Ну, что ты? А?

— Фу, отстань, всё надо знать... У тебя комар на лбу. Дай придавлю!..

Белка, испуг, любопытство — наверное, родовые деления по животным пошли от таких случаев: она была бы белкою, этой рыжей-бесстыжей... А я — уже давно определён: ёкыш — окунь, колючий и настырный... Смеюсь не стесняясь, колюче...

— Что ты так громко! Вдруг кто услышит, кто увидит!

Кто? Ну кто нас увидит на пустынной дороге через мост в глухом краю. Я пуще смеюсь... И тут — как привидение, как сбывающееся нелепое пророчество: вдруг рядом затарахтела какая-то таратайка, и к берегу, чуть не доезжая нашего кострища, подъезжает невероятное чудо: весь в белом, в летнем парусиновом костюме, полноватый городской франт. Он важно, поинтересовавшись у нас, что это за речка, проходит к реке, встав в картинную богатырскую позу на берегу под мостом — и делает самый нелепый, какой я видел в жизни, заброс спиннинга — сверху, метров с пятнадцати, одна нога выставлена вперёд, как у Наполеона на Воробьёвых Горах, над горящей Москвой... Конечно, всё кончилось пукком прибрежной травы и тины, и высокомерным комментарием:

— Кажется, здесь ничего стоящего...

Мы еле удерживаемся, чтоб не расхохотаться напропалую, давимся смехом над этой пижонской вычурной картиной, над воплощением городского чванства в полный рост.

— Ага, понятно! Не такие реки облавливали...

Привидение разворачивается и уезжает обратно, откуда явилось — наверное, из Исанево (кто-то из родственников приехал погостить, ну его и спровадили на речку — поудить. Поудил, покрасовался, можно и обратно).

Наконец, подплывает и папик. Семья в сборе. Рассказываем ему про явление городского антирыбака, которое всё же приносит определённую пользу: мы теперь

даже не думаем удрать домой... Что? В ту сторону? Ни за какие коврижки... Мы пойдём своим путём! Нормальные герои всегда идут в обход... Мы не ищем милости от природы! (Хотя, конечно, ищем: рыба ищет где глубже, а человек — где рыба...).

До нашей дороги домой ещё сутки минимум, так что плывём, а там уж решим, что нам делать дальше (до устья плыви ещё хоть трое суток, но это, конечно, вряд ли — как мы ни сэкономили, но ежевечерняя предночная порция вина уже на исходе, осталось чуть во фляжке на сегодняшнюю ночь; а главное — силы, сколько их?). И как назло — от моста практически не клюёт. Будто заговорили. Будто этот белый-белый пижон-задавака своим хлорным запахом распугал всё живое...

Вот и мельничная яма, и остров, и пережат, и дорога — по которой мы приходили с детьми на наши суточные походы весёлые, клёвые (в смысле уловов и прочего: я на корме, дети вдвоём на передней лавочке, сын с дочерью, временное дневное затишье — бесклёвье. Я-то знаю, что скоро щука выйдет на охоту, но для них это время тянется слишком долго: ну когда? Опять пусто? — и тогда я объясняю, чего мы ждём: вечернего клёва. И мгновенно рождается песня, которая нам помогает его дожидаться, весело постёгивая своими снасточками, вновь дружелюбную реку: вечерний клёв! Бом-бом! Вечерний клёв! Как много щук и окунён!.. — я вспоминаю угрюмый шукшинский взгляд из «Калины красной», а дети уже вовсю начинают изгаляться над другими песнями: вы слышали, как плывут бобры? Нет, не те бобры, не луговые... — под влиянием моих рассказов о завезённых и акклиматизированных рекой канадцах, и о том, что рыбы-то до них было ого-го...) — надо решать, что делать... и тут у самой дороги — здрасьте-пожалуйста: братья Жуки, Славик с Витькой — сидят, пакуют домой рюкзаки. Так вот оно что! Они скатывают лодку-резинку (как наша двухместка), грузят поверх мешки с рыбой, увязывают свои снасти, спиннинги и горящими огнём красно-медными самодельными блёснами-блямбами, грубыми, но судя по мешкам — уловистыми не меньше наших... Вот, значит, в чём дело-то было, не в бобрах, а братья Жуковы — они плыли впереди нас и ловили по нетронутому — ну а нам оставались крохи с их стола, от самого моста... Вот она, речная жизнь — ты стараешься, добираешься до верховьев, а кто-то шасть к мосту... и собирает все сливки. Но мы не внакладе — своим хорошим людям ничего не жалко (Славка, колченогий, подранный на лосиной охоте братьевьями же, стрелявшими на слух — попёрся сдуру по лосиной тропе, нашумел... — из нашей деревни — сосед, можно сказать; а краснолицый, добродушный Витька (умрёт через несколько лет от «Трои») — из середины села). В тот день Витька поразил меня сходством с медведем: так упало солнце на его загорелое, горящее медью, как их блесны, лицо — и одновременно он взревел: Анатолич, здорррев-а! Как р-р-рыбалка? — чистый медведь. Это тебе не городской пижон... Я понимаю — это такой же хозяин реки, как и я...

— Здоров, Витька! Здоров, Славик! — давят крепчайше мне клешню.

— Здрасьте! — это они о жёнке: — Твоя?

И не дождавшись ответа, одновременно: — Курить есть?

— Не курю же.

Разочарование.

— Папка сейчас догонит, у него «Приму» спросите...

— О! Ждём! — они уже увязались, а мы в раздумье — что дальше? Ждём папку, который выходит на берег, разминает ноги, здороваётся с Жуками — Здоров, здоров!

— Василич, куревом не богат?

Папка достаёт из вязаной шапки «Приму», и они втроём жмут табачок, перекидываясь редкими словами о клёве, о погоде. О рыбе и её количестве говорить не принято. Я знаю, что у папки курева впритык, но он предлагает ещё им на дорожку, но Жуки отказываются, стесняясь что ли жёнки, которая обнаружила кустики ежевики и рвёт букетик на чай, который мы планировали здесь попить, решая как быть дальше. Отказавшись от чая — дома! Через час уже дома будем! — Жуки, бодро вскинув рюкзаки: Витька большой — Славик поменьше — уходят.

Ну что, мы хоть и молчим, но уже, похоже всё ясно — до дома-то, Жуки правы, рукой подать, километра четыре по песчаной дорожке, по борам, да и не клюёт, да и устали, а до Валерьяновой избушки плыть почти до вечера... и мы не выдерживаем магнитного притяжения — домой, идём домой, в уют, в тепло. Папка пусть ещё плывёт, один, сколько может — хоть день, хоть два, ему-то не привыкать. И то уже мы ему скрасили сплав с верховьев, с нами особо не соскучишься...

Сматываем наши вещи — лодку, рыбу, лишние шмотки, бодро возвращаемся домой. И — промахиваемся. Вернее, промахиваюсь я, рыбак, не выдержавший искушения теплом близкого дома... Мы пришли неспешно домой, развалились на диванах, ничего особенно и не предпринимая: обед, банька... А к вечеру, почти к ночи, ввалился возбуждённый, переполненный эмоциями папка, к моей досаде рассказывая, что тут-то и начался бешенный клёв: тут-то и повалил «крупный стандарт», да и хариус вышел на перекат, и что там рассказывать: мешок из рюкзака, рыбу — в ванну (куда там тазик, не влезет) — вот они вывалились, красавицы, от которых мы удрали...

Домашним-то не понять, им и так хорошо — прогулялись, наплавались, потрудились — все дома, что ещё нужно? А в моих глазах папка, наверное, прочёл всё, всю гамму чувств, все мои внутренне высказанные междометия о том, как я удрал от рыбы...

Все эти воспоминания отчасти сжимают мне сердце: не потому, что всё это прошло и никогда больше не будет такой жизнь и река... По-иному смотришь на мир, пропитываясь верой, как губка — весь. И фразы вроде того, что «он жив, пока живёт в нашей памяти» вызывают скрытое недовольство — но что же ты, человек, тщишься продлить чью-то дорогую тебе жизнь, и не веришь, что она жива не только в твоей памяти, а где-то ещё, в конкретном месте — что настоящая любовь не зависит от того, что можно заглушить травкой или водкой, от того, что превращает некоторых в соляные столбы — они оборачиваются назад и замирают в ужасе... Нет, тот, кто жил — жив и по сей день и в гораздо более уютном мире, чем наша слабенькая память, в которой нет главного — настоящего общения. С Богом. Рождённое свыше — не может умереть. Устроенное для нашего же блага временное земное сиротство наедине с рекой и её кажущейся отстранённостью —

лишь одно из многих условий нашего созревания для другой реки, которая нам уже слышна, как в животике у мамы — ещё не ясный, не отчётливый голос отца. И эта грусть в сердце — просто страх перед окончательным рождением, которое нам предстоит, каждому — своё.

Память о прошлом — это то, что помогает мне умереть, живя, и не бояться смерти — поскольку, надеюсь, читал эту книгу внимательно. Это сказочное зёрнышко, которое растёт корнями вверх, и выносит за облака. Это чернозём, из которого, прорываясь — выходит колос, принося плоды «в тридцать, шестьдесят и стократ». Мы и смертны, и бессмертны. И любовь крепка, как смерть (прав Павел). И нет ничего в моём мире более питающего и взрастившего любви, чем река, которая даже здесь своей влагой успокаивает моё сердце.

Через несколько долгих и счастливых лет после этого путешествия по Поинге, когда папке уже поставили окончательный диагноз — не операбельный рак лёгких, последняя стадия, задеты и бронхи, и трахеи, и наши сердца и души — мы с ним после бесплодных, только слегка обнадеживающих химиотерапий и облучения (и выпадения волос, и отрастания лёгкого, нового, того пушка) — с ранней для Поинги весны, с мая — стали каждый день приходить сюда, на реку: без лодок и долгих плаваний, просто с удочками, как в детстве — ловить с берега.

В канун очередных перемен в стране, когда ещё выполнялись старые планы и осваивались заложенные когда-то бюджеты и сметы, и уже сквозил новый сквознячок — дорогу до Поинги, к Валерьяновой избушке, обновили — а последний участок по торфянику так и вообще приподняли, соорудив длинную чернозёмно-торфяную насыпь, мигом, в несколько лет, обросшую густо ольхой и ивняком. Так что теперь на машине («Нива» — эта машинка, по здешним меркам, одна из лучших) можно было добраться, осторожно проходя слалом по чёрной раскисшей колее в обход луж и ям, до самого берега, уже наизусть зная, где и как штурмовать хлипкие мостики через глухо ворчащие, рассыпающиеся весенним чмоканьем и угрюмым бормотанием, ручьи, полноводные, газующие не по-детски... По этой дороге хотели вывозить сапропель, которого в пойме Поинги скопилось, говорят геологи, пропасть (кстати, лучшее удобрение из натуральных) — и остановились на том, что вырубили часть тайги да подняли вот эту дорогу, минуя которую, удачно проскочив все рыхлые чёрно-жирные раны — пролежни торфяника — ты выскакиваешь сразу на перекат, над которым можно оставить машину и идти уже дальше пешком, с удочками, до боли знакомыми местами и поворотами — ловить, надеяться и прощаться. Каждый день — прощаться, надеяться, жить и чуть умирать, быть ближе к смерти, и опять к жизни. Как ещё сказать об этом?

Май 99-го в наших краях был холоден — посреди серого, сжавшегося в кулак вместе с солнцем, едва поблёскивавшего костяшками в сплошных облаках, дня запросто могли полететь, посыпаться белые мухи-снежинки, шелестя по старым листьям, превращая весну в осень, в чёрно-серую неласковую застывшую картину, вполне безжизненную и равнодушную — и тем не менее мы входили в неё, и мёрзли, и шелестели по не проснувшимся кустам, и всё же осторожно ловили, устраиваясь кто как и где может, подкладывая под себя сидушки из веток, чтоб

не простыть вдобавок к нашим бедам. И каждый день река нам дарила очень красивый, пусть не роскошный, улов — подарок... Понемногу клевала мелочь — сорога, елец, которым, впрочем, мы радовались не меньше, чем хорошему язю — украшению нашего улова, каждый день испытывавшему на прочность и наши, совсем не настроенные на язя удочки, и наше мастерство — как вы? Ну сегодня получше, получше...

И так что ни день: будто выплавленный из золота красавец в обрамлении серебряно-бронзовой мелочи. Как знак. Как неповторимое, необъяснимое, тёплое ежедневное чудо, будто это холодная упорная рыбина, медленно и властно распахивавшая жабры, открывавшая в немом повелении свой жёстко очерченный рот, хотела сказать нам, немощным, не умеющим читать по губам, что всё в порядке — и своим видом, своим живым цветом, победно-золотым, делилась с нами тайнами, подтверждая, что нет ничего вечного в мире, кроме человеческой души, которая нуждается в таких вот необъяснимых, полновесных подтверждениях-посланиях.

Обычно мы устраивались, расчищая себе площадочки в кустах на каком-нибудь хорошо знакомом нам мысочке (почти полностью утопленном высокой водой и песчаном, когда вода сойдёт), где течение было приемлемое для удочек — и не быстрое, не рвущее, не бестолковое, но и не слишком сонное и вялое, чтоб перекачивать, шевелить насадку. И опять мы соревновались — у кого раньше клюнет, у кого сядет по ельцу на оба крючка, у кого будет первая поклёвка хорошей рыбы (иногда одна за весь день). В кустах мы не видели друг-друга — рядом было нечего делать двоим рыбакам. Я слышал папкин кашель, его негромкие ругательства, когда подходила и теребила насадку мелочь, и не падалась. Как в детстве.

Я помню это вечное невидимое папкино присутствие, когда я был одновременно и полностью свободен и привязан: мог делать, что считал необходимым — например, пошли грибы — я мог крутиться на одном, на мой взгляд, примечательном и перспективном месте сколько угодно (надо лишь быть готовым своевременно подать голос, не пропустить папкин позыв) — или мог двинуться дальше искать что получше, чуть натягивая, но всё же оставляя целёхонькой эту невидимую нервующую паутинку между мной и папкой, как в физике, идеальную, неразрывную, и даже сверх физики — нетронутую и сейчас, уходящую, правда, дальше, как леска в глубину, куда могут достать слова молитвы, и другой кончик, привязанный к сердцу-колокольчику, тихо и мирно подрагивает в груди: дзынь-дзынь, всё в порядке, как и должно всему свершиться...

Это сейчас.

А тогда, мы, как персонажи тёплых чёрно-белых фильмов 60-х годов — большей частью сидели в кустах, в наших опять детских засадах (удочка, подрагивающий поплавок, рука на удилице...), не видя друг друга — кроме чаепитий или помощи в вываживании крупной рыбы, мы были рядом, до боли близко. Жалость, любовь —

человечество скупое на родственные слова. Оно по большей части треплется о несущественном, и немощно молчит, избегая как будто неловких или в чём-то старомодных связей — не торопится описывать подобное состояние тяги к родному беззащитному и уже как бы одинокому (перед лицом только его смерти) человеку — но я-то даже сейчас, будто в прошлое можно протянуть руки и поддержать оступившегося, ощущаю — оно, это чувство во мне, трепыхается, позвякивает — всё живо, пусть мёртвые погребают своих мертвецов, всё верно: живые тянут живых к вечной жизни и опять оказывается дело не в прошлом, а в том будущем, где нет ни болезней, ни времени...

Однажды, в один из этих дней папка пошёл на реку раньше нас, пешком — на один из трёх поворотов-лепестков на реке ниже Валерьяновой будки. Мы должны были нагнать его днём, приехать следом. Папка сказал, что будет ждать на мысочке, на повороте, где зимой был тракторный совхозный брод по дну реки. Там летом выходит великолепный крутобокий мысочек, затенённый обступающей по внешнему берегу тайгой, сторожащей затаившиеся под берегом глубины. На этом песочке мы не раз ночевали с папкой в палатке, когда я был маленький. Там однажды он при мне на крюк поймал почти что мою щуку. Мы пристали к песочку к крошечным сумеркам. Папка стал разводить костёр, а я взял удочку и пошёл попробовать хоть что-нибудь ещё поймать — и уселся в удобной ложбинке — спуске, проделанном тракторами к воде. Поплавок было еле-еле видно, но я всё же смог поймать одного шустрого ельца, потратив на него всё время до навалившейся тьмы: ему, наверное, тоже было плохо видно моего червя, и он резко налетал, дёргал и тут же бросал наживку. И чтоб его подсесть, мне пришлось изодраться чуть не до кошачьего состояния, чтоб подловить именно в тот момент, когда он возьмёт. И я всё же его выловил! — выбросил прямо через голову на песок, где он сорвался с крючка... И тут вновь пришлось превращаться в кошку — уже на слух, чтобы определить — где он затаился, под каким лопушком? Ага — шуршишь, сахарок? — цап! — и к папке, который даже не ждал, что в такой темноте можно ещё что-то поймать:

— Пымал?! Ух, маладца!

Папка достал из кармана рюкзака скрутку наших крюков, размотал один, подцепил, продев через жабры поводок, моего ельчика на два тройника, и опустил пока что в воду, рядом, на мели — чтоб не задохся, пока он режет из свежей ивовой лесины удилице на крюк. Глядя на всё это, я сомневался, что затея правильная. А папка пустил ельца на глубину и плотно засадил остриё удилицы в тёмный, круто сбегаящий к омуту, песок.

— Живец хорош! Крупноват немного... — посмотрел папка, как покачивается кончик удилицы — мне-то в темноте казалось, что это клюёт щука, но елец иногда всплывал боком, развеивая мои сомнения, и вновь уходил в глубину... — это не поклёвка, это я, живец твой, раз уж так вышло — вот трепыхаюсь, работаю, привлекаю рыбу.

Мы не спеша поужинали, и мне было так спокойно, как никогда в тайге — мысок, обтекаемый тихо рекой, был уютен как крепость, как один из незыблемых

островов мира, не доступный никакому злу. Мы полезли в палатку, и я так крепко уснул, что даже не почувствовал утром, как папка выполз из нашего убежища.

— Юралик, вставать пора... Чай готов, пора плыть...

Я знаю, что надо плыть, что сейчас время — самое-самое благодатное, и ещё цепляюсь за сон.

— Рыбка клюёт...

Да, клюёт, вернее, должна клевать в это время — это же утренняя зорька... Но что-то настораживает меня, проникает в мой сон... А может, папка уже что-то поймал? Крюк! Клюнуло! Ага... Я начинаю шевелиться, нащупываю свои сапоги, заботливо подвёрнутые голенищами внутрь — от росы, от тумана, тёплые носки уложены рядком, видимо, тоже уже просушенные над утренним костром — и выпрастываюсь на белый, вернее, туманно-молочный свет. Ух, жизнь хороша! Костёрчик уже прогорел, котелок чая наготове... И комаров ещё нету. Папка внизу песчаного склона, у реки, с удочкой — ловит мелочь. Да, рыба клюёт... Пескари, что ли? Глазами шасть вбок — крюка нет. Наверное, уже смотал. Ну ладно.

— Клюёт? — говорю.

— Да, понемногу.

— Будем ловить, или поплывём?

— Поплывём.

— Тогда я на спиннинг попробую?

— Попробуй. Только я уже поймал здесь.

— На спиннинг?

— Нет.

— На крюк?!

— Я на спиннинг стал кидать с утра. А тут крюк засигналил! Видно, щучку разбудил, но ленивую — не захотела за блесной бегать...

— Где?

— Да вот же... — оказывается, на траве рядом с палаткой здоровенная щу-чища. Моя отчасти. Я хоть её не ловил, не вываживал — но я всё же горд: моя была рыбка, мой ельчик... Раз так, то здесь на спиннинг (после папки, после щуки на крюк это было бы сверхнаглостью или дуростью) пробовать не стал. Мы быстренько смотали вещи, перекусили, и отплыли, и я, будто летописец, отметил про себя, какие мы мастера, профессионалы: всё чики-пуки, отлажено тютелька в тютельку: в любом месте, какое нам ни дай, в любую крошечную тьму — мы вдвоём, чётко, каждый делая своё — развернёмся, поймаем что можно, и свернёмся — вот какие мы!

Так и остался тот мысок для меня местом, где моё мальчишечье подмастерье шагнуло на одну ступеньку вверх, получило какой-то новый пояс. Хотя потом уж сколько там, на этом поворотике было ловлено-переловлено, и не счесть...

И вот — папка там один, на этом повороте. А мы идём к нему вдогонку, и я, срезая по коренной тропе, прохожу мимо этого места, и выхожу к другому повороту — к ямке, где Тихон Коля с щукой тягались, кто крепче. Я уже вижу, что ошибся, проскочил, перепутал всё на свете — как и в каком порядке идут повороты

и местечки на Поинге... и теряюсь окончательно. Впереди то место? Позади? Будто слепое пятно, как облако наполнило на сознание.

Сажаю жёнку с удочкой на этой Тихон Колиной ямке ловить ельцов, а сам иду обратно, не по тропе, по поворотам и изгибам реки — искать папку: как я мог промахнуться? Неужели ослабла эта нить? — и нахожу его. Точно на том месте, где мы договорились — он отзывается — сгорбленный, затихший над удочкой комочек-человек. Нашёлся. Вернее, я — бестолочь, потерял ориентиры, самоуверенно спрямляя всё на свете, за это и наказание. Беготня и суета — пойти обратно за жёнкой (у неё к тому же зацеп на удочке. Поймала несколько ельцов и теперь ещё и корягу — и сидит на бережку, болтает ножками...). Всё в охапку (удочка — дёрг-дёрг! Обрыв, ладно, что осталось, хоть поплавок есть и то хорошо — с собой, там разберёмся) — и обратно, к папке. Семья снова вместе, хоть чуть не получилось «я у аптеки, а я в кино искала вас» — как в пошленькой песенке...

Дальше я не то что бы ничего не помню — просто не было ничего особо примечательного: та же река, те же кусты, опять ставшие на свои места, успокоенные, а не вздыбившиеся в сознании, когда что-то не так. Привычное вспоминается редко, и то общими чертами, скорее, даже только особенностями мест, растворяясь будто его и не было, ускользая из рук, исчезая в глубине обычной живой рыбкой.

Как в зеркале — мелькнуло отражение, и нет его, переливающегося, тающего отпечатка, передающегося от одного к другому на каком-то не генетическом, а невидимом уровне: я искал папку так, как он бы искал меня, будь я маленьким и беззащитным, посаженным им где-нибудь в известном ему месте ловить рыбу, и пребывающего в полной уверенности, что его не оставят, не забудут, не потеряют, найдут, если что — и ничего не может случиться, ничего извне не может приблизиться плохого у этой реки, под такой укрывающей всё внимательной сенью. Только тепло и покой, найденные нами на холодной, весенней чёрно-белой речке.

Когда-нибудь придёт и мой черёд вот так, без нытья, тихо, прощаться с рекой, со всеми любимыми местами, с которыми накрепко сжилась душа. Не знаю, как это будет — да и кто может знать какое впереди испытание смертью? Иногда и желаешь, чтоб было всё неожиданно (лишь бы без мучений, лишь бы быстро, чик! — и не так тяжело, особенно для родных), чтоб всё закончилось побыстрее (когда-то, лет пятнадцать назад, честные врачи уже говорили мне в обход всякой этики: жить вам, молодой человек, осталось месяца три. Ничем мы вам не поможем. Идите умирать домой... — и справку в руки. И я ушёл — сюда, в деревню, к речке, и эти три месяца пока что всё длятся и длятся...)! Возможно, всё так устроено, что это прощание только на короткое время — впереди то, к чему привыкла в жизни бессмертная часть тебя, твоя душа — а значит, впереди опять река, взятая не из нашего повседневного мира, а из вечности, где всё так же, и чуть иначе, где невидимое — видимо, где реки знакомы и бесконечны, где всё открыто и въяве, что мы обозначаем лишь словами — Рай, обитель бабушки с белыми занавесками вместо дверей, небесный город, лето Господне благословенное, и Он Сам во всём...

О чём нам горевать, коли всё так? Раньше люди ждали смерть, как невесту, радовались её приближению — искали её, жили так, что вот она, рядом. И соот-

ветственно, места для жизни избирали поближе к Раю, к идеальному «человек ищет, где лучше» — читая наивных, давно уже вошедших небольшими абзацами в университетские курсы, полузабытых лингвистов и этнографов, я наткнулся на простое объяснение, почему наша земля так зовётся — Коми, по-нашему «Коми му». Я уже говорил, что происхождение этнонима идёт от «земли хариусов», которых по-нашему кличут «ком». И вправду, здесь у нас, что ни речка, или невзрачный ручей — то хариусы. В отличии средней России, где почти такие же речки — Радонеж, Яуза, Клязьма, Воря, Пажа — а хариуса нет. Или «при потоках вод» под Питером, в Вырице, на Оредеже, где жёнкина бабушка Екатерина («баба-Кака») бегала по посёлку в суматошных поисках улизувшей через окно внученьки (прихватившей все бутерброды для собак). А сердобольные соседки только сокрушались: нет, Кать, не видели... Пока одна какая-нибудь не догадывалась: а это не ваша девочка там под мостом, вся синяя?! Конечно, она: удирала, натягивала эту нить до предела, до самой высокой ноты, возилась до одурения в оредежском песке, строила замки, пекла куличики... Но в Оредеже хариуса нет, кто знает, может, когда-то и были, но повывелись, ушли вместе с моим народом севернее?

Или же это мои предки бережливее, скромнее — не трогали, не истребляли до конца, не брали всё, а только часть, чтоб всегда оставалось на завтра? Вот этого я не знаю. Я не историк, не ихтиолог, не этнограф — стараюсь быть писателем, рисовать словом петроглифы, похожие на правду, не доискиваясь до внешних причин, которые могут (знаю по опыту) лежать не в количестве икринок, не в изменениях климатических циклов, не в проявлениях воли властителей.

Причина моих действий — в будущем, да и стремления мои — тоже к нему. Я похож на рыбу, уловленную из будущего, которую туда тянет — да и попался-то, клюнул — тоже на образ будущего, а здесь как промежуточная станция — и лучше бы, что б на ней ничего не застревало, и всё катилось незаметно, гладко, без срывов... Конечно, на моей реке — хариус уже не тот, что в девственных доисторических чащах — он другой, осторожный, не дающийся в руки просто так. Хотя он есть на всех перекатах, кроме самых нижних, ближайших к устью, перед впадением в Сысолу. Пусть его немного, но он пока есть. И такой эту реку передал мне мой отец. И такой же я надеюсь передать её дальше — здесь моя душа выучилась отдавать и брать, стремиться к цели, и не жадничать, и любить, и молиться, и за видимым всегда ощущать иное тепло, и беречь его больше жизни.

Алексей ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 воын июль 25 лунö Кörtкерöс районса Бiджыдвидз сиктын. Дас класс помалис Шойнатъын. Уджалис совхозын. Армияын служитöм бöрын веськалис Кörtкерöс районса «Звезда» газетö. Уджысь орöдчйтöг помалис Сыктывкарса университет, история юкөн. Медводдза висът йöзöдис «Войвыв кодзув» журналын 1971 воын. Сийö кадяньыс гижöма уна висът, повесът да пьеса. Петалисны небöггяс. Пьесаысö пунктисны Сыктывкарын, Набережные Челныын, Рубцовскын, Балашовоын да нöшта уна карын. Сетöма «Коми республикаса заслуженной уджалысь» ним. Донгялöма Виктор Савин нима Государственной премии. Пасйöма Российскöй Федерацияса культура министерстволөн «За достижения в культуре» знакөн. Пыртöма Россияса гижысь котырö. Öнi «Би кинь» журналын шöр редактор.

Зэв тешкодъ морт

Кык юкöна пьеса

В о р с ы с ь я с:

ПАВЛОВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ.

КАНЕВА НИНА ИВАНОВНА — судья.

ВИКА — том ныв, судьялы отсасъысь.

ПАВЛОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА — библиотекарь.

ПАВЛОВА ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА — ас вылö уджалысь.

ПАВЛОВА ГАЛИНА ПАВЛОВНА — бухгалтер.

ПАВЛОВА ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА — съылысь.

МЕДВОДДЗА ПЕТКÖДЧÖМ

Сцена вылын пызан, код сайын пукалö Нина Ивановна. Мöд пызаныс Викалөн. Эмöсь улöсгяс да мукöд эмбур, кутшöм овлö судитчан жырйын. Колö пасйыны и сийöс, мый спектакль водзвылын Виктор Васильевич Павловöс ворсысьыс лэдзалö видзöдысьяссö залö, косявлö налысь билетгяс. Спектакль пансигөн сцена вылын сöмын Нина Ивановна да Вика. Судьяыс пызан сайысь сувтö сöмын спектакль помас. Суд вылö воём нывбабаяс кайöны сцена вылö залсянь. Став ворсысьыс том арлыдайсь на.

ВИКА (видлалö кабала). Нина Ивановна, Павловыс абу эсийö академикыслөн рöдня?

НИНА ИВАНОВНА (*тишотш жö кабалаясөн ноксигөн оз гөгөрво шуёмсö*). Мый? Мый, Вика, шуин? Эг гөгөрво.

ВИКА. Мися, Павловыс абу эсийö академикыслөн рөдвуж?

НИНА ИВАНОВНА. Кутшөм академик?

ВИКА. Коді тай понъяс вылад тешитчыліс. Коді тай ёна важөн овліс. Гашкө, мися, тайö Павловыс сылөн рөд лоö да. Вуджөма мыйкө сысянныс.

НИНА ИВАНОВНА. Тайö абу учёной да. Кыдзи вуджас?

ВИКА. Тыдалö, зэв мича да статя мужичöй.

НИНА ИВАНОВНА. Коді? Академикыс?

ВИКА. Мыйкө талун ті, Нина Ивановна, абу ас кодъныд. Мыйкө лоис али мый?

НИНА ИВАНОВНА. Эз. Тэ ачыд талун дзик мөд морт кодъ. Мыйкө сёрнинад öтарö-мөдарö шыбласян.

ВИКА. Ог эськө шыблась да. Сöмын тай овас пысаси-а. Павловыс öд зэв нималана академикөн коркө вöвлöма. Школаын на велöдлім. Мый вöчлöма, ог нин бура тöд вылын кут. А овыс со вежөрö сатшöма.

НИНА ИВАНОВНА. Ов, ов и эм. Быдсяма пöлөс овъяса йöзыс татчö волö.

ВИКА. Гашкө да. Ми... ті... сыкөд öдйö рөзберитчанныд. Шняпканныд, мыйта колö, да и... Дас минутыс на оз коль, кыдзи прöстмам...

НИНА ИВАНОВНА. Вика, мян нö мөд делöыс кымынсянь?

ВИКА. Дас öти да джын кежлö тай индінныд-а. Мыйлакö та ыджда кост... Кытчöкө ветлыны колö али мый? Больничаö?

НИНА ИВАНОВНА. Некрытчö ог мун. Татшöмторйыд дас минутнад оз эшты.

ВИКА. Эштас... (*Кöсийö на водзö мыйкө шуны, но кыйö Нина Ивановналысь видзöдлассö да тишкмунö. Мöдыс бара сюся видзöдö ас водзö пуктöм кабала вылö.*) Нина Ивановна, öшыбка али мый аддзинныд?

НИНА ИВАНОВНА. Эг. Абу. Абу, Вика, некутшөм öшыбка. Ставсö бура ги-жöмыд. (*Видзöдлö часі вылö.*) Öкмыс час нин тай. Қорав найöс.

Отсасысьыс тэрыба суетö, а Нина Ивановна кыскö рөмпöштан да сюся видзöдлö ас вылас. Весиг льöб дорсö на мавтыштны слöймö.

ВИКА (*кабала вылö видзöдлөм бöрын*). Павлова Надежда Петровна!

НАДЯ (*залсянь*). Тані ме. (*Вомас такöдана лекарство кизь суйöмөн кайö сцена вылö.*)

ВИКА (*водзö видзöдлö кабала вылас*). Павлова Зоя Васильевна. (*Некод оз шыась. Ныв выль пөв гораджыка на чукöстö.*) Павлова Зоя Васильевна. Абу на али мый?

НИНА ИВАНОВНА Вика! Менам вуні тэныд висьтавынсьö. Зоя Васильевна юөртис, мый минут дас сёрмас.

ВИКА. Бур. (*Видзöдлассö бара чөвтлö кабала вылö.*) Павлова Галина Павловна локтіс?

ГАЛЯ (*залсянь жö*). Локті. Ме лоа. Ме некор некрытчö ог сёрмыв.

ВИКА. Павлов Виктор Васильевич! Абу на жö. Нина Ивановна, сийö нö звөнитліс жö? Тшöтш жö сёрмö али мый?

ВИКТОР (*сулалö залö пыран öдзöс дорын, мөздор тырыс кутö дзоридзьяс*). Ме лоа Виктор Васильевич Павловыс.

ВИКА. Тi? Паспортныд съорсыныд?

ВИКТОР. Аскөд. *(Сцена вылө кайигмоз босьтчө лукйысьны зептас.)* Видза оланныд. *(Босьтчө разодавны дзоридзьяссө. Медводз матыстчө Надялань. Көс-йө весиг кисө окыштны, но мөдыс оз сет.)* Эн дивит, Надюш, мый ме татшөм паськөма. Вежсьынысө эг слөймы со. Тэныд медмича дзоридзьясыс веськалісны.

НАДЯ *(эськө көсйө пыксьыны, но кыыс ачыс нюжөдчө дзоридзьясысла).* Аттьө.

ВИКТОР. Тайөясөс, Галюк, тэнлы вылө лөсьөді. *(Чургөдө дзоридзсө Галина Павловналы.)*

ГАЛЯ. Бурджык пиыдлы эськө мыйкө вайин. Та вылө сьөмтө лотөм дорысь. *(Но дзоридзьяссө босьтө жө.)*

ВИКТОР. А тайө тэныд... тiянлы. *(Матыстчө Нина Ивановна дорө.)*

Нина Ивановналы сэтшөм быттө абу лөсьөд. Павлов оз виччысь дзоридз босьтөмсө. Пуктө пызан вылас.

ВИКА. Дугдөй. Тані өд абу пир нуөданін, а суд.

Виктор Павлов видзөдлө сы вылө, а сэсся лыддьө, кымын дзоридз коли. Ян-сөдө сэтысь өтиөс да матыстчө Викалань.

ВИКТОР. А тайө медся мича дзоридзыс тiянлы. Видзөдлөй, кутшөм сийө мича да ярьюгьд. Мед тiян олөмыд вөлі тайө дзоридз кодыс жө синтө ёрана, мед ставныслысь видзөдлассө босьтiнныд ас выланыд...

НИНА ИВАНОВНА. Тырмас!

Виктор Павлов кольөм дзоридзьяснас зэв өдйө пуксьө улөс вылө.

ВИКА *(ставныслы)*. Матыстчөй да петкөдлөй паспортгьяснытө, повесткаястө.

Надежда Петровна оз вермы панйыны Галина Павловнаөс. Сийө весиг йөт-кыштө Надяөс, медым медводздайн сетны корөмторгьяссө Викалы. Сэсся тша-па бөр пуксьө. Надежда Петровна видзөдлө Виктор вылө. Чайтө, мый и сийө дась ордыны, но мужичөй кинас петкөдлө, мед сийө сы водзвылын матыстчас. Надя тэрыба кыскө такөдана лекарство кизь да нылыштө. Сөмын та бөрын матыстчылө пызан дорас, көні пукалө нылыс.

ВИКТОР. Повесткаыс эз съорысь ло. Эг слөймы босьтнысө.

ВИКА. Кыдзи абу? Повесткатөг оз позь. Сидз өд, Нина Ивановна?

НИНА ИВАНОВНА. Оз эськө да. Но мед нин водзө ставыс мунас. Ог жө кутөй выльысь чукөртчыны. Да и ме сийөс төда. Оз нин медводдзаысь татчө лок.

ГАЛЯ *(ас кежсьыс моз)*. Тэнад век мыйкө вунөма. Сөмын өтитор вылө и сямьд...

ЛИДА *(залсянь жө)*. Менө нө мыйла эн корөй?

ВИКА. Тi Зоя Васильевнаөн лоанныд? *(Сюсьджыка видзөдлө да висьталө Нина Ивановналы.)* Тайө жө эсийө сьылысьыс... Төдiнныд, Нина Ивановна? *(Мөдыс нинөм оз вочавидз.)*

ЛИДА. Бур, мый кодъяскö тэнö тöдöны. (*Весиг сьылыштö.*) Ме абу Зоя Васильевна. Ме Лидия Михайловна... Павлова. (*Кайö сцена вылö.*)

ГАЛЯ. Мый?!

ВИКТОР. Тэнад да менам али мый тшöтш челядь эм? Мый нö эн висьтавлы? Мыйла гусьöн видзин? Мыйла?

ЛИДА. Вöли кö эськö... (*Матыстчö Вика дорö да чургöдö паспортсö.*) Со видзöдлы, сэтчö ставсö пасйöма. Ме тшöтш жö сылön гöтыр. Вöвлöм гöтыр.

ГАЛЯ. Кызди гöтыр? Со вöлöм тэ кодi?! Мися, мыйкö не сiдз да. Лов пытшкö пырöмön пырö...

Сöмын Надежда Петровна чöла пукалö да шензьöмön видзöдö то öти, то мöд вылö. Нинöм гөгөрвотöм сылы ставыс. Гашкö, лекарствоясыс ассьыныс уджсö бура вöчны босьтчисны и.

НАДЯ. Абу жö эськö колöма да. Сiдз на позис овны.

ВИКТОР. Тi нö тöдсаёсь? (*Босьтчö юасыны Надялысь да Лидалысь.*)

ВИКА. Ставныд пуксьöй! Тi öд эн тай базар вылö локтöй. Öвсьöй.

НИНА ИВАНОВНА. Энлы, Вика.

ВИКТОР. Тi нö тöдсаёсь?

ГАЛЯ (*вузъысьö Лида вылö*). Мися жö мыйла сирасис! Со, вöлöм, мый понда ляксьöма. Абу тай яндзимыд.

ВИКТОР. Нинöм ог гөгөрво. Вай висьталöй нин кодныдкö бурногön.

ГАЛЯ (*сы вылö сэсса уськöдчö*). Тайö тай тэнад жö вöлöма! Кымын нö эськö збыльысьсö гöтыр тэнад вöли?! Ачыл кöть тöдан он?!

ВИКТОР. Некодöс ог вунöд, ставныд дум вылынöсь. Тi нö кызди тöдсаёсь?

ЛИДА. Тэысь гаж быри да со тай артмис... Мунiн да сылiн... А пиыл дзик тэ кодь...

ГАЛЯ. Та вöсна али мый Павликыскöд тадзисö?

ВИКТОР. Мый? Мыйкö пиöйкöд не сiдз али мый нö лоис?

ВИКА. Пуксялöй! Быттö базар вылö веськалöмныд. Ас костаныд ызганныд. Петанныд да сэнi пöттöдзныд варовитöй. А танi суд.

ГАЛЯ (*Викторлы*). Нинöм ськöд эз ло. (*Лидия Михайловналы.*) Мися жö мыйкö не сiдз сы вылö видзöдö. Со вöлöм...

НИНА ИВАНОВНА. Мыйла оз сiдз видзöд? Висьталан кö — висьтав. Гашкö, лёктор вöчны кöсьö?

ЛИДА. Ме? Ме лёк вöча? Менам ок ёна Викторысь гаж быри. Тöда вöли, мый Галяыскöд налön пи вöли. Со и тöдмасим. Пиыс öд дзик сы кодь. Кульöмаöсь и лякöмаöсь. (*Нина Ивановналы.*) Мый тi гөгөрвоанныд судитчöмсьыс öприч.

НИНА ИВАНОВНА. Пуксьöй! Кутанныд кö уджön кыскавны, коридорас ыста.

ВИКА. Лэззинныд кывзынысö, да аттьöалöм пыдди со кызди шуалö. Гашкö, збыльысь ыстыны татысь да? Сiйöс öд ми эг корöй.

ЛИДА. Извинитöй, шусис тай со. Сэсса ог кут. Ме öд сöмын гажтöмтчи да сiйön локтi.

НИНА ИВАНОВНА. Кодысь гажтöмтчинныд?

ЛИДА. Кызди кодысь? Витяысь гаж быри.

ВИКА. Кодысь? Этабсь али мый? (*Нина Ивановналөн скөра видзөдлөмысь тишөкмунө.*)

НАДЯ (*аслысмос*). Мыйла бара ме татчө локті-а? Абу жө колөма кывзысь-нысö.

НИНА ИВАНОВНА. Кызди мыйла локтінныд? Кодлысь абу колөма кывзысь-нысö.

ВИКА. Судас нө эн мөй ті шыасьöй?

НАДЯ. Ме эськө да.

ВИКА. Сідзкө, эн и няргы.

НИНА ИВАНОВНА. Вика, тэ тшөтш пуксьыв. Тэнад аслад могъяс, эн вунөд.

ВИКА. Извинитөй, Нина Ивановна.

НИНА ИВАНОВНА (*ставныслы*). Ті, дерт, төданныд, мый могысь татчө воинныд. Воис шыөдчөм Павлова Надежда Петровнасянь, коді сетө алимент вылө Виктор Васильевич Павловөс.

ВИКТОР. Ме эськө сідз на сьөмсö сета да. Судитчөм оз на ков.

НИНА ИВАНОВНА (*Надялы*). Сетö?

НАДЯ. Вайлө эськө да. Но друг да оз кут? Сідз тай удж вылын шуисны-а. Тшөктисны суд пыр перйыны. Ме со судö и шыаси.

ГАЛЯ. Кытысь бара татшөмсö аддзөма-а.

ЛИДА. Абу эськө шыбитана да.

НИНА ИВАНОВНА. Тіянлы кывсö эг на сетлөй. Надежда Петровна, уна-ö нө косьяанныд корны?

НАДЯ. Мый корны?

ГАЛЯ. Эн йөй улö лэччысь.

ЛИДА (*аслысмос*). Мый йылысь и сёрнитöны?

ГАЛЯ (*Лидалы*). Тэ весиг он төд, кытчö локтөмыд.

ВИКТОР. Öвсьöй!

ГАЛЯ. Тэ али мый нин тані судьяыс? Öлөдысь аддзысьсөмыд. Этшаджык мед чурйөдлін дай...

ВИКА. Меным нө тайөс гижны жö? Налысь сёрнияссö?

НИНА ИВАНОВНА. Галина Павловна, гашкө, ланьтанныд! Либö ковмас тіянөс тшөктыны петны.

ГАЛЯ. Ме ачым на верма петнысö, оз тшөктөм ков. Асьныд жö коринныд татчө локнысö. (*Индө Лида вылө.*) Эг тай эсйö моз ас окотабсь татчө во. Сйөс вөтлөй, коді асьсö тешитөм ради воис.

ЛИДА. Ме сэсса нинөм ог шу. Эн сөмын вөтлөй-а.

НИНА ИВАНОВНА. Нөшта кö отчыд сёрнинытö кыла — петны тшөкта.

НАДЯ. Меным нө дыр на сулавны колö? Ме йылысь вунөдінныд али мый?

ВИКА. Эз вунөдны. Сулалөй! (*Тишөкмунө Нина Ивановналөн видзөдласысь.*)

НИНА ИВАНОВНА. Ме тані судсö нуöда.

НАДЯ. Нуөдөй нин өдйөджык. Бара сьөлөм чеччыны кутіс. Вися ме.

ВИКТОР. На васö юышт. (*Котөрөн ветлө да вайө Надежда Павловналы судья пызан вылө водзвыв пуктөм сулеяысь ва.*)

НИНА ИВАНОВНА. Уна, мися, коранныд? Кымын прөцент Виктор Васильевичлөн удждонысь косьяанныд корны алиментсö?

ГАЛЯ. Сйө збыльысь нинөм та кузя, видзөда да, оз төд. Кытөн нө уджаланныд?

НАДЯ. Библиотекар ме.

ГАЛЯ. Кытысь, сідзкө, сылы та йылысь тӧднысӧ. Небӧггъяс пӧвстад олігӧн.

ВИКТОР. Галя, эн вай тадзисӧ.

ГАЛЯ. Кытысь бара татшӧмсӧ крукыштӧн-а? Татшӧмыд ӧд гортсыыс оз пентавлы.

НАДЯ. Ті нӧ кӧні уджаланныд?

ГАЛЯ. Бухгалтерӧн. Главнӧй бухгалтерӧн.

ВИКТОР. Чолӧмала. Главнӧйнас пуктӧмӧн. Важӧн кад вӧлі.

ЛИДА. А менӧ гастроль вылӧ ыстӧны. Францияӧ. Тэ жӧ ачыл шулін, мый менам кодъ гӧлӧснас сӧмын суйӧр сайын сыывны. *(Сэсся весиг сылыштӧ на.)*

ВИКА. Тані ӧд суд муно, ми жӧ ог тай тӧдмасьсысыслӧн клубын пукалӧй, медым ас йывсьыд ставсӧ висьтавны. Сідз ӧд, Нина Ивановна?

НИНА ИВАНОВНА *(кутшӧмкӧ мӧд мӧвпӧ вӧйӧма да оз вела)*. Мый? Мый сідз?

ВИКА. Мыйкӧ дзик ковтӧмтор йылысь ставныс кутисны висьтавлыны да.

НИНА ИВАНОВНА. Кызди ковтӧмтор йылысь? Ме жӧ юалі, мыйта кӧсйӧ алиментсӧ корны.

ВИКА. Сідз эськӧ да, но найӧ дзик мӧдтор висьтавлӧны да. Надежда Петровна, висьталӧй, кымын прӧчент сӧм аслас удждонысь кутас сетны челядьтӧ быдтӧм могысь Виктор Васильевич Павлов? Тайӧс ӧд, Нина Ивановна, колӧ тӧдмавны?

НИНА ИВАНОВНА. Тайӧс. *(Сэсся быттӧ нем виччысьтӧг бара ас садяс воӧ да Вика вылӧ уськӧдчӧ.)* Вай быдӧн ассыыс уджсӧ кутас водзӧ нуӧдны. Тэ ассыыд гижан уджтӧ вӧч, а ме ассыым жӧ дай. Надежда Петровна, уна-ӧ коранныд, медым суд отсӧгӧн перйыны Павлов ӧртлысь сӧм?

НАДЯ. Мыйтакӧ.

НИНА ИВАНОВНА. Мыйтакӧнад нинӧм оз артмы.

НАДЯ. Неуна кӧ воыштас и. Меным уна оз ков. Удж вылын тай ӧшйисны, мед алимент вылӧ сеті, а сідзсӧ, менам ставыс тырмымӧн. Витя на отсалӧ и...

ГАЛЯ. Шулі тай, мый ачыс весиг оз тӧд, мый могысь татчӧ локтӧма.

ЛИДА. Тырмас морт вылас тадзисӧ. Ме эськӧ эг жӧ тӧд, мыйта корны. Абу ӧд ставныс бухгалтерьяс.

ГАЛЯ. Тэ нӧ мыйысь коран? Кага ни баля абу да...

НАДЯ. Меным унаыс оз ков. Эз кӧ удж вылын ӧшйыны, татчӧ эськӧ эг и лок. Витялы со, видзӧда да, абу жӧ лӧсьыд и.

ГАЛЯ. Сылы лӧсьыдыс вӧлі нин. Пыр кӧ мортыслы лӧсьыд, йӧймыны позьӧ. Мед водзӧс ӧні ставнымлы мынтас лӧсьыдысыс. Сӧмын тай закон эм, коді оз тшӧкты ставсӧ босьтны. Ме кыин кӧ вӧлі, то ме сійӧс эськӧ дзик сӧмтӧг коли. А со оз позь.

НИНА ИВАНОВНА. Збылысь, оз позь. Виктор Васильевич со кыклы мынтӧ нин алиментсӧ. Мый кольыштас — тэныд вичмас. Но удждонысь ветымын прӧчентысь водзӧ оз позь босьтнысӧ. Татшӧм законныс.

ГАЛЯ. Мед босьтӧ, мый ветымын прӧчентӧдзыс колис. Ме аслам алиментысь грӧш сылы ог сет-а. Сідз нин менӧ пайкисны.

НИНА ИВАНОВНА. Кызди пайкисны?

ГАЛЯ. Сідзи тай артмис. Кутшӧмкӧ Зоя Васильевна панйис. Сійӧ меысь водзджык судас волӧма. Кызь вит прӧчент вичмис сылы. А меным этшаджык со

лои. Өні со тайо пайо суйсьо. Гашкө, бара менсьым чинтасны. Ог сет. Судлысь индөд торкны оз позь. Ме чайта, мый колө сылысь, Викторислысь, став удждонсө мян костын юкны. Сэк төдлас...

ЛИДА. Кызди ставсө босьтны? Мый вылө нө мортыс овны кутас?

НИНА ИВАНОВНА. Ставсө босьтны оз позь. Сөмын ветымын прөчентсө.

ГАЛЯ. Сідзкө, кодзны колө тшөктыны. Суд пыр. Тайос кө он сувтөд, во комын мысти карас сөмын өти пөлөс вира йөз лооны.

НИНА ИВАНОВНА. Ланьтөй! Нинөм абусө эн безгөй! (*Вика пыльсмулө татчө.*) Вика, тэ эн на вунөд, мый Зоя Васильевна Павлова оз на тырмы? Пета, гашкө, локтис нин.

ВИКА (*сувтөмөн*). Павлова Зоя Васильевна! Зоя Васильевна! Нина Ивановна, абу на локтөма. Мый нө вөчны меным?

НИНА ИВАНОВНА. Нинөм вөчны оз ков. Локтас. Дас минутыс эськө важөн нин коли да. Виктор Васильевич, мый ті та вылө вочавидзанныд?

ВИКТОР. Мый вылө? Кодзны ачымөс ог лэдз.

НИНА ИВАНОВНА. Дугдөй шмонитнытө! Мыйла Зоя Васильевнаыс век на абу?

ВИКТОР. Ме бара-й тайос ог төд. Ме сійөс вель важөн нин эг аддзыв. Збыльысь, эг аддзыв.

НИНА ИВАНОВНА. Эн кө и энөй. Кызд ті водзө овны мөданныд? Тіянлысь өд удждонсыд бара на сьом босьтны кутасны.

ВИКТОР. Мед кө. Ме өд ог тай өти удж вылын уджав. Сыктывкарса шылада да драма театрас на контролөрала и, билетъяссө косявля. Кызкө өд ола. Мед босьтөны. Менам өд челядыс. Лишавны кө кутас, ме и ачим на разөдыштала сьомсө. Судтөг. Ог на тай тшыгъяв-а.

ЛИДА. Ме тэныд, Витя, тшыгъявны ог на сет. Верда и юктала. Пырав сөмын-а.

ГАЛЯ. Судья! Нина Ивановна! Вай тшөктөй эталы петны татысь. Пыр на гудрасис сөмын. Кортөг со весиг тани пукалө. Бытгө сыпектак сылы тани. Ыстөй гортас.

НИНА ИВАНОВНА. Ыста. Лидия Михайловна, збыльысь мөй ті сійөс, Виктор Васильевичсө, вердланныд?

ЛИДА. Вердла, дерт.

НИНА ИВАНОВНА. Волө али мый тіянө?

ЛИДА. Волө.

ВИКТОР. Лидя, эн вай сөр. Ме тэ дорө нэмсө нин эг вола да. Эн вай лөсьөдлы. Судьясыс яндысь.

НИНА ИВАНОВНА. Меысь нө мый яндысяс? Ме өд сөмын юася. Воланныд он сы дорө?

ВИКТОР. Ог, мися, вола, ог. Меным сылөн сөяныд оз ков.

ГАЛЯ. Куш сөян ради өд нывбабяс дорө оз ветливны. (*Бара лөкысь вувзъысьө Лидя вылө.*) Абу тай яндзимыд. Ачыл вөлөм сыкөд каньялан, а ме дорө ляксылин. Мыйла? Кутшөм лектор вөчны көсийн?

НАДЯ. Мыйла бара-й локтө-а. (*Таөдз бара на такөдан лекарство нылыштө.*) Эг кө лок, нинөм эг и төд. Сөмын сьөлөмөс парсалөны тани.

ЛИДА. Мый нө ме лөксө вөчи? Уськөдчинныд сәні. Да ылөдла ме тіянөс. Лөсьөдла нинөм абусө. Оз воливлы Витяыс ме дорө. Оз. Воліс кө эськө... Но оз тай со...

ВИКА. Нина Ивановна, ме некыдзи эг кут пöтурайтны, мый пасъявнысö колö? Öнiя сёрнисö нö гижны жö?

НИНА ИВАНОВНА. Ачылд тöдан, мый пасъявны колö, а мый оз позь. Он тай медводдза лун уджав.

НАДЯ. Вывтi унасö сылысь эн жö перйöй.

НИНА ИВАНОВНА. Кыдзи корö законыс, сiдзи и лоö вöчöма. Ме ассянь нинöм ог вермы содтыны ни чинтыны.

ГАЛЯ. Тшыгла оз на кув. Нöшта гоз-мöд удж вылö пырас, да лоас, мый вылö сёйнысö. Озджык кадыс ло нывбабаяскöд каньялöм вылас.

ЛИДА. Ныр йывсьыс öд мортыс усьны вермас.

ГАЛЯ. Оз усь. Дышыс уна, да оз кут уналаад уджавнытö. Либö Миш ёртыс отсыштас. Дзык жö ас кодьыс сiйö.

ВИКТОР. Сiйö оз нин отсышт. Сылөн отсавсьöма нин.

ГАЛЯ. Кыдзи оз отсышт? Пыр гөг сюрöсныд быттьö йитчöма вöли да. Век öтлаын довъявлiнныд.

ВИКТОР. Сiйö öд неважөн кулис.

Галина Павловналысь чужöмсö казялöм бöрын Вика весиг дугдö гижнысö.

ВИКА. Мый нö ськöд?

ГАЛЯ. Кы-ы-дзи-и-и ку-у-у-лис? Сiйö жö меным уджйöза!

ВИКТОР. Эз тай нинöм висьтавлы-а. Кулис тай со.

ГАЛЯ. Код нö эськö меным сылысь уджйöзсö бергöдас? Сiйö жö кöсийысис бөр вайны. Лун-мöд мысти. *(Сэсся недыр чöv олöм бöрын уськöдчö Виктор вылö.)* Он ставныд тай джагалöй! Тöv шöрнас кö тэ кувсян, ог эськö и гуав.

НАДЯ. Мыйла? Мыйла он гуалöй?

ЛИДА. Сөрö сәнi быд нинöм абусö. Дыш весиг кывзынысö.

ВИКА. Гашкö, ланьтанныд! Тани суд. Мый юрад воас — шуны оз позь.

ГАЛЯ. Ог и гуав весиг. Öшинь улö петкöда да йöрас сувтöда. Мед шöйтысь понъяс кудзавласны. Мый нö гөрдланныд? Тiянлысь кö та мында сöм удждасны да кувсясны, он кутöй кильксыны. *(Викторлы.)* Кор нö кувсис?

ВИКТОР. Кулис сiйö... Кулис сiйö кольöм вежонас.

НИНА ИВАНОВНА. Вика?

ВИКА. Мый, Нина Ивановна?

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна Павловаыс эз на лок?

ВИКА. Ог тöд. Эз на тай некод юрсö мыччыв-а.

НИНА ИВАНОВНА. Петав коридорас да видзöдлы.

Вика недыр кезлö ветлö.

ВИКАЛÖН ГÖЛÖС. Павлова Зоя Васильевна! Зоя Васильевна Павлова!

Бөр пырö. Ставөн чöv ланьтöмайсь. Тыдалö, виччысьöны выль мортлысь пырöмсö.

ВИКТОР. Абу на?

ВИКА. Абу. Татшом дыр оз позь сёрмывнысö. Суд од мунö. Нина Ивановна, ковмас сійöс кызкö мыждыны таысь.

ВИКТОР. Сійö век татшом вöвлі. Кытчökö кö вöлі мунны лöсьöдчам, то ме сёсысь пасьтасыны слöймыла. Водздзык кö пасьтасьлі, пöсьвотöдз виччысьны ковмыліс. Та вöсна...

ГАЛЯ. Ланьт. Ми татчö чукöртчим эг сылön дыр пасьтасьом йылысь кывзыны.

НАДЯ. Мыйта нö эськö алиментсö босьтны? Локті, яналі да быттö нинöмтöг мунны абу жö бур.

ЛИДА. Этшадзык кор дай. Викторислы од мыйкö мед коляс жö овнысö.

ГАЛЯ. Тэнö оз юавны. Тэнад кага ни баля абу. Нинöм вöчнытö да тані тытвидзан. Менам уджыс юр выв тыр. Öдйöджык нин эштöдöй.

НАДЯ. Ме кык час кезлö и вöйысьлі удж вылысь. Миян сэнні сёрмыны оз позь.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевнатöг нинöм оз артмы. Сылысь юасьтöг водзö ог мунöй.

ГАЛЯ. Мыйла нö сылысь юасыны кутам? Кыззи законыс корö, сідзи вöчöй.

НАДЯ. Сійö, гашкö, вель на дыр оз лок. Мыйтакö пуктöй дай.

ЛИДА. Локтас коркö. Виччысьлам.

ВИКА. Колö виччысьны. Сытöг оз позь.

НАДЯ. Öти морт вöсна од ог жö кутöй тані пукавны. Менам жö удж.

ГАЛЯ. Зэв Мишöйс ёна тэрмөдліс, кадыс пö абу. Йöйыд и сеті. Кутшом ачыс, сэтшом и ёртъясыс.

ВИКТОР. Ме некор на тэнсьыд нинöм эг босьтлы. Босьтлі кö — бөр сеті. Эн лöсьöдлы нинöм абусö.

ЛИДА. Сетö, бөр сетö. Менсьым эськö нинöм на эз корлы да...

НИНА ИВАНОВНА (*Надялы*). Кутшом прöчент вылö эськö ті дасьöсь алиментсö перйыны?

НАДЯ. Ог тöд. Мыйта сетанныд, сійö и бур.

ГАЛЯ. Дерт, челядьтö быдтыны уна сьом ковмö. Гөгөрвоа ме сійöс. Но менсьым пайöс чиркөшитны ог сет. Сідз нин этша локтö. Эсылы, Зоя Васильевнаыслы, медся уна вичмис. Медводдзаөн та улö веськавлöма да. Миянлы — мый нин вичмас. Курас-карассö ковмас чукөртны. Ветымын прöчентсö ті, гашкö, кымынлы на кутанныд юклыны да. Тайöс кö он сувтöд — дыр на бабасянь бабаөдз ветлөдлас.

ВИКТОР. Ме сэсся ставсьыс мыжа лои. Мый нö ме керны верма. Нывбаба вомöныс кö воськовта и — сійö кынöмасьöма нин да.

НИНА ИВАНОВНА (*Викалön серöктöм вылö*). Вика, тэ ассьыд могтö эн вунöд.

ВИКА. Мый? Мый колö вöчны?

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевнасö чукөстны.

ВИКА. Чукөста. Локтіс кö...

НАДЯ. Öні од локтіс жö нин. Та дыра нюжаліс со. Абу жö колöма... Төді кö эськö...

ГАЛЯ. Локтас да сылысь пайсö Надяыслы юкöй. Мед та дыра оз ветлөдлы дай. Ми тані кад лотам, а сійö...

ЛИДА. Тэнö кö судьянас индыны, ставнысö эськö...

ГАЛЯ. Тэ эськö ланьт. Тэныд и прöчентыс тасянь, Викторсянныс, оз вичмы.

НИНА ИВАНОВНА. Вика, мый нинöм абу сёрнисö кывзан. Кор Зоя Васильевнасö.

Ныв тэрыба петалö да бөр пырö.

ВИКА. Зоя Васильевна! Век на абу али мый? Абу на воöма.

НИНА ИВАНОВНА. Мöдысь кежлö вуджöдны али мый?

ГАЛЯ. Абу менам кадыс быд лун татчö кыскасьнысö.

НАДЯ. Менам абу жö. Ме, гашкö, шыöдчöмсö бөр босьта да. Позьö öд?

НИНА ИВАНОВНА. Позьö эськö да. Но öд тi вежон мысти бара ваянныд. Колö талун эштöдны. Локтас öд коркö Зоя Васильевнаыс.

ВИКТОР. Локтас. Ме унаысьтö ог жö вермы татчö волынытö.

ГАЛЯ. Тэныд татчö оз на öтчыдысь ковмы кыссьывны. Он кö быттö джаггөрöдөн көртав.

ВИКТОР. Көртав көть эн. Оз отсав. Видлi öд нин. Тiянöс, мичасьыс-мича нывъясöс, аддза да зэв öдйö бөр разьсö. (*Видзöдлö Вика вылö, кодi азыма серöктö.*)

НИНА ИВАНОВНА. Надежда Петровна, кымын арöс тiян челядьлы?

НАДЯ. Эг мöй нö пасйыв?

НИНА ИВАНОВНА. Абу гижöмныд да. Сöмын индöмныд, мый ныв.

НАДЯ. Нель арöс тырас.

ВИКТОР. Тöлысь мысти.

ГАЛЯ. Кыдзи нель?!

ЛИДА. Сидзи. Оз мöй нö вермы нельыс лоны?

ГАЛЯ. Тэнö оз юавны. (*Надялы.*) Кыдзи нель? Гашкö, куим?

НАДЯ. Нель.

ГАЛЯ. Сидзкö, вит во сайын тi тöдсаöсь нин вöлинныд Витяыскöд? Виктор?

ВИКТОР. Мый?

ГАЛЯ. Тi сэк нин тöдсаöсь вöлинныд?

НИНА ИВАНОВНА. Абу кö вит во сайын-а. Нель во да дас тöлысь сайын артмö...

ГАЛЯ (*Викторлы*). Тэ жö сэк мекöд на олин!

ВИКТОР. Олi.

НАДЯ. Збыль мöй? Збыль мöй сыкöд на олин?

ВИКТОР. Збыль, олi.

Вика эз вермы кутчысьнысö да весиг негораа серöктiс.

НИНА ИВАНОВНА. Вика, танi суд, а абу театр.

ВИКА. Тöда öд. Эг со вермы кутчысьнысö да.

НИНА ИВАНОВНА. Бөръяысь мед татшöмторйыс вöли.

ГАЛЯ. Абу тай яндзимыд! Мекöд олин, а та дорö со ветлöдлöмыд.

НАДЯ. Эз жö ветлöдлы. Вит во сайын ми гижсьöмаöсь нин вöли да.

ГАЛЯ. Эн сөр! Ми жö сыкöд сöмын на нель во сайын юксим.

НАДЯ. Виктор, тэ коть мыйкө висьтав.

ЛИДА. Сійö кö оз висьтав, ме висьтала.

ВИКТОР. Лида, оз ков. Ме ачым.

ЛИДА. Меысь Витя нинöм эз дзеблы. Ставсö, мый лои сылөн олöмын — висьтавліс.

ГАЛЯ. Тэ нин коть мед ланьтін. Кортөг локтін да быдлаö суйсян сöмын.

НИНА ИВАНОВНА. Нинöм эг қут гөгөрвоны тіян костысь.

ГАЛЯ (*Викторлы*). Висьтав! Мый нö ланьтін?

НАДЯ. Виктор, тэ жö эн на вунöд, мый вит во сайын ми тэкöд гижсьылім. Сідз öд? Мыйла нö оз эскыны?

ЛИДА. Витя, висьталан кö, висьтав. Он кö — меным ковмас. Ме та йылысь тэсянь кывлі. Шуа тай, мый меысь тэ нинöм эн дзеблы.

НИНА ИВАНОВНА. Меысь... А судысь оз позь нинöм дзебнысö.

ВИКА. Висьталöй, Лидия Михайловна.

ВИКТОР. Гашкö, Зоя Васильевнасö виччысьлам да сэки нин.

ГАЛЯ. Сійö, гашкö, некор оз лок да! Висьтав öні.

ВИКТОР. Гашкö, бöрас быдөнлы торйөн висьтала да?

НИНА ИВАНОВНА. Судысь нинöм дзебны оз позь!

ВИКТОР. Нина Ивановна, гашкö, збыльысь Зоясö виччысьлам да сэки нин висьтала. Сылы öд выль пöv ковмас висьтавнысö. Гашкö, сійö локтис нин? Коридорас пукалö.

НИНА ИВАНОВНА. Позяс бöрынджык. А ми öні кост вöчыштам.

МЕДВОДДЗА ЮКÖНЛÖН ПОМ

МÖД ЮКÖН

Вöчсьö сэні жö. Нина Ивановна пукалö пызан сайын. Мукöдыс вочасөн мыччысьöны да пуксялöны.

ВИКА. Зоя Васильевна Павлова! Павлова Зоя Васильевна!

ЗОЯ (*залын жö*). Ме лоа. Эн сэтшöма горзы. Кыла öд. Абу пельтöм.

ВИКА. Татчö локтöй.

ЗОЯ (*цена вылö кайигмоз*). Локта, дерт. Эг öд тані пукавны лок.

Сылы паньд, дзоридзьяс нюжöдöмön, матыстчö Виктор.

ВИКТОР. Видза олан, Зоя. Тэ талун сэтшöм мича. Татшöмнас некор на эг аддзыв.

ЗОЯ. Абу сöмын талун. (*Эз куражитчы дзоридзьяссö босьтöмысь.*) Видза олан.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна, мыйла сы дыра эн локтöй? Сідз нин нюжöдінныд судитчöмсö. Пуксьöй.

ВИКА. Нина Ивановна, мый водзөсө?

НИНА ИВАНОВНА. Тэ он төд али мый, кызди ставыс вөчсө.

ВИКА. Төда. (*Босьтө киас кабала.*) Галина Павловна Павлова. Эм?

ГАЛЯ. Мый нө мөд пөв юасянныд? Тани ме.

ВИКА. Надежда Петровна Павлова.

НАДЯ. Мый? (*Неважөн на юом лекарствосьыс быттьө вугралө.*) Ме лоа. Надежда Петровнаыс.

ВИКА. Зоя Васильевна Павлова.

ЗОЯ. Эг на некытчө сыв. Тани ме.

ВИКА. Павлов Виктор Васильевич.

ВИКТОР. Ме.

ЛИДА. Менө тай бара вунөдінныд? Ме Лидия Михайловна Павловаон лоа.

ВИКА. Ти тани списокас абу.

ГАЛЯ. Весиг списокас пырөдчыны сямьд абу вөлөма. Куш сьылин али мый Викторьысы. Мөдтор вылө кадыд абу вөлөма.

ЛИДА. Эг сөмын сьылөй. Быдторйыс вөлі. Сідз өд, Витя?

НИНА ИВАНОВНА. Лөнбөй! Тани суд мунө. Вика, мый вылын ми сувтім?

ГАЛЯ. Ме вылын. Меным дзик гөгөрвотөм, кызди ставыс тайө артмис.

НИНА ИВАНОВНА. Мый артмис?

ГАЛЯ. Сэки жө Викторьыс мекөд оліс? А эсийө чивөчкаыс со висьталө, мый сьыкөд дай.

НИНА ИВАНОВНА. Таөдз ми воам на.

НАДЯ. Абу ме некутшөм чивөчка.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна?

ЗОЯ. Мый?

НИНА ИВАНОВНА. Ми тани Виктор Васильевичлысь алимент юклам. Воис Надежда Петровнасянь шыөдчөм. Корө, медым нылыслы алимент локтис. А тиян өд ныв жө?

ЗОЯ. Пи. Он мөй нин помнитөй. Юасьлинныд нин, кор эсийө алимент вылас Павловсө сетлис. (*Индө Галина Павловна вылө.*) Ти өд сэки судьянас вөлінныд? Эз на өд торья дыр кад коль. Во-мөд сөмын...

ВИКТОР. Сийө. Кык во да джын сайын судыс вөлі.

ГАЛЯ. Мися жө, чужөмыс төдсаон кажитчис.

НАДЯ. И тани блат да сват. Абу жө колөма шыөдчынысө. Нинөм оз артмы.

ЛИДА. Артмас.

НИНА ИВАНОВНА. Ми со арталам, кутшөм пай сетны Надежда Петровналы нывсө быдтыны отсалөм могысь.

ГАЛЯ. Этша мый сылы вичмас. Зоя Васильевна со кызы вит прөчентсө босьтө нин. Меным дас көкъямысөс сетлисны. Мыйлакө... Артыштан да, нөшта сизим прөцент и чуктас. Удждонсьыс ветымын прөчентысь унджык мортыслысь босьтны законьыс абу. Көтө дас либө кызы челядь мортыс лөсалас-вөчас. Сідз өд?

НИНА ИВАНОВНА. Дзик сідз.

ГАЛЯ. Ас окотаысь некод асьыс пай чинтыны оз кут. Ковмас сизим прөцентнасы и миритчыны. Оз кө быттьө Зоя Васильевна воча шыөдчөм гиж, мый корө киритны судыслысь коркөя индөдсө да көсийө этшаджык босьтны, медым Надежда Петровналы унджык вичмас.

ЗОЯ. Нёшта мый?

ГАЛЯ. Ме тай сійос и шуа, мый некод ассыс пайсö оз сет. Законсö колö вежны. Дзоньнас удждонсö нетшыштны татшöмъясыслысь. Мед сэсса оз чурйöдыны...

ВИКТОР. Босьтöй. Ме тай мый верма, ставныды отсала. Ог тай дзебсясь.

ЗОЯ. Нёшта мед пышъялiн!

НАДЯ. Отсалö эськö да. Меным со войдöрлун на сьом вайлис.

НИНА ИВАНОВНА (*Галялы*). Мый нö тi сэтшöм ёна Виктор Васильевич вылас лöгаланнды?

ГАЛЯ. Ог жö лöгав. Эм эськö мыйысь да. Пыр сылön кутшöмкö выль лоомтор мыччысь да. Он и тöд, мый сысянь виччысьны. Со и öнi... Мекöд олис, а бокрын кага нин лöсьöдöма.

ЛИДА. Виктор абу мыжа. Тайö тi ставныд мыжаöсь, мый тадзи артмис сылön олöмыс. И ме тшöтш.

ВИКА. Лидия Михайловна, ме тiянöс кора петны.

НИНА ИВАНОВНА. Вика, эн вунöд ассыд уджтö вöчны.

ВИКА. Вöча тай.

НИНА ИВАНОВНА (*Лидалы*). Мыйön нö мыжаöсь?

ЛИДА. Эг ас кадö гөгөрвоёй ми сійос да.

ГАЛЯ. Кыз нö сійос гөгөрвоан? Сылön жö юрас код тöдас мый гудрасьö.

ЗОЯ. Колантор сылысь нинöм абу песöмсö гөгөрвоны дай. Кута тай сылысь быд йöйталöм пöтакайтны.

ЛИДА. Он кö кöсйöй Витясö гөгөрвоны, сiдзкö, и эн няргöй, мый сийö ставсьыс мыжа.

ЗОЯ. Тэкöд нö мый эз ов? Сэтшöм кö нин гөгөрвоысь.

ГАЛЯ. Весиг со кагаыд тэкöд абу артмöма.

ЛИДА. Чайта, мый та вöсна и Витяыс ме дорысь мунiс. Сылы, тыдалö, кагаыс мясянь зэв ёна колö вöли. Сiдз öд, Витя?

ВИКТОР. Эг. Эг та вöсна. Ачыд тöдан. Ставсö танi висьтавын вай ог кутöй.

ЗОЯ. Талön синмыс со кыз кодзлалö да. Друг, кöнкö, видзис. Сы вöсна, чайта, и усйысис Викторыс. Код дорö кö. Öтнас сийö некор на эз овлы. Век на сюрлiс кутшöмкö мян кодь йöй нывбаба.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна, гашкö, оз ков вывтiасьнытö да?

НАДЯ. Ме эськö гөгөрволi да. Некор паныд кыв эг шулы. Мöдарö на...

ГАЛЯ. Сылы нинöм оз кажитчы. Верман мöй сы бöрся вöтлысьны.

ЗОЯ. Кажитчас сылы мыйкö. Сийö сöмын аслас Мишö ёртыскöд вермö та дыра лöсявны. Гөг сюрöсныс öтласьöма, тыдалö, налön.

ГАЛЯ. Öнi разьяс. Кулöма пö сийö. Яндысьтöм синмыд!

ЗОЯ. Кызди кулöма? Тöрыт на паныдасьлис да.

ГАЛЯ. Кызди тöрыт?! Виктор, ылöдлiн али мый? Мишыслön кулöм йывсьыс сöрин али мый? Со нин мый выйöдз воин?!

ВИКТОР. Абу эськö колöма сылысь кывзынысö да. Мишыслысь, шуа. Зэв ёна корис менö да. Шуис, паныдасян кö пö Галяыдкöд, юорт, ме пö кувси. Сэсса пö видзöды, кутшöм сылön чужöмыс лоас. Нярымьлас кö, бöрас пö меным висьталан. Эг öд ме чайт, мый сийö тэныд уджйöза. Уна-ö нö? Гашкö, ме сямма мынтынысö. Абу кö быттö торья уна.

ГАЛЯ. Вешйы сэтысь. Шмонитысьяс петёмныд. Мед талун жö ваяс уджйöзсö. Ме сылы петкöдла шмонь. Тöдлас сэки. Нэмсö сэссия некод вылын сьмекайтчыны оз мöд.

ВИКТОР. Эн дöзмы, Галя, мый сідз артмис. Эг öд тöд. Прöштша зэв ёна кора. Кöсьян, пидзöсчань вылö сувта? Збыль öд, сувта.

ГАЛЯ. Век тэ татшöм и вöлін. Вöчан лөксö, а сэссия лебезитчан.

ЛИДА. Нинöм ті он гөгөрвоёй! Кыдз тіянлы творческой мортсö гөгөрвоны дай.

ЗОЯ. Мыйкö пыр на этайö асьыс долис. Сьывны кö кужыштö, сійö и мортыс.

ВИКТОР. Зоя, тайön тэ мянös эн кыскав. Мортыдлы öд сьöм да сёянысь öприч нöшта на мыйкö колö. Вунöдін нин мöй, мыйла ме тэ дорысь мунлі.

ЗОЯ. Эн жö мун. Ачым вöтлі да.

ВИКТОР. Гашкö да. Ті, нывбабаяс, зэв он кöсйöй, медым тіянös энöвтисны. Тіянлы окота, медым асьныд энöвтінныд. Менам тэкöд мöд ногöнджык артмис. Эг на тайös гөгөрво да. Ачым муні со. А колöма ставсö вöчны сы могусь, медым тэ вöтлін. Сэки эськö тэныд сьölöм вылад лөсьыдджык вöлі.

ГАЛЯ. Ме тэнö ачым тодмышкалі.

НАДЯ. Нинöм эг кут гөгөрвоны. *(Лекарствоясыс дзикöдз нин такöдöмаось, да узö нисьö олö.)* Кор нö судыс помасяс? Меным öд удж вылö колö котöртны.

ЛИДА. Видзöда да, тэнад талун котравсьöма нин.

ЗОЯ. А ме тэнö виччыси. Эг öд чайт, мый тэ ёг койыштны петан да сэссия он бергöдчы.

ВИКТОР. Ме öд буретш серпасасьны кöсья вöлі. А тэ, кызди век, удж меным адзин. Менсьым серпасасьмös он вöлі уджön лыдды да. Озырмöдчыны кöсйöмыс горшад вöлі шашаритчöма нин да. Некудзи он гөгөрво, мый мортлön эм нöшта на и лов. Сійös пöткöдны абу кокни. Ме сьölöмös бурмöдлі серпасасьмөн, а тэ пыр видзöдчин торкны, падмöдны. Лолös менсьым нетшыштны.

ЗОЯ. Локтін мед бөр да серпасасин. Нинöм эськö эг шу.

ВИКТОР. Чайтанныд, мыйла ёна водзті, армияс лөсьöдигөн, салдатъясыслы дасьтылісны эз сöмын нямöдъяс, но и дöрапасьяс. Нямöдыд коктö шонтыліс, а дöрапасыс нуöдіс найös вөрөгös вермыны. А тэ кодьясыс, Зоя, öні мөвпаланныд сöмын нямöд да кынöмпöt йылысь, а мый мортыслы колö лов кыпöдантор — дзикöдз вунöдінныд.

ЛИДА. Да, да. Вунöдінныд. Ми Витякöд та кузя унаысь сёрнитлім.

ЗОЯ. Но и олöй асланыд дöрапаснад. Мунöй тшыг кынöмön, кытчö синныд видзöдö. *(Индö Лидия Михайловна вылö.)* Этійö мед сылö дай. Тшыг кынöмнад омлялöмыд гораджыка артмас.

ВИКТОР. Ме тай ог шу, мый сёян оз ков. Колö жö. Но и морт лов йывсьыс эн жö вунöдöй.

ЛИДА. Молодеч, Витя! Дзик стöча шуин. А то дзик нинöм эз кутны гөгөрвоны. Быдön уськöдчисны сьöм вöчны, вузасьны. Тадзитö ылöдз он мун. Коркö пöтасны да сьывны окота лö, а сыланкывйыс абу. Озырлун чöжигад вунöдöмаось лөсьöднысö.

ГАЛЯ. Кык öткоддыд тай вөлöмаось жö. Мыйла нö эськö торйöдчинныд? Мед пуксинныд да öтлаын асывсянь рытöдз серпасасинныд либö сьылінныд. Дöра-

пассо эн жё вунёдй, кытчөкө сувтөдны и. Мед сьолөмнытө шонтас. Сы вылө видзөдигөн кынөмныд озджык кут сюмавны.

ВИКТОР (*Галялы*). А тэ век кын сьолөма вөлін. Мый оломас вөчсьө — тэныд дзик веськодь. Сөмын лыдпасьяс син водзад.

ГАЛЯ. Мыйла нө эськө ме дорө сибөдчин, кор эсийө дорысь мунін? (*Зоя Васильевна вылө индө.*) Зэв небыдик сэки сёрниыд тэнад вөлі. Эз өнія моз татшөм гораа юрав.

ВИКТОР. Радейті ме сэки тэнө.

ЗОЯ. А менө мөй эн? Гортысь мунігад мөй ме тэныд веськодь нин вөлі?

ВИКТОР. И тэнө радейті.

НИНА ИВАНОВНА. Эн вунёдй, кытөнөсь өні ті!

ВИКТОР. Энлөй. А көні нө веськыда сёрнитан, он кө судын? Тані оз позь ылөдчынытө. Мый төдан, мый йылысь мөвпалан, сійөс и колө восьсөн висьтавны. Сідз өд?

НИНА ИВАНОВНА. Сідзнад эськө сідз. Но өд тані сёрниыс оз тіян радейтчөм йылысь мун.

ВИКТОР. Кыдзи оз. Эг кө өд радейт — ме өні тані эг вөв.

ГАЛЯ. Збылысь менө радейтін?

ЗОЯ. Радейтін кө менө, мыйла эськө мунін? Пышйынытө өд медся кокни.

ВИКТОР. Висьталі нин тай, мый пөдны куті сэтшөм оломсьыс, кор гортад сөмын вузасьөм йылысь босьтчөны сёрнитны. Бөр мыйкө вежны эг нин сяммы, со и муні. Лов пыкөд корсьны.

ЗОЯ. Бур лов пыкөд тай сюрөма.

ВИКТОР. Сійө менө, Галина Павловнаыс, гөгөрволіс. Первой кадсө жө, дерт-а.

ГАЛЯ. Ме и өні на тэнө гөгөрвоа. Сөмын мукөддырйиыс няргөмтө эг вермы кывзыны.

ВИКТОР. Ме өд эг няргыв. Сөмын пи йылысь гоз-мөдысь нораджыка казьтывлі. Сійө тэныд эз кажитчыв. Ог вөлі вермы кутчысьнысө да бара гораа шусьылас, мый пиысь гажөй ок өна бырөма. Тэ и пузьывлін таысь. Пырысьтөм-пыр и скөрысь вомавлін менө.

ГАЛЯ. Пузя, дерт. Мекөд олан, а воддза гөтырыдкөд лөсьөдөм челядь йылысь сэтшөм заведнөя висьтавлан. Ме өд сэк эг на нинөм гөгөрволы. Аслам челядьыд эз на вөв. Доймыліс сьолөмөй вежөгтөмысла ли, мый ли. Со и пузьывлі. Абу эськө колөма да. Ёні сэсся мый нин...

ЗОЯ. Пи йылысь казьтылөмсьыс өд эн жө пиняв?

ГАЛЯ. Сідз тай вөвлі. Мамалөмтө төдтөгыд. Бергөдны кө эськө ставсө бөр, төді нин эськө, кыз овнысө да...

НИНА ИВАНОВНА. Сэсся та вөсна и мунінныд?

ВИКТОР. Мыйла та вөсна? Сэки ме сійөс радейті на да эг казавлы нинөм. Ачымөс на весиг мыждылі. Мися, ас пиын колө ставсө кутны. Збылысь өд, абу бур, кор тэ дырйи кутасны челядь вөсна гажтөмтчөм йылысь пыр висьтавны. Гөгөрвоа жө өд ме тайөс. Мунөмыс сёрөнджык лои.

ГАЛЯ. Этайө кулөма нисьө ловьясө али мый бөрйин? Бурджыкыс сэсся абу нин сюрөма. (*Индө вугралысь Надя вылө.*) Татшөмыд, дерт, оз кут нинөмысь пинявны. Пыр сургө-узьө да.

ЛИДА. Дугдөй кывнад шыбласьнытө.

ВИКА. Кызд нӧ эськӧ кык гӧтырнас ӧти кадас олиннды?

ВИКТОР. Кор?

НИНА ИВАНОВНА. Вика! Вӧч ассыд уджтӧ.

ГАЛЯ. Да, да, менам тайӧ нинӧм абу бызгӧмнас вунли нин ӧнтая сёрнияс. Надяыс жӧ висьталіс, мый мекӧд олігӧн на сыкӧд гижсьӧмыд вӧлӧм. Сӧрис али мый вугралігас?

ВИКТОР. Эз сӧр. Сідзи и вӧлі. Кык гӧтыра вӧлі ӧти кадӧ.

НИНА ИВАНОВНА. Кызди кык гӧтыра?! Оз ӧд позь миян тадзисӧ.

ЗОЯ. Тасянь ставсӧ позьӧ виччысьны.

ВИКТОР. Позьӧ кӧть оз, вӧлі тай со татшӧмыс менам олӧмын.

ГАЛЯ. Збыль мӧй мекӧд и сыкӧд гижсьӧмыд вӧлі?

ЛИДА. Творческой мортыд тыдалӧ. Сійӧ быдтор вермас вӧчнытӧ. Весиг, мый мӧвпыштнытӧ он куж. Абу ӧтайӧяс кодь. Та вӧсна и ме сыкӧд...

ВИКТОР. Абу эськӧ лӧсьыд, да висьтала нин. Нинӧм дзебтӧг.

ЛИДА. Таысь ме тӧнӧ и радейта.

НИНА ИВАНОВНА (*Лидалы*). Вӧтла ӧд. (*Викалы*.) Тайӧс эн гиж.

ВИКА. Кодӧс? Ошкӧмсӧ?

НИНА ИВАНОВНА. Мый ӧні Виктор Васильевичыс висьтавны кутас — эн пасьяв. Сійӧ алимент кузя делӧас оз пыр. Гӧгӧрвоин?

ВИКА. Да.

ВИКТОР (*видзӧдӧ вугралысь Надя вылӧ*). Висьтавны али мый?

ГАЛЯ. Сылы ӧні кӧть мый висьтав. Вӧтасьӧ нин, тыдалӧ, да. Ёна, тыдалӧ, мудзӧма пукалігас.

ЗОЯ. Меным эськӧ таысь пӧсь ни кодзыд жӧ да. Но колӧ висьтавны. Колӧ.

ВИКТОР. Кор, Галя, тӧкӧд олӧмным кутіс лӧклань мунны.

ГАЛЯ. Ог тай нӧ сӧтшӧмсӧ помнит. Пыр зӧв бура тӧкӧд олӧм да.

ВИКТОР. Ме сӧки мӧвпавны босьтчи янсӧдчӧм йылысь. Некымын вотӧ семьянад олӧм бӧрын ӧтнамӧн кольнысӧ куті нин повны. Век мед кодкӧ орччӧн вӧлі. Со и куті корсьны меным кажитчана нылӧс, код дорӧ эськӧ сьӧлӧмӧй кыс-кис. Куш юр сюянін вӧсна овны быттӧ ог жӧ кӧсйы. Мед гортад кокыд кыскис жӧ. Со и паныдасим.

ГАЛЯ. Эсікӧд. Нистысьыскӧд. Мед оз лӧк ло сылы-а. Лекарствосӧ семечкиӧс моз киллис да.

ЛИДА. Абу, абу лӧк. Ме ӧд сы бӧрся видзӧда...

ЗОЯ. Ме дорысь ӧд тадзи жӧ уйкнитіс. Ок ӧд наян. Галя, тӧ дорӧ сӧки тӧвзис. Тӧ дорӧ ӧд?

ГАЛЯ. Ӑні ог нин и тӧд, кызд и шунысӧ. Гашкӧ, меӧдз на кодкӧдкӧ оліс да. Мелі куканыд вермас кык мӧскӧс ӧтырышъя нӧнявны.

ВИКТОР. Эг ме некодкӧд сӧсса ов. Тӧкӧд, Галя, Зоя дорысь мунӧм бӧрын пыр жӧ и овмӧдчи. Эг мӧй нӧ висьтавлы?

ГАЛЯ. Тӧ эськӧ мыйсӧ эн висьтавлы да. Верман мӧй тӧныд ӧні эскыны.

НИНА ИВАНОВНА. Водзӧ мый?

ВИКТОР. Кутім сыкӧд паныдасьлыны. Галяысь гусьӧн. Сылы, Надяыслы, ме эг и висьтав, мый гӧтыр менам эм.

ГАЛЯ. Пи на тӧнад эм и. Сійӧс тшӧтш жӧ дзебин?

ВИКТОР. Дзеби. Эг висьтав.

ЛИДА. Мыйла нө эн висьтав? Меным тай нө став йывсьыс висьталін. Мед-воддза луннас жө. И важ гөтыръяс, и ныв-пиян йывсьыд. Нинөм эн дзеб.

ВИКТОР. Полі, мый висьтала кө — вөтлас. Воштөмысь полі.

ЛИДА. Менө тай нө нинөм эз падмөд. Веськыда висьталін ставсө да.

ВИКТОР. Ог и төд, мый татчө шуны. Эг тай висьтав...

ЗОЯ. Гашкө, висьталін да, эз кыв. Ёнія моз узьө вөлі. Сійө нө пыр татшөм? Лун и вой нистө-узьө?

ВИКТОР. Оз. Абу век татшөм.

ЗОЯ. Тыдалө, Викторыс та выйөдзыс вайөдөма.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна, гашкө, он сэсса кутөй йөзсө тадзи кедзвотны да.

ВИКТОР. Водзө висьтала. Кор нин лоим зэв матысса йөзөн, Надя кутіс кытш-лалөмөн гаравны гижсьөм йылысь.

ГАЛЯ. Тэ жө сэк мекөд на эн торйөдчы да. Кутшөм гижсьөм вермас лоны!

ВИКТОР. Ме өд та йылысь, шуа тай, сылы эг висьтав. Ме и көсйыси гиж-сьынысө. Зэв жаль лои да. Чайті, мый ог кө көсйысь, то верма воштыны. Зэв ставсө сьөлөм бердас Надяыс босьтө да.

ЗОЯ. Босьтө тай. Со и өні босьтөма. Пыр на нерничайтөмысла дзөрис. Видзөдөмпөръяысь, сійө пыр лекарство вылын и оло.

ВИКТОР. Оз эськө да. Сөмын кор вывті ёна мыйкө сьөлөмсө вөрзьөдас. Сэки, гашкө... Ме таысь и полі. Мися, висьталан, а сійө содз тыр лекарство апыштас. Кулас нөшта дай. Мися, бурджык ылөдлыны. Со и шыөдчи кытчө колө, мый паспортөс вошти. Мед мөдөс, выльөс сетасны. Сэсса сы серти и гөтраси Надя вылас. А кык төлысь мысти Галякөд юксим. Мөд паспортнас...

НИНА ИВАНОВНА. Збыльысь али мый тадзи вөчинныд? Таысь жө судитны вермисны.

ВИКТОР. Оз вермыны. Ме өд став законсө лыдди.

ЗОЯ. Кыдз сөмын тэ кодсьө муыс новлөдлө?

ЛИДА. Творческой йөзыд сэтшөмөсь. Тайөн ми и торьялам тіян кодьяссьыс.

НИНА ИВАНОВНА. Аддзөмныд, мыйөн торьявны. Йөйталөмөн...

ГАЛЯ. Гижсигас аслыд эз вөв лөк?

ВИКТОР. Сьөлөм вылын зэв жө деливө вөлі. Гижсьытөдзыс нин эськө ка-зялі, мый абу менам тайө, ог кут сыкөд овны, но ЗАГСсьыс шыөдчөмсө эг тай бөр босьт. Бара жө полі, мый дойдөма лоас мортсө. Гижсян асывнас нин аслым шулі, мый ог мун. Но Мишө падмөдіс.

ГАЛЯ. Сійө нө кызди падмөдас? Бара мөй сійө тэ дорсянь сьвидителяліс?

ВИКТОР. Сійө.

ЗОЯ. Кыдзи сійө? Мекөд гижсигөн тай Мишө жө вөлі!

ГАЛЯ. Мекөд тшөтш. Тэнад тай Мишөыд удж вылө моз сьвидителявнысө ветлө. Абу на оклад вылын?

ВИКА. Кыдзи нө сійө падмөдіс?

ВИКТОР. Сылөн юрыс төрытъя юөм бөрас зэв ёна висис. А ме став сьөмөс пир вылас видзи. Юрсө веськөдны эг вермы. А сэні, Надяыслөн ай-мам ордын, юанторйыс тыр. Со ковмис ськөд сэтчө довгыны, мед юрсө мортыс төрытъя бөрас веськөдас.

ЗОЯ. Абу кө тэ тыр сюсь-а? Мыйысь сөмын ми тэ вылө ыштім-а? Мыйысь радейтлім?

ЛИДА. А ме өні на радейта! И ог дзед тайос. И ті радейтанныд. Аддза өд!

ГАЛЯ. Аддзысь паныдасьома.

НИНА ИВАНОВНА. Сэсса нө, гижсьом бөрас, кызди олінныд? Кык гөтыр-нас?

ВИКТОР. Быдсямаыс вөлі.

ГАЛЯ. Эг өд и төдлы! Гоз-мөд вой эськө вошлывліс да. Но войся удж вылө ветлөмөн посьысис. Со вөлөм кутшөм войся удж вөчө! Ми сэк торйөдчыны нин вөлі лөсьөдчам да ёнасө сы бөрся эг нин и кыйөд.

ВИКТОР. Эн дивит, Галя, мый тадзи вөчи. Дыр нин тайө каитчөмсө пытшкын новлөдлі, да өні көть мыні. Ставсө төданныд да. Сэсса нинөм гусяыс тіян водзын эз коль.

ЗОЯ. Мыйла нө такөд янсөдчин? Надьяскөд. Мекөд, гөгөрвоа, мыйла торйөдчин. Ярскөб морт да, гашкө, сійөн. А тайө со кутшөм рам.

ГАЛЯ. Висьтав. Мый тшөкмунін? Меным тай нө янсөдчигад шуин жө, мый тэнө ог гөгөрво да сійөн торйөдчан. Видөмыс менам тэныд абу кажитчөма и. Тайө нө тэнө пинявліс жө?

ВИКТОР. Эз. Мөдарө на, пыр меліа шыөдчыліс. Но и тайө вөлөм меным оз жө ков. Кор дзик челядькөд моз тэкөд сёрнитөны. Кор ставсьыс пыр пөтакайтөны. Век небыда шуалөны, оз дөзмывны... Дышөдө жө вөлөм тайос кывзынысө.

НАДЯ. Ме өд тэнө зэв ёна радейті. *(Сылөн другысьөн шыасьөмсьыс ставөн шайпай.мунөны.)*

ВИКТОР. Надюк, тэ ставсө кывлін?

НАДЯ. Кывлі.

ВИКТОР. Эн дивит. Но водзө тайос дзедны эг вермы. Тэныд эськө бөрынджык висьталі жө. Ёні кө быттьө эн кыв.

НИНА ИВАНОВНА. Мыйла нө бурногөн сёрнитөмыс да пөтакайтөмыс эз лөсяв?

ВИКТОР. Ме нө мыйөн төда! Мортыдлы пыр мыйкө оз тырмы да. Ёти олөм өд олам. Мыйла асьтө мырдөнавны да нэмтө майшасьны. Он кө вермы, оз ков и овны. Ме тай сідз чайта-а. Ёглаын олөмыдлы помыс зэв өдйө вермас воны. Мыйкө оз кажитчы, и морт вылас дзик мөд синъясөн босьтчан видзөдны. Коркө өти сюсь мортлысь юалісны — эм-ө радейтөмысь кутшөмкө лекарство? Эм пө. Колө пө сюсьджыка видзөдлыны морт вылас, кодөс радейтанныд. Сэки пө быттьөн аддзанныд крукасянтор, коді чышкыштас радейтөмсө.

ЗОЯ. Вывті тай кокниа овны лөсьөдчөмыд.

ВИКТОР. Менам олөм вылө вежавны нинөмысь. Но мөд ногыс овны ог вермы и ог көйы.

НАДЯ. Мыйысь нө ме вылө дөзмин? Нинөм сэтшөмсө эг вөч да.

ВИКТОР. Коркө Мишөкөд кухня вылад пукалім да варовитім. Ме бөртөм улөс вылын вөлі. Мышкөй кутіс мудзны да видзөдлі, кытчө позяс пыксьыны. Тэ, Надя, кыйин тайө видзөдлассө да кутін мелань шкапсө йөткавны, мед сы бердө пыкси. Таысь зэв ёна дөзми сэкинад. Лешакыс төдө, мый меным и колө. Лөкыс оз лөсяв и бурыс оз пыр ков...

ЗОЯ. Дзик кө тэ йөй-а. Таысь оз дөзмыны ков, а нимкодьясьны.

ЛИДА. Тi мыйкo гoгoрвoанныд.

НАДЯ. Ме oд тeнo рaдeйтi. И oнi нa зeв eнa рaдeйтa.

ВИКТОР. Мыйысь? Ме жo тeныд сы мында майшасьoмco вайи. Некор прoштшa тaысь он вермы перйыны.

НАДЯ. Мый кoть и. Ме тaй рaдeйтa-a. Некoд сeссия, тeысь oтдop, oз кoв. И нывным рaдeйтo и. *(Сумкaас бoсьтчo лукйысьны да кыскo нылыслысь снимоксo.)* Co сийo. Видзoдлы. Дзик тe кoдь. *(Ho мыйлакo oз Павлов дoрo матыстчы, a нyo снимоксo Нина Ивановналы да дзик сингьяс дoрaс матыстo.)*

НИНА ИВАНОВНА. Збыльысь, Виктор Васильевич кoдь.

ГАЛЯ. Менам пийo быттьo абу. *(Кутo жo сумкaас лукйысьны. Медбoрын сюрo жo, да кыскo снимок.)* Кусo кульoма да сылы быттьo ляскoма. Видзoдлoй кoть.

Зоя Васильевна oз жo дьoбo коль. Зeв oдийo аддзo пиыслысь снимок да ставныслы петкoдлo. Лидия Михайловна нa вылo видзoдoмoн тшoтш жo сумкaас нырсo суйлo, нo абутoмыс кытысь сюрaс. Бишовзьo да бoсьтчo видзoдавны нывбабаяс бoрся, кoдгьяс нин снимокгьяссo петкoдлoны Виктор Павловлы. Мoдыс oз тoд, кытчo воштысьнысo. Тeрыба кыскo мoрoс зeпсьыс чeлядьыслысь снимокгьяссo да вoчa бoсьтчo петкoдлыны.

ВИКТОР. Менам oд найo эмoсь жo. Пыр сьoрысь нoвлoдлa.

НИНА ИВАНОВНА. Тырмaс! Тaнi суд мунo, a oз кутшoмкo спектак ли, мый ли.

ВИКА. Пуксялoй!

Ставoн ланьтoны да пуксялoны aс мeстaяс вылас. Нина Ивановна кытшoвтo найoс видзoдлaснaс да шуo Надежда Петровналы.

НИНА ИВАНОВНА. Артыштoм бoрын артмo, мый тiянлы алиментыс кутас вoны зeв этшa прoчeнт. Мукoдсьыс eнa этшaджык. Закон эм закон. Унджыксo перйыны некыдз oз пoзь. Coмын удждонсьыс вeтымын прoчeнтсo.

НАДЯ. Мeным унаыс oз и кoв. Ме эськo и сийoс эг кoр, нo удж вылын мырдысьoн тшoктисны шыoдчыны. Абу колoма эськo кывзыны да.

Зоя. Бoр али мый шыoдчoмсo бoсьтан?

НАДЯ. Oг и тoд. A пoзьo?

Зоя. Эн бoсьт. Ме аслам алиментысь oткaжитчa. Дeрт, oг ставнaс, a дaс прoчeнт кымын. Пoзьяс кo быттьo. Мeным сiдз сьoмыс тырмo. A тeнaд библиoтeкaад сьoмнaд oз eнa шыблaсьны. Мeнсьым пaйсo бoсьт.

НИНА ИВАНОВНА. Энлoй. Тaдзи oз пoзь. Колo бaрa судo шыoдчoм сeтны. Выльысь мeд ставo тaйoс видлaвны. Кaд кольoм мысти бaрa ставнытo тaтчo кoрасны.

ЛИДА. И мeнo тшoтш? Ме лoктa.

ГАЛЯ. Ме абу жo пaныд. Ho aссьым пaй вoйт мында oг сeт. Ме ыджыд удждонoн oшйысьны мукoд мoз oг вeрмы. Мeд Зoялысь чиркoшитыштaсны. Aчыс кo быттьo кoсьo...

Зоя. Кoсья. Ме быд грoш вoснa oнi oг дзoр. Aчымoс и пийoс бyрa вeрдны да

пасьтöдны верма. Мед тайö, Викторыс, виньгырвидзас. Став сьöмсö миянлы сета да. Мед довъялö да корсьысьö миян кодь йöйяссö.

ГАЛЯ. Ме эськö ачымöс йöйөн ог на шу. Сöмын тай некыдзи ог гөгөрво, мый миянсянь талы эз тырмы? Витя, висьтав вай тэ, мый тэныд оз тырмы? Месянь, Зоясянь, тайö унзиль нывсяныс, эсийö лун и вой сылысь аньсяныс? Ми жö тэнö, чайта, ставным радейтлим. Ме, гашкö, öни на да... Оз тай некутшöм мöд мужичöй дорö кыскы-а. Ставныс веськодьюсь. Ставнысö тэкöд öткодьяла да некыдз тэ кодьыс оз сюр.

ВИКТОР. Ог и тöд, мый шуны. Ставныдлөн тиян бурыс унджык. А тырмы-тöмторйыс вывти этша, но судзсьымөн, медым кодзавны тиян дорö. Ок, эськö ставныдлысь кö бурсö öтлавы да лёксö чышкыштны — сэки эськö некытчö эг мун. Нинöм эськö менö эз кыскы корсьысьнысö. Öни тай со тадз-а. Корсьыся.

ГАЛЯ. Корсьысигас и пöрысьман. Индомö нуасны сесся. Некодлы он кутковны да.

ЗОЯ. Мыйла нö оз кут? Гашкö, ме босьта...

ЛИДА. Ме некодлы сийöс ог сет! (*Виктор дорö муртса оз уськöдчы.*) Сийö менам лов пыкöдöй. Сы дырйи меным бурджыка сьывсьö да овсьö.

НИНА ИВАНОВНА. Мый нö сылөн эм сэтшöмыс, мый со тадзи ставныд некыдзи он кöсийö помöдз янсöдчыны Виктор Васильевичыскöд? Уна öд татшöм-сяма мужичöйыс карас.

ЛИДА. Мöд абу! Ме тöда. Эг öд öтикöд нин ов.

ЗОЯ. Гашкö, и збыльысь абу да.

НАДЯ. Абу.

ГАЛЯ. Мыйкö öд кыскö жö менö сы дорö. Гашкö, некод оз гөгөрво миянöс сидзи, кыдзи Витя. Некод оз куж ас кадö бур да сьöлöм вылö лöсялана кыв шуны, кыдзи вермö сийö. Нöшта унатор на позьö содтавы, мый вермö нывбабалы сетны сийö, а мукöд мужичöйыслөн либö вежöрыс оз тырмы, либö кöсийöмыс абу...

ВИКТОР. Эн вай менö сэтшöмасö ошкы. Аслам öд со мукöддырйиыс лөгöй петлö, мый абу мукöдыс кодь да. Эг вермы тиян пöвстысь некодкöд овны.

НИНА ИВАНОВНА. А челядь вöснайд мыйла эн ов? Мыйла эн олöй? Тайö меным гөгөрвотöм мыйлакö.

ВИКТОР. Та йылысь ме мөвпавли жö. Шуам, мырдысьөн олам челядь ради, мед öтлаын тыр семьяын быдтыны пиöс либö нылöс... Гусьөн кутам лöгавны öта-мöд вылö быдторйысь. Медся нин сыысь, мый олöмыс эз артмы. Челядьыд öд öдйö быдмасны. Мунасны бать-мам дорсьыд. Сэки мый? Разöдчыны? Кодлы сэк ми ковны кутам? Ни сийö, ни ме... Видзöдан да, олöмыс исковтöма. Тайöс артыштöмөн и пыр на мунли быд дорысь, кор мыйкö оз кут ладмыны, кор кодзыдөн öвтны öта-мöд дорысь мöдлис... Медым олöмсö öта-мöдлысь не дзугны. А челядьыд быдмасны. Ме отсала. А ти адзанныд на кодöскö, кодi меысь сё пöв бурджык.

ЗОЯ. Кокни туй жö эськö бөрйöмыд да. Но ог кут вензыны.

НИНА ИВАНОВНА. Зоя Васильевна, ти збыльысь кöсьянный сетны шыödчöм, мый кутанныд юкны ассьыныд алимент пайтö Надежда Петровна Павловакöд?

ЗОЯ. Кöсья. Шуи кö — юка. Менам сьöмыс сидз тырмö. А талы колöджык.

НАДЯ. Нинöм меным оз ков. Сöмын мед Витя бөр бергöдчис ме дорö.

ГАЛЯ. Вывти тай сюсь. Суд пыр али мый тшöктан бөр локны тэ дорад?

НАДЯ (*Нина Ивановна*). А позьö?

НИНА ИВАНОВНА. Оз.

ЛИДА. Кор нö мөд судыс лоас?

НИНА ИВАНОВНА. Шыөдчөмсö Зоя Васильевна сетас, да видзөдлам. А тiянлы, Лидия Михайловна, татчö сэсса локны оз ков.

ЛИДА. Мыйла? Ме жö Викторöс адзылөм могыс татчö локта. Карас ог паныдасьлөй да. Пышгьялө меыс.

ЗОЯ. Тэ дорыс, дерт, пышгьян. Сира турун кодь да.

НИНА ИВАНОВНА. Вика.

ВИКА. Кывза.

НИНА ИВАНОВНА. Бөрас петкөдлы меным, мый сэтчö тэ пасьялин.

ВИКА. Бур.

НАДЯ. Збыльыс мөй ковмас на мөдыс волыны?

ГАЛЯ. Пельтөм али мый? Тэныд жö со көсйöны унджык сьом Викторыслыс пычкыны.

НАДЯ. А сйö нö кыз овны кутас?

ГАЛЯ. Тэ сы вöсна эн майшась. Татшөмыд оз вош. Öшиньөд кө өкмысөд судтасянь тойыштасны — муөдыс оз и во. Витөд либö квайтөд судтаас олыс аныс кияссö нюжөдөмөн кутас да гортас пыртас.

ВИКТОР. Ме эскö сiдз на верми сьөмтö сетны да. Судитчөм оз ков. Кадыс менам абу быд лунсö татчö волыны.

ЗОЯ. Тэнсыд некод оз кут юасыны. Корасны, да котөрөн локтан. Некрытчö он воштыс. Гачтö пөрччигөн колö вöли мөвпыштлыны. Öнi сёр нин. Нэмтö ковмас алимент мынтыны.

ВИКТОР. Ме тай ог пыксы. Мынта.

ЗОЯ. Кытчö тон воштысян.

НИНА ИВАНОВНА. Та вылын заседаниеыс помассис. Ставныдлы позьö разөдчыны. Кор документгьясыс лоасны дасьось — корасны выльыс. А тiянöс, Павлов Виктор Васильевичöс, кора кольчывны.

ВИКТОР. Бур.

Нывбабаяс неокотапырыс быттö босьтчöны петны. Быдөн кыйö видзөдлассö Викторлыс. Көсйöны, тыдалö, мыйкө шуны на сылы. Сöмын Лидия Михайловна оз вермы кутчысыны да гораа юөртö ассьыс мөвпсö.

ЛИДА. Витя, кор нö ми тэкөд адзысям? Гашкө, талун рыт волан? Ме өд тэыс зэв ёна гажтөмтча. Төдiн кө эскö, кызди меным оз тырмы тэкөд варовитöмыс. Сымындаторйөн окота тэкөд юксыштны. Волан өд?

ВИКТОР. Ог көсйыс.

ЗОЯ. Шуа тай, тайö сира турун кодь. (*Матыстчö, кокньыдика вештыштö Лидия Михайловнаöс да вашнитö Викторлы.*) Ме тэнö виччыся. Пырав питö видлыны.

ГАЛЯ (*коса моз*). Пиыд тэыс гажтөмтчö. Абу нö мөй тэныд яндзим? Весиг видлыны важөн нин он кежав.

ВИКТОР. Ме сйөс төрыт на адзыли. Горт дорад ворсö вöли.

ГАЛЯ. Мыйла нö эн пырав?

ВИКТОР. Кокöй оз кыскы.

ГАЛЯ. Тешкодъ жö тэ морт. Мыйла бара тэкöд паныдаси-а. Некедзи ог вермы со вунöднысö. Збыльысь мöй сэсса бöрсö он и лок?

ВИКТОР. Ог и тöд. Тыдалö, ог нин.

ГАЛЯ. Ме виччыся.

Лидия Михайловна кöсйö нин петны, но казялö, мый Надяыслөн пукала-ниныс сьöктöма. Лекарствоясыс, тыдалö, век на ассьыныс уджсö вöчöны. Дзикöдз такöдöмаөсь морттö, мый сувтнысö со некедзи оз сяммы. Тэрыба матыстчö сы дорö да отсалö сувтнысö.

ЛИДА. Ме тэнö колльöда. Тэ öд небöггъяс пиын уджалан. Сидзжö творческöй морт. Кывбургъяс он гиж?

НАДЯ. Гижа.

ЛИДА. Тайö буртор. Ме тэнö нуöда удж вылöдзыд. Миянлы öта-мöдлы от-сасътöг некедзи. Сидз нин этшаöн колим да.

НАДЯ. Меным удж вылö колö мунны. *(Виктор дорті мунігөн сувтыштлö жö. Зэв сюся видзöдлö сы вылö да ышловзьö. Лидия Михайловна мыжаа ваш-мунлö жö мужичöйлы, но нинöм оз шу.)*

Нывбабаяс мунöны. Куимöн кольöм бöрын Вика сувтö да мичаа вежняси-гтыр матыстчö Нина Ивановналөн пызан дорö. Киас босьтлö ручка, но мунігмо-зыс уськöдö сійöс да копыртчö босьтны. Сюсь синма Нина Ивановна казялö Викалысь ышмöмсö да скöрмö.

НИНА ИВАНОВНА. Вика, петав да ньöб меным мыйкö тшай дорö.

ВИКА. Мый колö босьтнысö?

НИНА ИВАНОВНА. Ачыд тöдан. Он нин медводдзаысь ньöб. Эн нюжмась ветлöмнад. Регыд мöд делöб босьтчыны кадыс воас.

ВИКА *(бекгъяснас ворсигтыр мöдöдчö. Аддзö, мый Нина Ивановна юрсö лэ-дзöмөн видзöдö кабалаас да öдийö суйö Виктор Павловлы зептас бумагатор).* Сэні телепон номерöй. *(Мунö.)*

НИНА ИВАНОВНА *(öтнаныс кольöм бöрын вежсьöм гөлөсөн).* Витя, тэ öд менö он эновт? Он öд? *(Нывбаба сувтö пызан сайысь. Сійö вöлөм нöбасьö.)*

ВИКТОР. Ог, дерт, Нинук. *(Сылань уськöдчö да босьтчö меліа малавны ныв-бабалысь кынöмсö.)* Мыйла нö тэ тайö судсö нуöдны босьтчин? Асывнас на нинöм эн висътав. Ме со вежсьыны весиг эг слöймы.

НИНА ИВАНОВНА. Эг тай висътав. Ме нöшта öтчыд кöсйи гөгöрвоны, мый колö вöчны, медым тэ менö эн эновт. Он öд эновт?

ВИКТОР. Ог, мися. Эн пов.

НИНА ИВАНОВНА. Тэ тадзи ставныслы висътавлін?

ВИКТОР. Эг. Сöмын тэныд.

НИНА ИВАНОВНА. Ылöдлан жö эськö да.

ВИКТОР. Збыльысь.

НИНА ИВАНОВНА. Тэ менö радейтан?

ВИКТОР. Вывті ёна радейта. Тэтöг олөм абу.

НИНА ИВАНОВНА. Рытнас ас кадö гортö лок.

ВИКТОР. Локта. А öнi сэссия муна. Удж вылын син еджыднас кутасны видзöдны.

НИНА ИВАНОВНА. Оз лысьтны. Мед видласны. Ме найöс.

ВИКТОР. Ставнысö дзескыдинö йöртан?

НИНА ИВАНОВНА. Тэ ради ме ставсö дась вöчны. Ме öд тэнö...

ВИКТОР. Ме муна.

НИНА ИВАНОВНА. Мун.

ВИКТОР. Эн гажтöмтчы ёнасö.

НИН ИВАНОВНА. Кута гажтöмавны. Тэтöг меным век гажтöм.

Виктор Павлов чуннитö-окыштö бандзибсö, нöшта öтчыд малыштö кынöмсö, кöни поздысьöма выль овны лöсьöдчысь. Нина Ивановна мелiа видзöдö Виктор вылö.

Викторöс бара топöдöны вöвлöм гöтыръясыс. Лидия Михайловна сьылö. Нывбабаясысь öдва мынтöдчигмоз Виктор мунö. Кыскö зепсьыс Викалысь телепон номерсö да кöсийö косявлыны. Бөр саймовтö. Гашкö пö, ковмылас на. Код тöдас тайö олöмтö. Мыйыс на вермас лоны...

ПОМ.

Алёна Ельцова

Елена Власовна Ельцова чужис 1979 вося январ 19 лунö Кулöмдін сиктын. Велöдчис Кулöмдінса шöр школаын (1986–94), Сыктывкарса Искусство гимназияын (1994–96), Сыктывкарса университетлөн финн-йöгра факультетын (1996–2001). 2001–2003 вося велöдчис Москваын А.М. Горький нима Литературной институтын, а сэся Коми наука шöринса аспирантураын (2005–09). 2009 воын дорйис Тима Вень творчество йылысь диссертация. 2005 восянь уджалö Кыв, литература да история институтын, туйлö коми литература. Олö Сыктывкарын.

Гижö комиён кывбургяс. Алёна Ельцовалөн нель асиöр кывбур чукöр: «Касяна во» (1997), «Аския лун водзын» (2001), «Асгя зэр» (2007), «Кадлөн воськовгяс» (2010).

Гижöдгяссö йöздлис «Войвыв кодзув» (Сыктывкар), «Арт» (Сыктывкар), «Финно-угристика» (Хельсинки), «Север» (Петрозаводск), «Karelia» (Петрозаводск), «Юность» (Москва), «Жахон адабиети» (Ташкент) журналгясын да «Сикöтши» (Сыктывкар, 1994), «Nelja kotilappat» (Нель коми сылан. Таллинн, 1998), «Ожерелье Пармы» (Пармалөн сикöтши. Кудымкар, 1999), «Мелілуныс пыдöстöm и помтöм» (Сыктывкар, 2001), «Уна рöма сикöтши» (Сыктывкар, 2002), «Neiu ja kari» (Ныв да ош. Тарту, 2005), «Kiit öö: some-ugri rahvaste taparaeva luulet» (Пöсь вой. Таллинн, 2006), «Енэж йылысь вöт» (Сыктывкар, 2007), «Льöм ю» (Сыктывкар, 2008) öтувгя сборникгясын.

Кывбургяссö вуджöдлисны роч, финн, эст, англия, венгер, мари, узбек кывгяс вылö.

Гижысь котырын 1998-öд восянь.

Му выв кад

* * *

Енэж шöрын кельыд тöлысь сералö,
Сералöмсгыс — пемдöм ваыс вералö.
Вөр-ваыслөн кыпавлöмыс-гызьöмыс
Тшöтш и лолöс морöс пытшкысь шызьöдас.
Садьмас лолöй, вирысь-ййысь мынтöдчас —
Ылі биа кодзувгяслань кыпöдчас.
Бытгё бобув – кодзув дорсянь кодзулöдз —
Лэбзяс сійö водзöджык и водзöджык.
Кодзув буссö, дзоридз ма моз, öктыштас,
Тöлысь гөгöр жбыргялыштас-йöктыштас...
Сэся тöлысь югöр дорас инмöдчас —
Гашкö, сотчас,
гашкö, лönяс-инасяс...

* * *

*Александра Мишариналы
Игорь Вавиловлы
Александр Поташевлы*

Кор лымйыс муас надзöникöн усьö,
Сэк лөньюм муыс ойбыртö да узьö.
Мый аддзö сийö аслас шуда вöтын,
Ми огö тöдöй...
Но асья югдандорыс меным кывлö,
Кьдз лэбысь бордгьяс шыөн тырö ывла,
Да кьдзи пелысь пуяс öшинь дорын
Мен шöпкöдчöны важөн усьлём корнас,
Да кыськö ылысь вайлö мелі тöлыс
Юр кольмöдана, чöскьд гожся кöрьяс...
И сэк ме тöда: тöвся войö-лунö
Шань муöй менам
узьö сөстөм унмөн.

Кад

Кадыс этша, кадыс уна,
Төвзьö-лэбö, öдва мунö...
Чинлö-содлö, ва моз туö,
Кадлөн вужйыс пыдi муын.
Коркö ньöжмыд, коркö тэрыб —
Кадыс овлö уна сера:
Шуда, помтöм, сьöкьд, долыд —
Олём чöжыд быд ног лолö.
Гора шыа, лөня-чöла —
Сийöс кылö менам сьöлём.
Мышку сайысь, пельпом вылысь
Быд лун лов шысö ме кыла.

...Öтнас кöдзыд енэж выв
Кадлысь воськовсö оз кыв
И оз важмы ни оз чус:
Му выв кадыс сылы — бус.

* * *

Сöдзөн сьöлөмöй кольö —
став гудырыс помасьяс-эштас;
Кыас олөмыс вöсньыдик чуньяснас чуймöдан сер.

Лөзов синъяссө ме вылысь рытивбыд нин эз вештив
Зэр.

Коли тулыс дай гожом,
и гылалом коръясон тыри
Менам өшиньө видзөдчысь, увъяснас шенасысь сад.
Мыйта лист бокыс олөмлөн книгаас вөлі да быри.
...Оз кө туйясыс миянөс йитны,
то матыстас кад...

* * *

Кор арланьө нин катовмунө кад,
Да бөръя варовлуннас варовось пу коръяс,
Сэк воштө сьолөм ассыс тіпкан лад,
И морөс пытшкын мыйкө быттө орлө.

Сэк аски йылысь мөвпөн вошө ун,
И өвтө төвру корлөн кургов көрөн.
А вом дор шөпкө кодлыкө —
— Эн мун...
...Но кадыс оз нин катовмунлы бөрлань...

* * *

*Бара тәнө киö босьті,
Менам ичөтик тетрадь...
В. Карманова*

Вөсньыдик тетрадьлөн еджыд листысь
Лунтыр чөжөн гажтөмтчис нин лов.
Сьолөмөйлөн майшасяна висьтыс
Оз тай морөс кудйын некыз ов.

Морөс пытшкысь сылы петны колө,
Медым сьолөм ёкмьльёй эз пот,
Яра өзйысь бинас медым олөм
Шомөдз менсьым морөсөс эз сот.

Виччыся ме бара рытлысь воём —
Ыпнитасны сэки лов и садь.
Сьолөм кылөм кывбур визьөн лоө,
И ме осьта ичөтик тетрадь...

* * *

Асывсяньыс рытөдз талун лымъя:
Пызь моз лымсö пожналö февраль.
Мөдөдчö нин ылі туйö төлыс
Регыд мунны.
А мен сійöс жаль.

Дзоля ёкмыль кияс вылын узьö,
Куткыртчöма, лэдзöма синкым.
Төвлысь мудзöм воськовъяссö кыла —
Усьö таво кежлö бөръя лым.

СЫЛЫСЬ ПУ

Кор рөмыд на, но унсьыс садьмө му,
Ме садьма тшөтш, и вөрзью менам сёлөм.
Мен öшинь сайын сылө варов пу,
И кывзыся ме асья лөняс-чөлас.

Сэк кышyd шысьыс дзыкөдз вошлө ун,
И чуймөм сёлөм морөс пытшкын чөв олө,
А югыд сыланкывйыс шпоргө-дөлалө
Да асья төвру йылас юргө-гөлалө —
Став муыс весьтти новлө сійöс йөлөга,
И тайö здукас заводитчө лун.

Быд ичөт кор, быд чаль и вөсни ув
Мен лэбач гөлөс шыөн мыйкө сылө.
Зэв ылө лэбзью шыыс сылөн, ылө.
Лөз төвру бөрся качө вылө, вылө,
И, шудөн ойдөм, менам сёлөм кылө,
Кызд сылө асья сыланкывсö му.

* * *

Öшиньö шарөдчысь зэрлөн кад,
Лөня ыпъялысь востымлөн кад,
Вөрса бипурлөн кад,
Пужъялөм пуяслөн кад,
Ва весьтö копыртчөм пуяслөн кад,
Бөрдись пуяслөн кад,
Шондi вылас югъялысь пуяслөн кад,
Тошсялөм-ройсялөм пуяслөн кад,
Кад, кор пуяс копрасьöны сөмын йывнас

И кад, кор пуяс гылөдöны муас ассыныс челядсьö.
 Ме радейтлі дзирдалысь лымлысь,
 Дзуртысь лымлысь,
 Измём лымлысь,
 Рöшкыд лымлысь кадсö.
 Ме тöді:
 Регыд локтас сійö кадыс,
 Кор дзоридзалö ва.

Но тэ шуин:
 Кор ме ог ло,
 Ме кута овны тэнад кывбурьясын.
 И öні менам эм сöмын öти —
 Кад —
 Кор тэ мекöд орччөн...

* * *

Н. А.-лы

Лунтыр майшасьöм бöрын пельöсö пуксьöмөн бара на босьтчи лыддявны тэнсьыд важ письмöястö. Öшинь сайын швичкö-турöбалö тöv, быдлаті тыртö лымйöн, инмöдчылö кöдзыд кинас сьölöм дорö. Кынтö. А тэнад письмöсянь öвтыштö чужöмö тулыслөн мелі лов шыöн...

«Талун тöлыслөн медбөрья вой... Аски тулыс!»

Кад, кад... Кутшöм важөн нин тайö ставыс вöлі! Быттö коли нин быдса нэм — дзонь олём. А сідзи тулысыс, код йылысь гижлін, ме дінöдз эз и во...

Вуджöдöм кывбурьяс

Татьяна Канова (Республика Коми)

Бадь пу. Рытъя кыа. Ты

Шонді пуксигөн ва весьтын öтка вапöлөнса баддьөн
 Копрася, а юрси пратьöс летö-меліалö гы.
 Шуда, радейтана мортөн кöсйи лоны томдыр кадö.
 Вояс, мый тiянысь коли? Сöмын синва тыра ты.

Увлань копыртча. И рытыс дзикöдз ваймö. Шонді лэччис,
 Сöмын рытъя кыа дзирдөн быттö зарниасьö ва.
 Пемыд рöма кыём шалльөн менам баддьöй асьсö вевттис.
 Но ме эска — пемыд войыс сöмын асылöдзыс тан.

Галина Бачева (Коми-Пермяцкӧй АО)

* * *

Менам сыланкывйӧй, усь вай
Коми му пытшкӧ сю тусьӧн,
Ловззы, гӧрддзась тыра шепӧн,
Шонділаньыс кыпты-лэбовт.

Ичӧт шорӧн, сыланкылӧй,
Пыді вӧрсянь писькӧд туйтӧ,
Медым ылӧдз юрган-кылан,
Кывтан-дзользян югыд юӧн.

Шуд мед лолын ылькйис-пусис,
Кора тӧнӧ гусьӧн-гусьӧн:
Сыланкывйӧй менам, усь жӧ
Коми муӧ зарни тусьӧн.

Николай Абрамов (Карелия)

Рӧма кывбур

Косьтӧма лысвасӧ югыдлӧз енӧж,
Турунвиж — пипулӧн шевгӧдӧм ув.
Сӧдз ванас югыд шор юкталіс менӧ,
Руд понйӧй пу вылысь увтӧ гӧрд ур.
Шонділӧн виж рӧмыс видз вылӧ усис.
Гартчӧма сьӧд вӧньӧн лымъеджыд кызд.
Вир тусь кодь алӧйӧсь — пелысьлӧн тусьяс —
Вой шӧрнас кодӧс ме кисьті, эг видз...

Ашальчи Оки (Удмуртия)

Дзоридзалӧ вишня пу

Дзоридзалӧ вишня пу...
Чольгӧ-кывтӧ Чиго ю...
Дзоридз вылын малямущ,
Дзоридзалӧ вишня пу...

Зонмӧс радейтӧ том ныв,
Кылӧ сьӧлӧм пытшкас шуд...
Чужӧмбаньыс оз кодь сыв...
Дзоридзалӧ вишня пу...

Вөръясті ветлігөн

Вөръясті ветлігөн,
Сьод сэтөр вотігөн,
Сьод сэтөр синъястө
Сьолөмын казътыла.

Видз вылын ытшкигөн,
Алөй цвет казяліг,
Дзоридз кодъ чужөмтө
Сьолөмын казътыла.

Му вылын гөригөн,
Колипөс кылігөн,
Колипкай гөлөстө
Сьолөмын казътыла.

* * *

Лолөй кө менам
Видзвывса бобув —
Мыйла нө сійө
Доймалөм бордъя?

Сьолөмөй менам кө
Мича крезь шыа —
Мыйла нө сылөн
Везъясыс орөм?

Көсйөмөй менам кө
Пөртмасъыс зарни —
Код сійөс домаліс
Көрт сюръя дорө?

Сайма Хармая (Финляндия)

Вадорын

Югыд, мича кымөръяс
енэж вывті кывтөны.
Лөня, тун кодъ гөлөсөн,
сьылө тыын ва.

Гыяслөн меліаломысь
берегдор лыа мудзёма.
Локтін кө эськө ме дорё,
локтін кө өні дзик —

Сюй Бэнь (Китай)

Вөтын бөр локтём

I

Мыйла войяснас аслам вөтъясын
вола тшөкыда гортө ме?

Ылі йөз муад овны велавны
вывті сьөкыд тай овлө век.

Садьма асьядорыс, да абу тай
мекөд орччөн ни өти ас морт.

Быттьө дзик сійө медводдза асылас,
кор ме эновті ассьым горт.

II

Вөтын гортланьё муна ме,
пыжөс лайкйөдлө югыд ва.

Тайё туйыс мен төдса зэв,
ме өд кывтлі нин коркө тат.

Татшөм ыліас дона йөзлы
туйсө төдмавтөг некыдз воны.

Кыдз нө вой шөрнас найё, вөтын,
орччөн вермисны мекөд лоны?

Переводы *Нелли Библяевой (Морозовой)*
из сборника *Алёны Ельцовой «КАССЯНА ВО»*.

Жизнь

Тихо падают листья —
Роскошь летнего дня.
Словно золотом чистым
Жизнь дарила меня.

По осенней природе
Дождь стучит проливной,
И, сочувствуя, вроде,
Плачет вместе со мной.

А когда ниоткуда
Ляжет снег пеленой,
Как черёмуха буду
Белоснежно-седой.

Всё торопим мгновенья,
Чтоб судьба удалась...
То ли листик осенний,
То ли жизнь пронеслась.

Разбитое стекло

Окно. Стекло. И трещина косая
Разрезала весь мир напополам.
Я сердца половинки, причитая,
Перебираю как ненужный хлам.

В больном мозгу две половины спорят,
Наивно силясь истину познать.
Мне в тёмном небе силы мрака вторят,
Желая землю молнией взорвать.

Зияет пропасть в трещине оконной,
Там вечный мрак и душу не спасти.
Мы все когда-то будем в ней, бездонной,
И не найдём обратного пути.

Будь счастлива, родная сторона

Мост раскинул два своих крыла,
Обнял берега реки родимой.
Жизнь меня в дорогу позвала
От земли, которой я любима.

Манит вдаль чужая сторона,
Нашептал о ней осенний дождик.
Не молчи, река, как мне нужна
Мудрость, ты поймёшь потом, попозже.

Не впервой бросают отчий дом,
Твой птенец окреп и в небо взвился,
Край родной, так жалобно по ком
Белой ты черёмухой склонился?

Словно машет тихо вслед река
Волнами, а мост дрожит и плачет.
Счастья вам, родные берега,
Знаю — мне желаете удачи.

Где теперь отыщешь

Утонуло моё счастье в ледяных ручьях таёжных,
Лес дремучий моё счастье в паутину заковал,
Может, в ягодах слезинкой затерялось безнадёжно,
Может, кто-то незнакомый приютил, околдовал.

Разрыдалось моё счастье, пролилось дождём на землю,
Захлебнулась в моём счастье, словно в паводок, земля,
На один глоток хватило ей родимой, всё приемлет,
Может быть, вернётся счастье, напоившее поля.

Лишь одна осталась капля, выпав с утренней росой,
Под окном в траве играла искрой, светом золотым.
На заре прошёл по счастью кто-то с острою косою,
Видно, будет это поле нынче голым и пустым.

Когда-то

Из одного колодца воду пили
Прозрачную, холодную как лёд,
Как в паводок река, любовью полны были
И жадно пили счастья мёд.

Одна звезда нам с неба улыбалась,
Пророча исполнение мечты,
Но счастье наше той звезде досталось —
Мы разбрелись в ту ночь на Я и Ты.

На сердце пламя снова не займётся,
Звезда погасла, выбилась из сил,
А может, утонула в том колодце,
Что чистою водою нас поил.

Рассыпанные бусы

Нитка бус моих вдруг оборвалась,
Белых бусин вокруг чехарда,
И в душе что-то, видно, сломалось,
Не осталось от счастья следа.

Перламутровой радостью были,
Берегли от завистливых глаз,
Каждой бусиной счастье сулили,
А рассыпались — отняли враз.

Счастье было так близко. Казалось,
Лишь рукой дотянуться теперь.
Но опять не меня дожидалось —
Не открыло навстречу мне дверь.

Давний сон

Мне давно уже снилось, но помню,
Будто лодки плывут по реке,
Перевозят людей ночью тёмной,
Всё вокруг, как кладбище, в тоске.

Вот гребцы полпути одолели,

Только с берега слышится плач,
Лодки взять одного не успели,
Кружит коршун над ним как палач.

Этот кто-то у кромки обрыва
Руки к людям тянул, умолял,
Лодки плыли вперёд торопливо,
Крик во мраке густом утопал.

Лишь под утро в том сне уходящем
Я себя вдруг узнала в кричащем...

* * *

Не забывай, любимый, эту зиму.
Пусть за весною — лето, осень, холод,
И много раз деревья платья снимут,
Одна для нас зима. И белый город.

Зиме сердитой я не угодила,
С ней вдруг устала спорить в одиночку.
За дверью только тишина бродила,
И крик её вплетался в эти строчки.

Шла за тобой, любовь от вьюги спрятав,
Стих ветер сумасшедший, всех прощая.
Я верила — но где-то и когда-то
Тебя нашла — но я тебе чужая.

И нет зимы. Всё тает, тает, тает,
Лишь умершее дерево застыло.
Ты слышишь, как душа моя летает
над ним —
Из той зимы уйти не в силах.

Павел Лимеров

Исчезновение неба (Опыт аналитического прочтения)

А. Ельцова «Лымйыс гылалё помтөг...» (Бесконечно сыплется снег...)

1. Лымйыс гылалё помтөг, зэрыс лювгёмён усьё,
2. Бытгё дзор пёль юр весьтын бёрдё томиник ныв.
3. Кызкё вывті нин нора, кызкё вывті нин гусьён,
4. Ньожйё йөктёны кыкён — йитё найос пёсь сыв.

5. Зэрыс енэжас вөйё, коді собё ва гөптас,
6. Лымйыс копыртчё сылань, кызди потанлань мам.
7. Сійё гусьёник мыйкё важён тёдсаос шөпкас,
8. Бёрдысь зэрыслён кытчөдз пемыд шогыс оз ям,

9. Сідз и куласны кыкён — помтөг енэжыс кусё,
10. Сөстём лэбёмлы здукён воас төдлытём пом.
11. Ставыс гудрасяс: коді кодлы вөлі на муса,
12. Коді пөрысьён вөлі, а код вывті на том.

1. Снег сыплется бесконечно, идёт проливной дождь,
2. Будто у изголовья седого старика плачет молоденькая девушка.
3. Как-то очень уж печально, как-то очень уж тайком (воровато),
4. Медленно танцуют двое (вдвоём) — соединяет их горячее объятие.

5. Дождь тонет в небе, которое заполняет собой лужу воды (омут),
6. Снег наклоняется к ней, как мать к колыбели.
7. Она тихонько что-то давно знакомое нашепчет,
8. Покуда плачущего дождя тёмная печаль не исчезнет,

9. Так и умрут вдвоём (двое) — бесконечное (беспредельное) небо потухнет,
10. Чистому полёту в одно мгновение придёт неожиданный (непредполагаемый)

конец.

11. Всё смешается: кто кому был ещё дорог,
12. Кто был старым, а кто очень ещё молодым.

Стихотворение А. Ельцовой опубликовано в её первом сборнике «Кассяна во» (Високосный год) и названо по первой строке — «Лымыйс гылалё помтөг...» (Снег сыплется бесконечно...). Состоит из трёх четверостиший.

Стихотворение написано четырёхстопным анапестом с цезурой и дополнительным безударным слогом перед ней. В нечётных строках присутствует женская рифма, оканчивающаяся на безударный слог; женские рифмы имеют хореическую клаузулу. Чётные строки — мужская рифма, оканчивающаяся ударным слогом. В стихотворении рифмы расположены по схеме: аВаВ сDсD еFeF (перекрёстная рифма).

1. --/--/ // --/--/, а
2. --/ --/ - // --/--/. В
3. --/ --/ - // --/ --/ -, а
4. --/ --/ - // --/ --/. В
5. --/ --/ - // --/ --/ -, с
6. --/ --/ - // --/ --/. D
7. --/ --/ - // --/--/ -, с
8. --/ --/ - // --/ --/, D
9. --/ --/ - // --/ --/ -, е
10. --/ --/ - // --/ --/. F
11. --/ --/ - // --/ --/ -, е
12. --/ --/ - // --/ --/¹. F

Стихотворение состоит из пяти сложных предложений, разделённых точкой. При этом они неравномерно располагаются в стихотворении. Четыре предложения занимают по две строки стихотворного текста: первая-вторая; третья-четвёртая; пятая-шестая; одиннадцатая-двенадцатая строки, одно занимает четыре строки и располагается в двух четверостишиях: с седьмой по десятую.

Стихотворение начинается сложным предложением, которое состоит из двух равноправных предикативных единиц: двух субъектов и двух предикатов *лымыйс гылалё* «снег сыплется» и *зэрыс усьö* «дождь идёт»; субъектом и предикатом *ставыс гудрасяс* «всё смешается» замыкается последнее независимое предложение, где в местоимении *ставыс* «всё» объединяются оба субъекта, а глагол *гудрасяс* «смешаются» указывает именно на смешение денотируемых субстанций. Таким образом строится первый план стихотворения, в котором будто бы говорится о взаимодействии двух природных стихий. Однако уже первое предложение осложнено сравнительным придаточным, которым в стихотворение вводятся два новых субъекта *пöль* «старик» и *ныв* «девушка» и устанавливается аналогия между субъектами главного и придаточного предложений, а также их действиями. Причём образы старика и девушки выступают в качестве чего-то общеизвестного, по аналогии с которым моделируются образы снега и дождя. Придаточное предложение имеет одну предикативную основу: *бöрдö ныв* «девушка плачет», соответствующую выражению «идёт дождь», так что выражение *лымыйс гылалё* «сыплется снег» соответствует образу старика. Существительные придаточного

¹ / — обозначается ударный слог; тире — обозначает безударный слог; // — обозначается цезура.

предложения сопровождаются эпитетами: *дзор пöль* «седой старик»; *томиник ныв* «молоденькая девушка», указывающими на их определённые качества. Седина старика соотносится с белым цветом снега, тогда как плач девушки — с дождём. В свою очередь, плач девушки мотивирован смертью старика, у изголовья которого она плачет. Придаточным предложением как бы открывается второй план стихотворения, человеческий, которым поясняются действия природных стихий. По аналогии получается, что, как девушка оплакивает смерть старика, так же и дождь оплакивает снег. Но за всем этим скрывается третий план стихотворения, который можно назвать сущностным и в котором действие разворачивается уже в ракурсе определённых онтологических понятий. Таким образом, выстраиваются две сложные семантические триады: *снег-старик-смерть* и *дождь-девушка-жизнь*, соответствующие трём обозначенным планам стихотворения, где первый план является планом выражения, а второй план — планом содержания первого, тогда как третий план надо полагать планом содержания их обоих. Соотнесённость снега-старика со смертью и дождя-девушки с жизнью подчёркивается и на фонетическом уровне. В той части сложного предложения, где говорится о снеге, доминирует плавный боковой *л*: *лымйыс гылалö, пöль*, что вызывает такие ассоциации, как плавность, тишина, неторопливость. В другой части уже преобладают звонкие и более резкие звуки, как-то: *зэрыс* «дождь», *бöрдö* «плачет», что придаёт течению жизни динамизм. Цезура подчёркивает бинарность (противопоставленность) образов: *снег/дождь, старик/девушка, жизнь/смерть*.

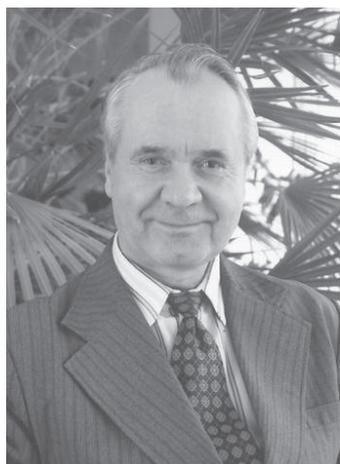
Второе предложение первой строфы дальше разворачивает второй план стихотворения, однако пару *старик-девушка* здесь меняет образ танцующей пары, которого в первом предложении нет. Танец, в котором двоих объединяют *пöсь сыв* «горячие объятия» мотивирует третий план, в котором утверждается единство смерти и жизни, соединение которых подобно объятиям танцующей влюблённой пары.

Вторая строфа также состоит из двух сложных предложений. Первое предложение состоит из главного, распространённого двумя придаточными. Первое предложение состоит из предикативного центра *зэрыс вöйö* «дождь тонет» и обстоятельства места *енэжас* «в небе». Уточнение места, куда «тонет» дождь, указывает на перевёрнутость пространства второй строфы. Дождь как бы льётся обратно вверх, в небо, и тонет в нём, но в первом придаточном предложении уточняется, что небо заполняет собой лужу, т.е. пространство опять переворачивается и дождь оказывается внизу. Эти будто бы своенравные перемещения дождя вверх и вниз, подготавливают возможность для одушевления образа, наделения его человеческим характером, в частности, капризным, свойственным ребёнку. Во втором придаточном предложении происходит одушевление образа снега, который «наклоняется» к дождю, причём это придаточное распространено следующим придаточным, в котором уточняется, каким образом происходит действие. При этом устанавливается аналогия образов снега и дождя с образами матери и ребёнка, лежащего в колыбели. Аналогия тем более оправдана уже появившимся ранее одушевлением стихий. В плане содержания (в третьем плане) аналогия устанавливается между образами матери-ребёнка и жизни-смерти. Так что во второй строфе утверждаются следующие две триады: *дождь-ребёнок-жизнь* и *снег-мать-смерть*. Седьмая и восьмая строки развивают этот образный ряд:

мать-смерть что-то шепчет своему *ребёнку-жизни*, пока не успокоит его. Как видим, в первом и в третьем планах образы остаются постоянными, тогда как во втором — они меняются. Это должно соответствовать переменности (непостоянству или скоротечности) человеческой жизни по отношению к постоянству природы и таких фундаментальных сущностей, как жизнь и смерть.

В третьей строфе происходит возвращение к исходным двум стихиям — *дождю* и *снегу*, но сохраняется их одушевлённость, которая выражается их способностью умереть. При этом два отдельных образа совмещаются в одном числительном *кыкӧн* «вдвоём». Их смерть, т.е. в общем-то прекращение дождя и снега, вдруг вызывает исчезновение неба *понтӧг энэжыс кусӧ* «бесконечное небо потухнет» и их «чистому пареню» приходит «нежданный» конец. Исчезновение неба соотносится с понятием светопреставления, конца света, в котором гибнет мир и вместе с ним исчезают и онтологические понятия жизни и смерти. Их исчезновению соответствует выражение *ставыс гудрасяс* «всё смешается», которым начинается последнее предложение. Смешение всех форм предполагает возвращение к мифологическому хаосу, первичному началу и концу всего сущего. В результате стихотворение вдруг резко переключается с третьего плана на второй, человеческий план. Смешение форм предполагает и исчезновение чисто человеческих понятий, таких, как любовь, молодость, старость, что вызывает сожаление и в контексте стихотворения является оценкой лирического героя, как бы скрытого в тексте.

Валерий Вьюхин

Валерий Николаевич Вьюхин родился 4 августа 1941 года в деревне Большой Исток Череповецкого района Вологодской области. В 1958 году окончил школу, а в 1961 году – Егорьевское авиационное училище. Работал бортмехаником самолёта ТУ–134 в Коми управлении гражданской авиации. В 1974 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат премии Коми комсомола (1978) и премии правительства Республики Коми им. И.А. Куратова (2008). Живёт в Сыктывкаре.

Снега Сыктывкара

Жизнь

Небо. Аэродромы.
Воздух и дрожь крыла.
С жизнью полузнакомы,
Словно та вскользь прошла.

Небо сушило веки,
Падало в глубь зрачков.
Где-то плескались реки
В зарослях ивняков.

Где-то вскипали чувства,
Меркла от них свеча.
В небе ж, как странный сгусток,
Облако у плеча.

Встречи и расставания,
Часто через нельзя,
Часто за самой гранью
Смысла и бытия.

Утро нам щёки мылит,
С рамы стекает мгла.
Надо опять на вылет.
Так вот и жизнь прошла.

Полдень

Ты заходила в воду, не боясь,
Не опасаясь всплеска и ожога,
Речной волны затейливая вязь
Вокруг тебя смыкалась понемногу.

Но таяло холодное кольцо,
И повисали капельки на теле.
Ах, как смеялось милое лицо,
Как волосы прозрачные летели.

Есть у любви заветная пора
Полупризнаний и полуулыбок,
Весь мир, как пух с лебяжьего пера,
Летит тогда и радостен, и зыбок.

А ты пугаешь смехом камыши,
А я твоё выкрикиваю имя,
Как будто нет на свете ни души
И всё вокруг означено двоими.

Для нас воды парное молоко,
И этот, в берег падающий полдень,
А до за зари вечерней далеко,
А ковш любви ещё полузаполнен.

Земляника

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белёдые листы,
Травкою новой перевиты.
Кабины тёмные пусты
И так пугающе разбиты.

Их зверь подальше обойдёт,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолёт
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут —
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрэли.

Реченька

Катится прохладная водица,
Золотым обсыпана песком,
Словно подпоясана земляца
Голубым с отливом пояском.
Не тиха, но в меру говорлива
И в течение вольном не узка,
Нравом и обличем красива
Небольшая русская река.
Этот путь извилистый и древний
Прорубила шумная вода,
Чтоб всегда прибрежные деревни
Плыли в ней неведомо куда.
Чтоб в воде размашисто и гордо
Летние сияли облака,
А зверьё невыспавшейся мордой
Тыкалось в их светлые бока.
Чтобы в яблоках седые кони
Табунами шли на водопой,
Чтобы люди тёплые ладони
Наполняли вкусно водой.

* * *

Осенняя осина
Опала на ветру,
Как будто с апельсина
Содрали кожуру.
Берёзовые букли,
Окрашенные в медь,
Туманами набухли
И начали редеть.
Черёмухи промокли

Без летнего зонта,
Подсолнухов монокли
Не видят ни черта.
Унылость в беспорядке
Соломенных папах.
Как чучело на грядке,
Я осенью пропах.

Пустота

Густая осенняя слякоть...
Из жизни уходит поэт.
Две женщины могут оплакать,
Кто мог ещё, тех уже нет.

Он всех растерял по дороге,
Рассыпал, как соль по судьбе.
Последняя дума о Боге,
Последняя мысль о себе.

Когда-то в расцвете таланта
Он многих стихами вознёс,
Из них только два бриллианта
Остались для траурных слёз.

Когда-то надежду лелеял,
Ещё не взглянувши во тьму.
Что ценные зёрна от плевел
Удастся очистить ему.

Очистил. И в радужном блеске
Разительна их чистота.
Вот только отпраздновать не с кем,
Такая вокруг пустота.

Родство

Снега Сыктывкара повинны,
Что севером пахнет мой стих.
Давно все друзья угро-финны,
И сам я, быть может, из них.

Сомненью уже не осилить
Возникшее в сердце родство.
Поблизости станция Виледь,
Где корни отца моего.

Неслись серебристые птицы
Над тёмною пахотой дней.
Мне выпало здесь приземлиться
И звать эту землю своей.

Мне выпало здесь основаться,
Не думать о странствиях впредь,
И вечером длинным, как в святцы,
В глаза голубые смотреть.

Трофей

Зенитным скошенный снарядом,
По-лягушачьи, на живот,
У деревушки нашей рядом
Упал немецкий самолёт.

В деревне думали, рядили,
Куда пристроить этот хлам,
И потихоньку растащили
На всякий случай по дворам.

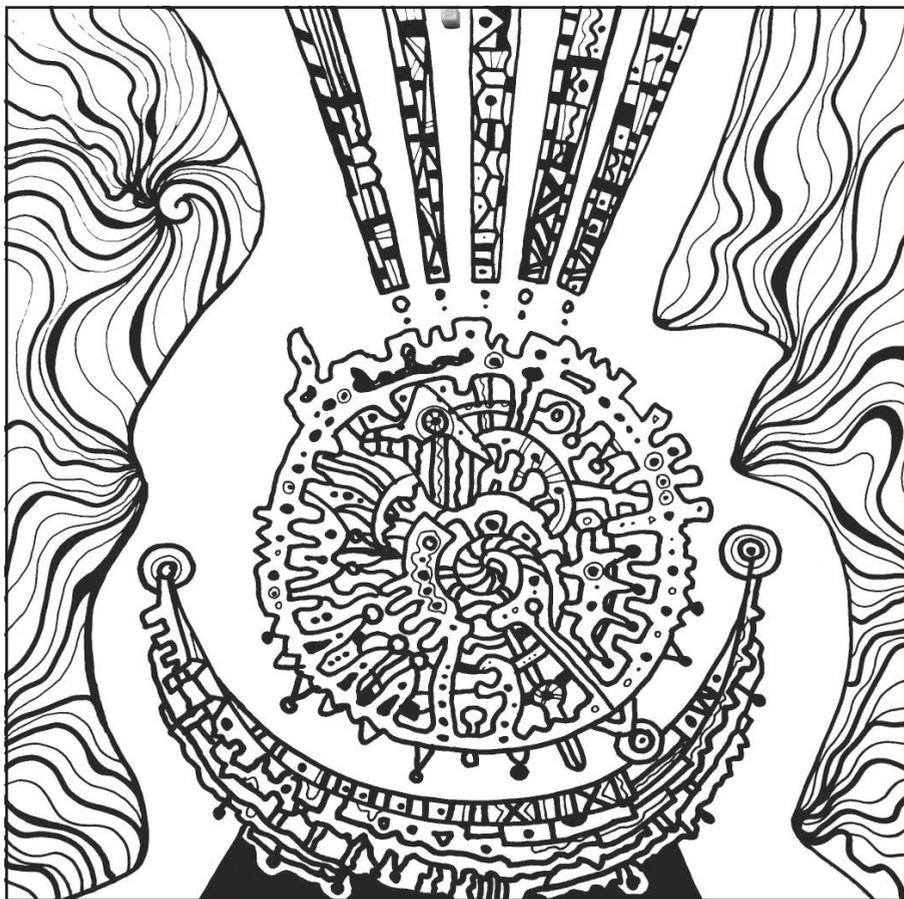
И вот уже на том дюрале,
Где паутинились кресты,
Устало женщины стирали
Ребьячьи драные порты.

Мой дед смотрел на это косо,
Но не стерпел, сходил и сам.
Ему достались лишь колёса
Да кое-что по мелочам.

Потом смотрели, рты разинув,
Старухи, бабы, старики,
Когда трофейную резину
Мой дед пустил на каблуки.

И я, не кормленный досыта,
Обувкой дедовой гордясь,
Литой резиной «мессершмитта»
Месил проулочную грязь.

Коми язык и коми культура

Валерий Марков

Валерий Петрович Марков — первый заместитель председателя Государственного Совета Республики Коми четвёртого созыва с марта 2007 г.; председатель Комитета возрождения Коми народа; депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ третьего созыва (1999–2003).

В.П. Марков: «Выход всегда должен быть...»

ПЛ: Вы известны как политик, деятель финно-угорского движения, гораздо меньше известно о Вашей частной жизни. Валерий Петрович, давайте с самого начала: расскажите о Ваших родителях, о с. Кослан, в котором Вы родились, о школе и учителях.

— Да, я родился в селе Кослан. Это Удора. Мезень. И до окончания школы жил в этом селе. Родители мои — учителя. Мать — Анна Михайловна — математик, отец — Пётр Михайлович — историк. Оба родом тоже с Удоры. Отец родом из Чернутьева, с Мезени, мать — из Кучмозерья, что на Йирве. В школе учился 12 лет, т.к. в то время в национальных школах в Советском Союзе дети поступали учиться в подготовительный класс. И так получилось, что мы были последним выпуском в школах, которые заканчивали 11-й класс. Наша школа была обычная средняя школа с производственным обучением. Наряду с аттестатом мы получали и рабочие специальности: трактористов, электромонтёров сельской электрофикации, девочки — доярок, полеводов. Мы, например, электрики, электрифицировали фермы, дома, ремонтировали линии передач — всё у нас было во время учёбы по специальности.

Если говорить о школьных годах, то мне повезло учиться в этой школе, потому что был прекраснейший коллектив учителей, который там сложился. Это я сейчас понимаю очень хорошо. Были энтузиасты своего дела, абсолютное большинство работали на двух языках. Я могу рассказать о каждом из них.

У нас был очень дружный класс, хотя и состав немного менялся с годами. Мы до сих пор встречаемся каждые 5 лет. В следующем году будет встреча по случаю 50-летия окончания школы. До сих пор мы поддерживаем хорошие отношения между собой, встречаемся, созваниваемся.

ПЛ: *Как Вам удалось поступить на факультет физики ЛГУ? В советское время, при том уровне требований к образованию — для сельского парня это невероятно сложная задача...*

— Школу я закончил в 1966 году, и в этот год был «двойной выпуск»: наряду с одиннадцатиклассниками школу заканчивали впервые десятиклассники. Это был «двойной» выпуск в Советском Союзе. Мне, с позиций сегодняшнего дня, конечно, поступать было не просто, но мы как-то об этом не задумывались. Тогда каждый стремился поступать туда, куда хотел. Кстати, большинство моих одноклассников такую попытку сделали и у них получилось. Это были Ленинград и Москва, Харьков и Горький, Сыктывкар и Архангельск, Свердловск. Причём, самые разнообразные вузы и достаточно известные. А я решил поступать в Ленинградский университет на физический факультет. Когда приём документов был завершён, оказалось, что на 325 мест документы подали около 400 медалистов. То есть на каждое место — более одного медалиста. Кроме того, было подано ещё около 700 заявлений. А медалисты могли сдать «на пять» два экзамена, две математики — письменно и устно — сдать на отлично, и их зачисляли. Но таких «счастливчиков» оказалось меньше 30. Все остальные сдавали ещё 3 экзамена: физику, химию и сочинение. Школу я закончил с серебряной медалью, но, поскольку, математику сдал на «4» и «5», то сдавал и остальные три экзамена.

Волнения, конечно, были. Например, сдавая химию, попросили показать, сначала, задачу. После беглого взгляда на решение преподавательница коротко сказала, что неверно. На мою попытку возразить, был ответ, что задача решается в два этапа. На ответ, что и в два этапа получается тот же самый ответ, что и было показано на обратной стороне листа, был уже внимательный взгляд на решение. А затем был вопрос: «Откуда Вы знаете эту схему решения, это же вузовский материал?» В ответ прозвучало, что нам так давали в школе. Тут же поинтересовались, какую же школу заканчивал. Тогда уже в СССР было немало специализированных школ. Услышав, что это Косланская школа, на селе, да ещё на Севере, где-то «у чёрта на куличках», она была очень удивлена. Это, кстати, к вопросу о наших учителях, к вопросу об их профессионализме и методах обучения. И так было и по некоторым другим предметам. У нас были прекрасные и очень сильные предметники: как естественники, так и гуманитарии. Если бы была возможность, мог бы рассказать о каждом из них.

ПЛ: *И вот, Вы получили хорошее направление в новый университет в Сыктывкаре. Как складывалась Ваша научная и преподавательская деятельность? Кто были Ваши коллеги? Какая была атмосфера в преподавательской и студенческой среде СыктГУ в 1970–80-е гг.?*

— На самом деле, направление по окончании я получал не в Сыктывкар, не в Сыктывкарский университет. Я подписывал направление в аспирантуру для Государственного оптического института, это в Ленинграде. И вот когда мы уже подписали все распределения, подготовились к защите дипломных работ, вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об организации Сыктывкарского государственного университета. И после этого началась работа по поиску выпускников в центральных вузах, выходцев из республики, которые готовы были приехать работать в новый университет. Ленинградский университет был определён

в качестве базового для Сыктывкарского университета. И, конечно, в первую очередь, стали искать среди выпускников ЛГУ. Нас таких на физическом факультете было трое. И, конечно, когда мне предложили поехать в Сыктывкар, я, не раздумывая, переподписал, будем говорить так, своё распределение. Скажем так, аспирантура у меня так и осталась, но это уже была аспирантура не для ГОИ, а для СГУ. И поскольку, как я уже сказал, базовым был Ленинградский университет, многие, кто приехали, были уже знакомы по ЛГУ. Коллектив физиков получился довольно сильным — это были выпускники МГУ и ЛГУ, кроме того, приехали четверо уже опытных учёных и преподавателей из ЛГУ на некоторое время. И так было на других специальностях, причём по некоторым специальностям были очень интересные и сильные учёные. Кто приехал по приглашению, а кого направили. Для некоторых Сыктывкар был определён как место работы и жизни, было и такое в советские времена. Так, например, появился после аспирантуры подающий очень большие надежды математик Яков Элиашберг, ныне профессор Принстонского университета, занимающего первую строчку в рейтинге университетов мира.

Не буду говорить за весь университет, но на физмате был довольно дружный коллектив преподавателей — то ли потому, что была общая альма-матер — ЛГУ, а давала знать та атмосфера, в которой большинство были не только студентами, но и аспирантами, и давало себя знать их общение со старой Питерской профессурой, то ли, поскольку, большинство сами были молодыми, то и общение тогда было самое тесное, в том числе и со студентами.

ПЛ: Валерий Петрович, Вы были успешным учёным, уже занимали должность заведующего кафедрой, не за горами, видимо, была и докторская — ради чего Вы всё это оставили и ушли в национальное движение? Скажите, в то время Вы думали о том, что будете заниматься национальными проблемами? Когда Вы впервые столкнулись с «национальным вопросом»?

— Непростой вопрос. В университете не было мысли, что я как-то вижу себя в другом качестве. Помимо самой работы в университете налаживались хорошие контакты с Институтом геологии КНЦ. Директора института Н.П. Юшкина, тогда ещё не академика, интересовали современные методы исследований, которые появились в физике, связанные с голографией, лазерами. С нашей стороны, физиков, также было интересно узнать, а что могут дать эти новые методы. Начались совместные эксперименты, которые принесли очень интересные результаты. Наши выпускники приглашались на работу в отдел Н.П. Юшкина. Кроме этого, были довольно интересные прикладные работы со структурами, связанными с космическими исследованиями. Казалось, всё налажилось.

Но... Пришла перестройка, а вместе с ней и жаркие дискуссии на факультете, в которых принимали участие и университетские обществоведы, появился городской дискуссионный клуб «Инициатива», объединивший вузовских работников, учёных, творческую интеллигенцию, всех тех, которые не просто интересовались вопросами перестройки. В рамках этих дискуссий обсуждались самые разные вопросы, в том числе и межнациональных отношений. Вот тогда и стали вспоминаться различные моменты из предыдущих лет, которые ранее как бы были сами по себе. Заканчивая школу, мы были в числе последних, кто обучался,

как бы, в национальной школе. В начальных классах обучение было для всех на коми языке, русский язык был как предмет. Затем до 8-го класса — постепенный переход к обучению на русском языке: все новые предметы в этот период преподавались на русском языке, по остальным был постепенный переход на русский язык. В старших классах — всё на русском языке, коми литература была как предмет. И ни у кого не было проблем ни с поступлением в вузы, ни с работой, никто не ощущал себя обделённым или ущербным, как пытаются сейчас многие представить. Но с началом реформ в системе образования национальная компонента в школах стала исчезать, не только у нас, но и в союзных республиках, и в середине 70-х годов её совсем не стало. Но каково было моё удивление, когда, будучи в командировке в Ижме по профорientационной работе, я увидел в школьном расписании «коми язык». В разговоре с директором выяснилось, что это её принципиальная позиция. Несмотря на выговоры по партийной линии, на вопросы отдельных родителей, она сохранила обязательное изучение «коми языка» как предмета во всех классах. Она сказала, что она украинка и прекрасно понимает значение родного языка для сохранения народа. Это был первый серьёзный урок для меня.

ПЛ: *В конце 1980-х – нач. 1990-х в национальном движении было много выдающихся личностей, некоторые из них живы и сейчас, многих уже нет. Расскажите о них, об их вкладе в движение, о том, как складывались отношения с ними.*

— У меня были хорошие отношения со всеми выдающимися личностями, которые стояли у истоков национального движения: Г.А. Юшковым, В.В. Тиминим, А.Д. Напалковым, А.Ф. Сметаниным, А.А. Поповым, В.И. Осиповым, Э.А. Савельевой, Е.А. Цыпановым, Е.В. Козловой. Некоторые из них уже ушли из жизни, но с остальными поддерживаю контакты, деловые отношения. В первый период, с моей стороны, была некоторая осторожность в отношениях, так как до этого контакты с творческими людьми, гуманитариями были редкими, но сопричастность к одному общему делу позволила быстро перейти на нормальные, конструктивные отношения. Все они очень много сделали для становления национального движения, и благодаря их подвижнической деятельности наше общественное движение довольно быстро уверенно встало на ноги.

ПЛ: *Мне всегда интересен вопрос о целях. Цель создания Комитета возрождения коми народа вроде бы понятна, она заявлена в названии. Переход в общественное движение «Коми войтыр» должен означать, что цель была достигнута, и коми народ возродился, не так ли?*

— Не совсем так. На самом деле, когда начинался первый съезд коми народа, не было вопроса о создании Комитета возрождения коми народа. Вопрос возник тогда, когда один из делегатов спросил у Президиума, представителей власти, что будет с документами Съезда. Как власть отнесётся к нашим документам, которые примет Съезд. Отвававший представитель власти сказал, что Съезд негосударственная структура и документы, которые здесь будут подготовлены и приняты, будут рассматриваться органами государственной власти как обычные обращения любого гражданина. Проекты документов Первого съезда готовили институты

Коми научного центра. И, конечно же, это задело. Тогда возникла идея, что необходим некий Исполнительный орган Съезда, который будет стремиться и добиваться максимальной реализации решений Съезда. Поскольку этот вопрос заранее не готовился, нужно было срочно подготовить необходимые документы: Устав, Положение о Комитете, как его избирать. Конкретную подготовку этих документов взял на себя Жилин Николай Васильевич. Он работал на квартире, чтобы не отвлекали. И уже под занавес Съезда вышел с документами и зачитывал, звучали ещё дополнительно замечания, всё дописывалось прямо там. И эти документы были утверждены. Прямо в зале озвучивались кандидатуры в состав Комитета, затем было голосование. Название «Комитет возрождения коми народа» на самом деле не совсем чётко означает суть. На коми языке — «Коми войтырӧс сӧвмӧдан комитет» — определяет суть более чётко. В соответствии на тот момент с законодательством, был зарегистрирован от имени группы граждан, членов Комитета возрождения коми народа, «Комитет возрождения коми народа», и мы получили в республике свидетельство за номером 1, так как были первыми в условиях новой России, кто прошёл регистрацию общественной структуры в республике.

Переход же в общественное движение отвечал требованиям времени, существующему на тот момент российскому законодательству. Наше законодательство постоянно развивается, и мы обязаны учитывать в своих уставных документах все новации. Вот и на очередном нашем съезде будет вопрос о внесении необходимых изменений в Устав.

А наша главная задача — достойное развитие коми народа — как была, так и остаётся.

ПЛ: Я был почти на всех съездах коми народа. Если оставить детали, то почти на всех съездах говорилось об улучшении качества жизни народа: это и сельское хозяйство, и дороги, и больницы, и образование, и многое другое. Насколько решались эти вопросы, и каково участие в их решении Исполкома движения «Коми войтыр»?

— Да, на съездах коми народа каждый раз говорится о сельском хозяйстве, о больницах, образовании, вообще, о жизни, потому что по статистике более половины коми в республике живут на селе. Удивляться тут нечему. Поэтому проблемы села — это, как бы, проблемы коми народа. И проблемы села звучат остро не только в нашей республике. Да и на последующих съездах об этом будем говорить.

Как Съезд пытается решать эти вопросы, что Исполком делал? Если говорить о первых годах, то в первую очередь необходимо было создать ту законодательную базу, какую бы мы хотели. Был подготовлен пакет законопроектов «О земле», законопроект «О недрах», законопроект, связанный с сельским хозяйством, подготовлены поправки в закон «Об образовании», «О здравоохранении», были внесены предложения, связанные с получением сельскими жителями бесплатно определённого количества леса для строительства и ремонта своих жилищ — это была достаточно большая работа. Одним из первых был законопроект «О статусе Съезда коми народа», который был принят и просуществовал достаточно долго, до 2000 года, до приведения в соответствие республиканского законодательства с федеральным. По предложению Исполкома был принят закон о государственных языках в нашей республике. Был подготовлен проект новой Конституции

республики в 1993 году. Конечно, мы понимали, что наш проект не примут, потому что само отношение к общественному движению тогда в обществе было не совсем однозначным. Взять хотя бы ситуацию с нашим предложением об организации Министерства по делам национальностей. Наше предложение было отклонено, но наше положение о министерстве взяли в Карелии, приняли и организовали министерство, несколько подкорректировав наш проект и заменив «Коми» на «Карелию». Когда же об этом стало известно у нас, проект снова был рассмотрен и принят. Понимая, что наш проект Конституции не будет поддержан, мы попытались провести ряд моментов, которые были в нашем варианте, в проект Конституционной комиссии. Будучи членом официальной комиссии, я старался провести нужные идеи. В официальный проект Конституции, а затем и в саму Конституцию республики вошли позиции по языку, по праву законодательной инициативы, по государственности языка, системе избрания Государственного Совета. Можно уверенно сказать, что в первый период наша работа по реализации решений съездов была достаточно большой, активной, хотя и непростой.

Сейчас ситуация несколько иная. Правовая база в республике, в основном, сформирована. Работа идёт по поправкам, которые необходимы с учётом реалий сегодняшнего дня. Но бывает, что необходимо проследить, чтобы при внесении поправок мы не потеряли очень важное и нужное.

ПЛ: Я понимаю, что задача Движения — сохранить для человечества коми человека как сущность и коми народ как вид. Как по Вашему, кто он такой, коми морт — коми человек? Что такое коми менталитет, коми мироощущение? В чём ценности культуры коми народа, и насколько адекватно Движение отвечает на вызовы времени?

— На мой взгляд, коми человек — это человек природы, который органично вписан в эту природу. Брал от природы ровно столько, сколько ему было нужно для жизни и всегда старался сохранять эту природу. Для него основа — это лес, вода, земля. Это сказалось и на его характере, как сказались и суровые условия жизни. Готов всегда дать кров и пищу путнику. Открытость, готовность помочь — характерна для коми. В то же время, жизнь научила рассчитывать на свои силы.

ПЛ: Если мы говорим о сохранении коми народа, то почему об этом ничего не сказано в Конституции РК? В статье 3 этой Конституции говорится о сохранении и развитии «языка, традиционной культуры и образа жизни коми народа», но это не одно и то же. Во-первых, непонятно, что такое «традиционная культура» — это что, надо заставить коми людей жить в селе, носить сарафаны, портки-гачи и петь коми народные песни? Во-вторых, непонятно, что такое «образ жизни коми народа» и в чём его специфика. В-третьих, понятия «язык» и «народ» не эквивалентны, понятие «народ» всегда шире, чем «язык», и сохранение языка никак не гарантирует сохранение народа. Так может быть, всё-таки, нужно вести речь о сохранении народа?

— Это вопрос дискуссионный, кто как понимает традиционную культуру¹. На мой взгляд, не надо понимать традиционную культуру как носить сарафаны и

¹ В этнографической науке традиционной считается культура, которая передаётся из поколения в поколение неизменно «по традиции», изустно, и связана с фольклором. Это куль-

петь коми песни. Коми традиционная культура со временем меняется, время формирует традиционную культуру любого народа, наносит свой отпечаток. Понятно одно, если у народа на базе традиционной культуры не возникнут современные формы культуры, то вряд ли эта культура будет востребована другими. Балет «Яг морт» — прекраснейшее произведение, имело огромный успех не только в нашей республике. Оперу «Иван Куратов» с элементами народной музыки приятно слушать, я думаю, не только коми слушателю. Картины наших футуристов всегда интересны в самых разных странах. Наши мастера — резчики по капу известны далеко за пределами республики. Так можно говорить о многих других направлениях в творчестве, которое в основе своей базируется на традиционном искусстве.

На самом деле, говоря о сохранении традиционной культуры, нужно понимать, что речь идёт о том, чтобы гармонично встраивать её в современную культуру.

По поводу языка и народа. Язык — это один из основных критериев определения любого народа. Мы знаем примеры языков, которые давно стали мёртвыми. Но нет народа без языка. Когда мы говорим о сохранении народа, мы должны говорить и о сохранении языка, и традиционной культуры в широком смысле.

ПЛ: Очень больной вопрос о национальном (или этнокультурном) образовании. Казалось бы, цель этнокультурного образования — подготовка и воспитание образованного коми человека, владеющего коми языком и ориентированного в ценностях коми культуры (т.е. знатока коми литературы, искусства, фольклора), знающего историю своего народа, но дело ограничивается только изучением коми языка, т.е. коми грамматики. Может быть, стоит уже пересмотреть приоритеты, и поставить перед образованием новые задачи?

— Не совсем так. Когда речь идёт об изучении языка, то действительно можно говорить о грамматике, синтаксисе, морфологии. И этому есть место при изучении коми языка как родного. Но, если мы говорим об этнокультурном образовании, то это уже не просто изучение языка. Сейчас при изучении коми языка как государственного многие педагоги при работе в русскоязычных классах дают его через культуру, историю, фольклор. Понятно, что старые методики изучения языков, как было в советские времена, когда все изучали иностранные языки, но мало кто мог пользоваться им, непригодны. Нужны и новые методики, и новые учебники и учебные пособия, необходимо использовать современные информационные технологии. Кстати, такая работа сейчас ведётся и в нашей республике. Этому также посвящены и уже ставшие традиционными международные конференции по изучению родных языков в условиях двуязычия в Сыктывкаре. В системе образования имеются реальные возможности для включения курсов по этнокультурному образованию в школьные программы. Просто, может быть, не все умело пользуются имеющимися возможностями. Согласен в главном — безусловно, в системе образования должны быть поставлены новые задачи, когда мы говорим об изучении второго государственного языка нашей республики.

ПЛ: Так ли необходимо изучение коми языка в русскоязычных школах по

тура деревенской среды, к настоящему времени сохранившаяся в виде так называемых «пережитков», воспоминаний, некоторых элементов. В.П. имеет ввиду современную культуру народа. (Прим. ПЛ).

так называемой программе изучения языка, как государственного? Все знают, что введение этой программы стало катастрофой для собственно коми школы. В целях экономии средств директора многих школ, как стрелочники, переводят рельсы образования с аутентичной программы на государственную, и тем самым ставят крест на воспроизводстве коми культурной идентичности. Что делать?

— Знакомство с языком через культуру, историю, фольклор необходимо всем в нашей республике. Скорее всего, при этом не надо говорить только как об изучении коми языка, должно быть более адекватное наименование предмета. Другое дело, что и в комиязычной среде стали переходить на изучение языка как государственного. Но не в экономии здесь дело. Корни надо искать в другом. Но это очень большая тема. Здесь нужно говорить уже об отношении общества и власти к этим вопросам. Для того, чтобы язык нормально существовал, необходимо, чтобы он был востребован в обществе.

Здесь можно привести пример с валлийским языком в Шотландии. Он практически исчез лет 50 назад, владело им только пожилое население, молодёжь практически не знала. Но именно молодые задумались над тем, что же будет с их языком, а значит и с народом. В результате более чем 30-летней работы теперь язык востребован в обществе, он изучается во всех школах, садиках, выпускаются газеты и журналы, работают радиостанции, телевидение. Более того, на этом языке преподаётся ряд предметов в университетах. Это стоило нескольких десятилетий напряжённой работы общества, было и прохождение через непонимание, даже противостояние, но теперь это осталось позади.

Реформа в системе образования в конце 50–60 годов прошлого века вытеснила родные языки народов из системы образования, после чего начались проблемы в знании языков, в востребованности в обществе. Но любой человек самоценен в обществе, любой язык самоценен в обществе. Потеря любого языка, потеря любой культуры — это существенная, чувствительная и невозполнимая потеря для человечества. Сейчас и с трибуны ООН много говорят о сохранении языков, сохранении культур.

ПЛ: После закрытия финно-угорского факультета СыктГУ фактически прекратилось воспроизводство специалистов в области коми культуры. Нынешнее образование не идёт ни в какое сравнение с образованием упразднённого факультета, тем более что степень бакалавра — это даже и не высшее образование. Есть ли выход?

— Да, изменилось многое. Отчасти это результат не до конца продуманных действий, без глубинного анализа возможных последствий от принимаемых решений. Но выход всегда должен быть. Просто его надо искать, искать всем вместе: и системе образования, и власти, и самому обществу.

С В. Марковым беседовал П. Лимеров.

Марина Федина

Марина Серафимовна Федина (родилась 1 декабря 1968 года в д. Вертеп Ижемского района Республики Коми) — автор более 90 публикаций по коми языкознанию и функционированию коми языка в современных условиях, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-политических процессов и регионоведения, начальник Центра инновационных языковых технологий Коми республиканской академии государственной службы и управления.

Центр инновационных языковых технологий: настоящее и будущее, перспективы и проблемы

Общепризнанно, что языковая политика государства наиболее эффективно реализуется через образовательную и научную систему государства, ибо наука и образование в совокупности наиболее системно направлены на достижение целей общегосударственного значения.

С учётом этого в Коми республиканской академии государственной службы и управления в начале 2012 г. был создан уникальный научно-образовательный центр языковой направленности — Центр инновационных языковых технологий, включающий в себя две взаимосвязанные структуры: Бюро официального перевода и Межрегиональная лаборатория информационной поддержки функционирования финно-угорских языков. Цели Центра изначально опирались на основные направления Концепции национальной политики Российской Федерации с точки зрения обеспечения прав коренных финно-угорских народов России на использование и развитие родных языков — использование официальных языков в общественной жизни, в проведении культурных мероприятий, в публикациях СМИ, в работе административных органов и государственной службы; создание базовой инфраструктуры информационного общества на финно-угорских языках, компьютерного программного инструментария для обеспечения их полноценного функционирования в электронном информационном пространстве; создание и развитие электронных сервисов на языках коренных народов в области образования и науки. И трёхлетняя деятельность Центра позволяет смело утверждать, что в настоящее время Центр является одной из действенных и реально работающих площадок реализации государственной политики в сфере развития функционирования государственных языков Республики Коми. Вся деятельность Центра основана на постулате «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми является основой для развития нравственных, культурных и научных ценностей общества».

Бюро официального перевода напрямую выполняет Закон РК «О государственных языках Республики Коми», согласно которому на территории РК государственными являются русский и коми языки. В соответствии с данным законом, начиная с 1996 года, нормативно-правовые акты Республики Коми публикуются на двух государственных языках. В 1996 году в Министерстве национальной политики Республики Коми была создана переводческая служба, обязанностью которой и стал перевод нормативно-правовых актов, названий организаций и учреждений, текстов официальных печатей, штампов, бланков и вывесок. Однако в 2011 г. данное подразделение в министерстве было упразднено, и для продолжения переводческой деятельности было создано Бюро в рамках нашего Центра.

Основная деятельность Бюро связана с переводом с русского языка на коми язык официальных документов, нормативных правовых актов Правительства Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми, которые публикуются в специальном журнале «Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми», поддержкой комиязычной версии официального портала Республики Коми <http://rkomi.ru/> и сопровождением деятельности Избирательной Комиссии Республики Коми. Бюро также осуществляет синхронный перевод на государственные языки Республики Коми на городских конференциях и съездах коми народа.

Помимо этого Бюро оказывает юридическим и физическим лицам различного рода информационные, справочные, консультационные услуги, связанные с переводом на государственные языки Республики Коми. Кроме прямых функций перевода ежедневная деятельность Бюро сопряжена с терминотворчеством, и развитием коми языка, расширением его сфер использования и нормированием языка. По данному направлению Бюро тесно контактирует с Республиканской термино-орфографической комиссией при Главе РК в части подготовки материалов к заседаниям комиссии и практической реализации решений комиссии.

Казалось бы, всё замечательно — Республика Коми в этом стратегически важном направлении реализации государственной языковой политики является ярким примером для других финно-угорских республик в РФ, в которых переводческая деятельность осуществляется не так системно и качественно. Однако возникающие проблемы и вопросы зачастую остаются нерешёнными и заставляют задуматься о будущем развитии деятельности Бюро. Из основных проблем я бы выделила кадровую и политическую. Кадровая проблема заключается в том, что в республике, да и в целом России не готовят специалистов-переводчиков по профилю «русский язык — национальный государственный язык». Но если данную проблему можно решить в рамках Центра и Академии (обучение национальных филологов переводческой деятельности на практике, повышение квалификации на курсах переводчиков и т.д.), то другая является важнейшим внешним фактором. К сожалению, приходится констатировать, что языковая политика в республике далеко не идеальна и не последовательна, о чём свидетельствуют и те изменения в Законе о государственных языках Республики Коми. Ярким примером является «Положение о сетевом издании «Перечень правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми, иной официальной информации» (<http://law.rkomi.ru/>) и порядок размещения (опубликования) в нём

нормативных правовых актов Республики Коми, правовых актов Республики Коми, документов, сведений, информации, подлежащих официальному опубликованию в соответствии с федеральным законодательством и (или) законодательством Республики Коми», утверждённое постановлением Правительства Республики Коми от 27 марта 2014 г. №124 (в ред. постановления Правительства Республики Коми от 22.05.2015 №231): п. 2 «Сетевое издание является официальным сайтом в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором в соответствии с Законом Республики Коми «О порядке опубликования и вступления в силу законов Республики Коми и иных правовых актов, принимаемых в Республике Коми, а также о порядке опубликования материалов, подлежащих официальному опубликованию» размещаются (публикуются) на русском языке законы Республики Коми, нормативные правовые акты Государственного Совета Республики Коми, нормативные правовые акты Главы Республики Коми, нормативные правовые акты Правительства Республики Коми, решения Конституционного Суда Республики Коми, договоры Республики Коми, соглашения органов государственной власти Республики Коми, нормативные правовые акты министерств и иных органов исполнительной власти Республики Коми, государственных органов Республики Коми, образованных Главой Республики Коми и наделённых правом нормативного правового регулирования в соответствующей области, а также иные правовые акты, документы, сведения, информация, подлежащие официальному опубликованию в соответствии с федеральным законодательством и (или) законодательством Республики Коми (далее — правовые акты)». Это что — осознанный отход от ст. 7 закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» (в ред. Законов РК от 16.07.2002 N 76-РЗ, от 06.07.2009 N 63-РЗ, от 07.10.2013 N 95-РЗ, от 26.09.2014 N 116-РЗ): «Акты органов государственной власти Республики Коми публикуются на коми и русском языках и обладают одинаковой юридической силой»? Обозначает ли это принципиальную смену вектора национальной языковой политики Республики Коми в отношении публикации общественно значимой информации только на одном государственном языке — русском, что приводит ещё и к нарушению исполнения п. 5 ст. 8 Федерального Закона №149-ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и защите информации»: «Государственные органы и органы местного самоуправления обязаны обеспечивать доступ к информации о своей деятельности на русском языке и государственном языке соответствующей республики в составе Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления», а также пп. 2. п. 2 ст. 12 «Государственные органы, органы местного самоуправления в соответствии со своими полномочиями: 2) создают информационные системы и обеспечивают доступ к содержащейся в них информации на русском языке и государственном языке соответствующей республики в составе Российской Федерации»? Если это так, то в ближайшее время станем свидетелями сворачивания переводческой деятельности и постепенного перехода только на русский язык, а соответственно, свёртыванию функций коми языка как государственного на государственном уровне. Говорят, история развивается спиралевидно. Но не хотелось бы повторения языковой ситуации 1940–60 гг.

Если Бюро официального перевода создавалось не «с нуля», то Межрегиональная лаборатория информационной поддержки функционирования финно-угорских языков явилась поистине уникальным мегапроектом. При решении о создании Лаборатории мы исходили из очевидного факта, что в современном мире информационные технологии представляют собой мощное средство сохранения и возрождения культуры, традиционных знаний и языков коренных народов. Удивительно, но на момент создания Лаборатории и первых двух лет нашей работы очень многим на разных уровнях приходилось доказывать эту аксиому. И отрадно, что наконец сейчас в республике приходит понимание важности данной работы. За очень маленький срок — три года — Лаборатория стала механизмом для создания информационных продуктов, ресурсов, инструментария, которые способствуют расширению функционирования языков, сохранению и пропаганде этнокультурного наследия коми и других финно-угорских народов, развитию международных коммуникаций, обеспечению доступа к информационным ресурсам этнокультурной направленности самых широких слоёв населения. Именно силами Лаборатории создан базовый инструментарий для полноценного функционирования коми языка в электронном информационном пространстве: раскладки коми клавиатуры для разных операционных систем, автоматические системы проверки орфографии, электронные онлайн и оффлайн словари, конвертеры и др. Все разработки создаются на основе свободной лицензии, предоставляются пользователям бесплатно и общедоступны, выложены на сайте лаборатории <http://fu-lab.ru/>. Здесь же подробно расписаны алгоритмы установки разработок, есть даже видеоуроки по установке. В настоящее время Лаборатория работает над несколькими проектами: 1. создание программы автоматического переноса коми слов со строчки на строчку, которая существенно облегчит работу издательств, газет-журналов; 2. создание национального письменного и устного корпуса коми языка. Наличие национального корпуса открывает небывалые возможности для науки и образования, поскольку современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов. Однако круг пользователей корпуса вовсе не ограничивается профессиональными исследователями языка. Надёжные статистические данные о языке определённой эпохи или определённого автора могут интересовать лингвистов, историков и представителей многих других областей гуманитарного знания. Важное значение национальный корпус имеют и для преподавания языка в качестве родного или иностранного. Таким образом, национальный корпус обращён ко всем, кто в силу профессии, по необходимости или из простой любознательности ищет ответ на вопросы об устройстве и функционировании языка, то есть фактически к большинству образованных носителей этого языка и ко всем, изучающим его в качестве родного или государственного. Национальный корпус языка — это ещё и реальный инструмент сохранения всего письменного наследия коми народа в виде цифровых копий, передачи будущим поколениям культуры народа. С этой точки зрения значение проекта по созданию национального корпуса коми языка важно не только для сохранения и развития коми языка и культуры народа коми, но и для мирового сообщества, ибо позволит сделать общедоступным весь спектр и богатство письменной культуры народа коми, что в свою очередь безусловно повысит позитивный имидж нашей республи-

ки. К концу 2015 года предполагается сделать справочно-информационную систему на основе аннотированного корпуса текстов литературного коми языка с возможностью поиска языковых единиц по различным параметрам;

3. создание электронной библиотеки на коми языке с возможностью озвучивания фольклорных и художественных текстов.

В планах Лаборатории — создание образовательного портала, где будут сконцентрированы электронные образовательные ресурсы на коми языке.

К слову сказать, над подобными программами в России и зарубежом работают целые научные институты, а в нашей Лаборатории 4 специалиста. Поэтому для максимально эффективной реализации всех задуманных разработок и продуктов, необходимых всему языковому сообществу, а не только нашей Лаборатории, ибо все нами созданные продукты предназначены прежде всего для общественного использования, нужна согласованность и консолидация усилий, знаний педагогов, и учёных, и творческой интеллигенции, и общественных деятелей, и чиновников, чья сфера деятельности так или иначе соприкасается с коми языком. Дело не только в том, что в основе данных разработок должны быть теоретические труды по коми филологии и максимально возможное количество текстов на коми языке, разрешённые к использованию их в цифровом варианте авторами. Дело прежде всего в языковой стратегии и нашем сознании — хотим ли мы сами развивать свой язык, помочь ему быть современным и актуальным? Хотим ли оставить его для своих детей, внуков? Хотим ли мы сделать его доступным для мирового сообщества, поделиться красотой его звучания, богатством лексики и логичностью грамматики? И если «да», то это должно быть не на словах, а на деле.

Öньö Лав

Öньö Лав (рочён кө, В.А. Степанов) — коми лингвист. Чужис-быдмис Перым карын. Велёдчис Перымса педуниверситетын, а сэсса Коми наука шöрин бердса аспирантура кодьын. Туялö кыв стандарт лöсьöдан да сөвмöдан проблемаяс. Öнi мырсьö Сыктывкарса Кыв технология сөвмöдан шöринын, öттшöтти уджалö Коми кыв, история да литература институтын.

Видзам-сöвмöдам коми кыв!

Куим да джын во нин коли сэксянь, кор Коми муын, республикаса госслужба академия бердö, восьтöмаось торъя лаборатория, медым коми да сылы матыс кывъяс вужйöдны компьютерö и сетны йöзыслы позянлун паськыда вöдитчыны интернетын чужан кывйöн. Колö висътавны, мый войдöр некымынысь нин вöли заводитлöма татшöмсяма уджсö сийö либö мöд аспектын, но быдпöрийö ставыс вöли недыр кезлö, кампания ногөн, вöчöма, либö нö кутшöмкö торъя проект серти. Татчö позьö казгыштны и 2000' во гөгöрся рочысь комиö вуджöдан программа, и нульöд воясö коми шрифтыяс лöсьöдöм, и асторъя йöз водзмöстчöмөн электрон кывкудъяс дасьтöм...

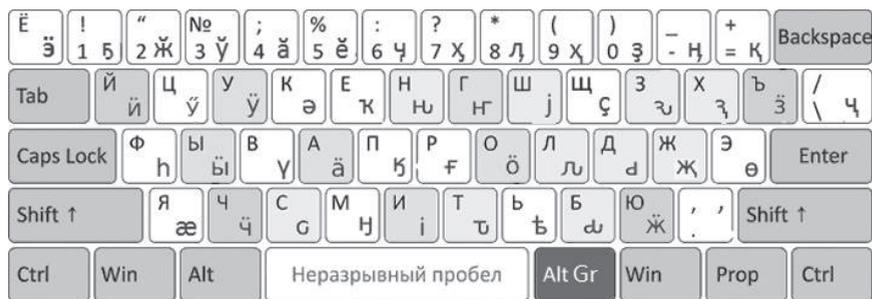
Тайö пöрийö делö вöли пунктöма зумыдджык подулö — лабораториялы республика тшупöдсянь вöли сетöма техника, индöма стöч могъяс да урчитöма кузькодь кадқоласт, медым позис пöртны тайö могъяссö олöмö сьöрсөн-бöрсөн. Штатö вöли корöма кык мортöс (инженер да лингвист), кодъяс уджаласны оз сьöмысла, а вöчан удж дорö интересысь. Кадысь кадö отсöг вылö корлісны коми, удмурт да мари муясысь филологъясöс да программистъясöс.

Нöшта öти аслыспöлöслун. Медводзянь вöли шуöма: ставторнас, мый лаборатория кутас вöчны-лöсьöдны-лэдзны, йöзыс кутасны вöдитчыны мынтысьтöг. Татшöмтортö быть лои урчитны, мыйла та мындышта йöзнас, мыйтаөн колины öнi комияс, кывлөн авторитетыс лои вывтi ичöт (карьералы оз отсав да мый да). Ыджыд бизнес коми кыв вылын он вöч. А сiмöм урнас мырддьясьны грöш дон оз сулав. Лаборантыяс видлісны уджавны дзик культура кыпöдöм могысь. Миян кадö, капитализм дырйи, тайö зэв сьöкыд. Аслыныс лои и гөгөрвоöдны-югзьöдны йöзсö, и венны коми интеллигенциялысь мугöмсö да эскытöмлунсö, и весиг вичмöдны сьöм ас удждонысь, медым мынтыны отсалысьяслы. Республикасянь дыр кад чöжөн вöли унджыксö моральной отсöг. Кыдзи унаөн шмонитлісны — уджаинтö эз на тупкыны да, сыысь нин аттьö колö висътавны чина йöзыслы...

Мый нö вöли вöчöма тайö куим да джын воён?

Клавиатурао коми шыпасъяс

Өти-кө, компьютер шыпаспöвйö (клавиатураö) вöли лöсьбöдöма коми тэчасног. Символьяслысь ставмирса стандарт пыдди пуктöмön. Войдöр, XX нэм помсяньыс, комияс вöдитчылöмаöсь компьютерас ас вöчöм шрифтьясöн, и аслыспöлöс коми шыпасъяс — **ö** да **ï** — позьö вöли лыддыны мониторысь сöмын сэк, кор содтан компьютерад, шрифт видзанінас, кутшöмкö ас керöм шрифт. А шрифтыс

вöли уна, вöчлісны найöс торъя проектъяс серти либö торъя кантораяслы. Сійön весиг бöрйыны на пöвстысь кутшöмкö

öти шрифт чукöр, мед ставön сійön вöдитчисны, комияс эз вермыны. Бөръяпомыс ö да ï пыдди унджыкыслы тыдалісны кутшöмкö шензьöданторъяс. Сійön йöзыс энөвтчалісны тайö шрифтьясъсь. Контактын да көн да гижасьлісны коминас графика торкөмön. Шуам **ö** пыдди гижлісны **о, о:, о", О** да мый да, **ï** пыдди **1, !** да мукöд пасъяс. А öд 2007' вöсянь нин коми шыпасъястö вöли пыртöма ставмирса *Unicode* стандартö. Но небöг-газет лэдзанінъясын техника вöли важся важ, öнیا софтсö сійö эз сибöд, и юникодса коми шыпасъяс некод быттöкö эз и казаяв.

«Йöршитчам кө ас керöм шрифтьясö, — шуис миян инженер Ондре, — кадтö, вынтö да сьöмтö воштöма лоб». Сійön ми чорыда босьтім подув пыдди стандарт шрифтьястö да лöсьбöдім клавиатураас тэчасног сідзи, медым мортлы вöли ки выв гижны коми тексттö компьютерö. Раскладкатö вöчим некымын вариант. Öтигыс весиг универсальной, шымыртö оз куш öнیا коми шыпасъястö, а тшöтш важ коми гижанног — Сандрö Васьöөн керöмсö, удмурт да мари шыпасъяс, апостроф, важ роч **’**, да и рочмуыввса ставкодъ войтырлысь пасъяс. Коми морт вермö сэсся коми клавиатура пыр гижны, шуам, удмурт нимъяс сідзи, кызди гижöны асьныс удмуртъяс. Татшöм практика сöвмöма европаса кывъясын, көні суйöрсайса нимъястö öнi зильöны гижны оригинал сертиджык. Сöмын налön подув — латынь анбур, а миян — кирилл азбука.

Пуктыны клавиатураö коми раскладка да вуджны символъясын ставмирса стандартö быд коми мортлы быть, көсйö кө сійö сэсся гижны став коми йöзыслы гөгөрвоанаа. Жаль, мый öнөдз унаөн оз тöдны коми раскладка йылысь, а мукöдыс и тöдöны да оз убöлитны некымынысь личкыштны кнопкаяс — унджык-сö дышысла. Курыд серам петö, кор кылан — менам пö кад та вылö абу... Минута кадся удж тайö. Да и инструкция, кызди пуктыны коми раскладкасö компьютер шыпаспöвйö, важön нин öшалö миян сайтын и весигтö видеоурок вöли вöчöма... Öтувезйысь жö сюрас. Республикаса веськөдлысь котыр 2014' арсянь нин гижöдö коми юникоднас став татчöс кантора — правительстволön та кузя вöли торъя шуöм. Но коми канторчылы тайö, тыдалö, дзик тшак ва.

Кыдзи шуисны миянлы Республикаса войтыр библиотекаын, краевед юкөна, ми пö коминас пöшти ог и вöдитчöй да мыйла...

Важ техникаысь эновтчыны мугысьяслы вöли дасьтöма да ставлы судзöдмөн пуктöма сайтаным торъя программа — конвертер, кодi сетö позянлун важ наборьяссö автоматическöя вежны öнiя юникод стандартö, да и мöдарö. Шуам, печатайтас «Коми муса» журналистыд гижöдсö аслас компьютерын стандарт раскладкaөн, ваяс текстсö наборнöйö, кöни тай макетсö вöчöны, а сэтчöс специалистыс пöртö юникодсö ас керöм шрифтьяса стандартö, медым дас во сайся верстайтан программаын позяс лючкиа уджавны. И мöдарö: кор колö, мед ас керöм шрифтөн личкöдлöm текстад лоисны стандартса ö да i, конвертер жö отсалас. Со татшöм чуймöдан программа эм миян FU-Lab сайты.

Орфография видлалан программа

Коми символъясын öтувъя стандарт колö и сы могысь, медым позяс автоматөн видлавны коми орфография. 2012' во помын ми велалим уджавны *Hunspell* программаөн да ладмöдiм сийöс коми кывйö. Программасö лöсьöдöмаöсь миян мадьяр вокъяс. Сийöс вöчöма элементарнöя. Подулас кык файл. Öтиас чукöртöма став торъя кыв и быдөн дорö содтöма кутшöмкö индекс сы серти, кыдзи кывйыс вежласьö. Мöд файлас чукöртöма индексъяс и быд дорö пасйöма вежласян бала (став суффикс, кодi вермö йитчыны тайö индекса кыв бердö). Программаыс ачыс генерируйтö тайö кык файлыс став поэна кыв форма, а мый абу сюрöма — визьниталö гыа гöрд визьөн. Тайö пö и лоö тырмытöмтор. Сымда и вöли.

Медсьöкыд танi вöли индексируйтны торъякывьястö — найö 100 сюрсыс унджык да. Тайö уджсö кызвийö вöли вöчöма Финн муын на — кор миян лингвистыс лöсьöдiс финнъяслы с. ш. бөрөн тэчöм кывкуд. Суомияс тшöктiсны быд кывлы пасйыны кыв сикас. А тайö пöшти индекс нин. Сэсся, дерт, тайö индексация лои водзö сöвмöдны да стöчмöдны. Öд *Hunspell* визьниталис выль текстъясыс ставсö, мый эз на вöв миян базаын. А тайö абу сöмын сорсьöмөн гижöмыс, а и тырмытöм формяс либö торъя кывьяс. Найöс ми сэсся текстъястö лыддигтыр содталам базаö. Базаяд öтарö содö да, результатыс лоö стöчджык и стöчджык.

Но тайö программаыслөн эм и минус. Сийö вермö сöмын аддзыны, эм татшöм кыв формаыс коми кывйын али абу. Контекст анализируйтны уджтасыс оз куж и та вöсна оз аддзы öшыбкатö, шуам, татшöм сёрникузяыс: «Менам ем нянь». «Ем» кывйыс тай базаын эм жö да. Сидзкö, программа ногыс ставыс бур. Тайö тырмытöмторсö позяс венны сэк, кор уджтасыд кутас пыдди пуктыны орчча кывьяссö да сёрникузяяслыс тэчасногсö. Чайтам, коркö и тайöс сяммам лöсьöдны.

Коми орфография йылысь

Нöшта öти ыджыд мытшöд кыпöдчис миян водзын. Коми орфография абу зумыд. Гижанногын бөръя кадö мыйсюрö вежсьöма, но тайö вежсьöмъяссö кодсюрöяс оз матö пуктыны. Сийөн и гижöны кык ногөн: январ и январь, власьт и власть, подрядчик и пöдрадчик... Спеллер пыр текстъястö лэдзигтыр татшöмыс

мианлы сюри зэв унатор. Найос вöлі анализируютöма да пунктöма öтуввезйö видлавны туялысьяслы да кыв бердын мукöд мырсьысьяслы. Но öнöдз некод оз слöймы босьтчыны тайö уджас: торйöдны — кутшöм вариантъяс лоöны нормаön, кутшöма позьö гижны корсюрö, а кызди гижны оз позь — коми гижöд кыв кө пыдди пуктан. Мый бара сыктивкарса комияс виччысьöны? То ли полöны кыв-күтöмысь, то ли виччысьöны, медым кодкö ыджыд сьöм та вылö вичмöдас...

Бара, торкны гижöд кывтö миян интеллигенцияным ньöти оз пов. Зильöмөн-зильöны жугöдлыны коми орфография да гижны диалектса шуанног серти. Заводитчис тайö висьöмыс 1970-öд вояссянь на, кор коми кывтö вöлі зырöдöма унджык сфераысь да йөршитöма культура юкөнса ылі пельöсö. Гижысьяс, карса олöмын гижöд кывйыс ковтöмтор да, кутчисны ворсны диалектизмъясöн: со пö ловъя коми сёрни. Фольклористъяс водзмöстчисны жö, йöзöдлісны коми сыллан да мойдкывтö гижöд нормаяс торкөмөн — аутентика ставсьыс вылын. А öнi торйөн нин ёна дзоридзавны кутіс тайö вывтiасьöмыс. Гижöд кывтö дзикöдз ни-нöмö пöртöны — сы йылысь мукöд комиыд весиг яндысьтöг шуö, кулöм кыв пö тайö.

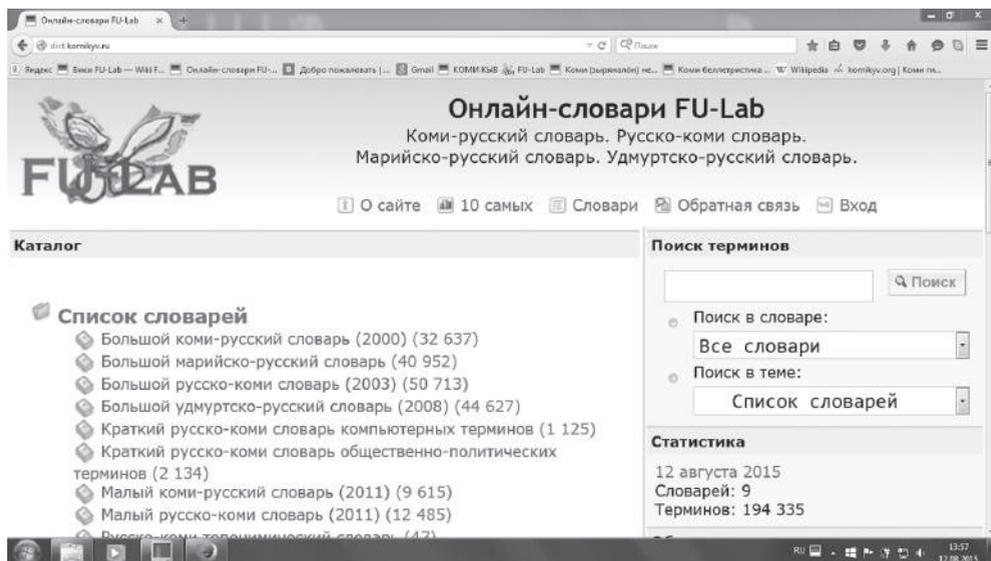
Но! Быд войтырлы гижан кывйыс лоö, плаг да герб моз жö, öтувъялунлөн символ. Пöшти сё во чöжөн комияс вермасисны сы вöсна, медым лöсьöдны, видзны да сöвмöдны öтувъя гижöд кыв. Гижöд кывлөн öтувъялуныс унджыксö петкöдчö öтласа орфографияын. Школаын велöдчигөн да газет-журнал-небöг лыддигөн, комияс вочасөн велалисны ставлы гөгөрвоана гижан формаяс дорö. Тадзи, коми школаö ветлöм комияс пöвстысь öнi быдөн тöдö, колö гижны «эз мун», «муніс». А кодкö кө рочмысь комияс пиысь эз коминас велöдчы да коми-нас оз лыддысь, мед и гижас сё онас öтчыд тайö кывъяссö диалектнöя. Тайö сылы шмонь — коми кывйыс. Но со кор велöдчöм и весигсö ёна велöдчöм коми мортыд тöдöмөн торкө норма да гижö «из мун» да «муныс», сйö татшöм ногөн оз сöмын увтырт коми гижöд кывсö да таяв коми гижан традициясö, но и тöдöмөн ли тöдтöг пунктö ассьыс пай коми войтырлысь öтувъялун бырöдöмö, комитö торпыригъясö пазйöдлөмö.

Ас садьö воій жö, дона ёртъяс! Ми и сідз нин колим вывті этшаönсь...

Электрон кывкудъяс

Кывкуд зэв ёна колö ставлы, кодi көсйö гижны комиён либö велöдö гижöд кыв. Быд кывтö юрын он кут, торйөн кө öнi, кор комиён сёрнитысьыд быдлунъя олöмын öтарö рочасьö. Но мукöдыслы окота жö гижны коминас, да та дырйи отсöг вылö и локтö кывкудйыс, кытысь позьö аддзыны, кызди корсянторйыс лоö коминас, либö нö стöчмöдны торъя коми кывлысь вежöртас. Талунъя йöзыс гижöны унджыксö компьютерын, сйөн и колö налы, мед кывкуд компьютерын жö вöлі. Öд корсьлыны сэтысь кывъястö сё пöв öдйöджык, кабала небöгтö лис-талöм дорысь.

Подув пыдди миян вöлі босьтöма Кыв, литература да история институтын дасьтöм кывчукöръяс да содтöд öткымын ичöтик кывкуд. Ставнысö вöлі пöртöма электрон форматö, рөммöдöма да кытсюрö содтöма, сідз, комиа-роча кывкудйö вöлі содтöма молодцовичаөн гижöм шуанног.

Ми кӱсйим, медым йӱзыс вермисны вӱдитчыны кывкудъяснас кык ногӱн: ӱти-кӱ, оффлайн (кор интернет абу), мӱд-кӱ, онлайн (ӱтуввезйӱн).

Оффлайн версия вӱли вӱчӱма *GoldenDict* программа кышӱдын. Тайӱ программа отсӱгӱн позьӱ корсьны кывъястӱ весиг вежлалӱм форма серти. Шуам, сюри школьниклы текстсы кыв «пырис». Сийӱ вермӱ пуктыны буретш тайӱ формасӱ корсянтор пыдди, а программа сетӱ сылы подув форма — «пырны» и гӱгӱрвоӱдӱ рочӱн, мый сийӱ лоӱ. Тайӱ жӱ программаӱ ми скойим иллюстрацияяс да аудио файлъяс, бара велӱдчысыястӱ тӱд вылын кутӱмӱн. Нӱшта ӱти буртор *GoldenDict*-ыслӱн — интернеттӱг уджалӱ. Но тайӱ программаса кывкудъяс ми выльмӱдам гежӱдика. ӱд медым мыйкӱ выльсӱ пыртны сӱтчӱ либӱ вежны тырмытӱмтор, колӱ медводз миянлы став база выльмӱдны (нокыс уна, кадтӱ ӱна сӱйӱ), а сӱсся вӱдитчысы мортыслы лоӱ выльмӱдӱмсӱ перйӱны ӱтуввезйӱсы да пуктыны аслыс компьютерӱ. Тайӱ оффлайн версиялӱн минус.

Онлайн версия, мӱдарӱ, пыр сӱвмӱ. Сийӱ ӱшалӱ интернетса *dict.komikyv.ru* сайтын. Сӱтчӱ быдпӱлӱс выльторъяс пуктыны зӱв кокни. Тшӱтш и тырмытӱмторсӱ бырӱдны. Сайтас вежин дай. ӱтуввезса кывкудйӱсы сюрас кывлӱн сӱмын сийӱ форма, кодӱс корсян, подув формаыс оз пет. Та пыдди корсяна кыв формасӱ сайтса программа вӱзийӱ тшӱтш торъя видлӱгъясысы, сӱрникузясысы. Тадзикӱн позьӱ адзыны уна контекст. Но ни аудио файл, ни серпас танӱ абу на. Коркӱ, гашкӱ, лоас.

ӱни кыкнан версияын эмӱс комиа-роча да роча-комиа ыджыд кывкудъяс да ӱткымын ичӱт кывкуд. Сӱсся ми чайтам лӱсьӱдны кык туйвизь. ӱтиыс — вӱчны коми кывкудсӱ интегральнӱйӱн, медым сӱни вӱли быд кыв йылысы тыр информация — орфоӱпия, диалектса да орфографияса вариантъяс, вежласян бала, синоним-антоним, этимология, став позяна контекст. Мӱд визь кузя ковмас сӱвмӱдны кывкудсӱ коми кывйӱ велӱдӱм могысы. Татчӱ лоӱ бӱрйӱны медтшӱкыд кывъяс да фразаяс, и мед найӱс позяс оз куш лыддыны, а и кывзыны. Велӱдан могъясӱн жӱ лоӱ татшӱм сикас кывкудйӱ и унджык серпас сетны.

Коми кыв корпус

Медым коми кыв серти мукӧд программа уджаліс бура, колӧ налы лӧсьӧдны текстӧвӧй база. Мӧд ногӧн кӧ шуны, колӧ чукӧртны уна-уна коми текст. Та могысь миян вӧлі сканералӧма да пӧртӧма текст форматӧ сюрс-мӧд коми небӧг да журнал. Мыйкӧ мында небӧг-газет-журналса текстъяссӧ вӧлі босьтӧма издательствояссянь pdf форматын да сэсся конвертируйтӧма.

Тайӧ нырвизь кузя уджным мунӧ кызвийӧ со кутшӧм ногӧн.

Медводз текстъястӧ сканируйтам. Войдӧр кӧ уджалім планшет сканерӧн, кӧні позис вӧчны час чӧжӧн 120 скан, сэсся миянлы сетісны ыджыд (с. ш. планетарной) сканер. Сійӧ лэдзӧ часнас 1200-ысь унджык скан. Тайӧ тӧдчымӧн кыпӧдіс эффективлун. Сканируйтӧм бӧрын сканъястӧ тшӧтшӧдам да вӧчам наысь pdf файлъяс. Быд небӧг либӧ журнал нумер — торъя pdf-ка. Сэсся став текст колӧ лыддыны *ABBY FineReader* программаын, кытчӧ ми лӧсьӧдім содтӧд, комиӧн тексталӧм могысь. Лыддигтырйи вежам ӧпечаткаяс да компьютерлысь сорсьӧмсӧ.

Быд небӧг йылысь вӧчам *wiki.fu-lab.ru* сайтӧ пасйӧд, кытчӧ гижам, кор, кодӧ да кыдзи вӧчлӧма небӧгсӧ, пуктам юриндалысь, юӧртам сы йылысь, кутшӧм ӧпечатка вӧлі вежӧма да кодӧ и кор миян тайӧ небӧгсӧ пӧртіс эл. форматӧ. Сэтчӧ жӧ лӧсьӧдам информация и быд автор серти, кутшӧм небӧг да гижӧд сылӧн петӧма. Ставсӧ ййтам гиперыстӧгӧн. Тадзикӧн миян ӧти сайын артмӧ коми библиографияысь ыджыд каталог.

Быд небӧгса став текст сэсся колям .txt либӧ .odt формата ӧти файло. Торъя гижӧд (произведеннӧ) водзӧ ӧтмоза пасьям, кытысь босьтӧма сійӧс. Став файлсӧ нимтам небӧг гижысь да петан во серти. Сэсся быд гижӧд кутам тэчавны торъя файлъясӧ. Ӧні мӧвпалам сы йылысь, кыдзи бурджык вӧчны индексация. Базалысь ӧтувъя йӧрышсӧ 2015' во пом кежлӧ планируйтӧма вайӧдны 20 миллион кылаинӧдз, м. ш. став коми текстын лоас 20 миллион торъя кыв. Сэсся, дерт, пондам базанымӧс ыджӧдны — прессаным тай век на петӧ, дай кодсюрӧяс мичмыд¹ литература на гижалӧны комиясыд.

Морфологияса пасйӧдъяс текстъясӧ кутам вӧчны таво арнас. Подувнос лоас миян спелл-чекерлы дасьтӧм база, кодӧс лӧсьӧдігӧн миян вӧлі стӧчмӧдӧма коми кыв вежлалан балаяс да чукӧртӧма вель ыджыд кывӧктӧд. Идея серти, сэсся позяс торъя программа ӧсӧгӧн корсьны базаысь быд кыв, суффикс либӧ кывтэ-час да видзӧдны, кыдзи сійӧ лӧсялӧ мукӧд кывкӧд либӧ формакӧд контекстын. Тайӧ программаыс ӧтлаын базанас шусьӧ коми кыв корпус.

Медыджыд падмӧднас тані петас омонимия, кор тай ӧти кывлӧн либӧ формалӧн эм некымын вежӧртас. Шуам «пыр» вермас лоны и кадакывйӧн (гортӧ пыр!), и кывторйӧн (пыр и тӧді), и кывбӧрӧн (ӧшинь пыр аддзис). Конкретика гӧгӧрвоны позьӧ сӧмын контекст серти. Татшӧминъяссӧ ковмас видлавны филологъяслы ас синмӧн, машинаыд тайӧс вӧчны кытчӧдз оз сяммы.

Коми кыв корпусас лоас некымын юкӧн. Шуам, мичмыд литератураысь проза да поэзия юкӧнъяс, публицистика текстъяс, велӧдан гижӧдъяс, вичко литература, техника гижӧдъяс да мый да.

Ӧні кыв корпус подулын ӧнія ногӧн гижӧм текстъяс (1938' во помсянь лэдзӧмыс). Эм поэянлун автоматӧн вуджӧдны ӧнія гижантуй вылӧ и важджык графи-

¹ *Мичмыд* — художествоа.

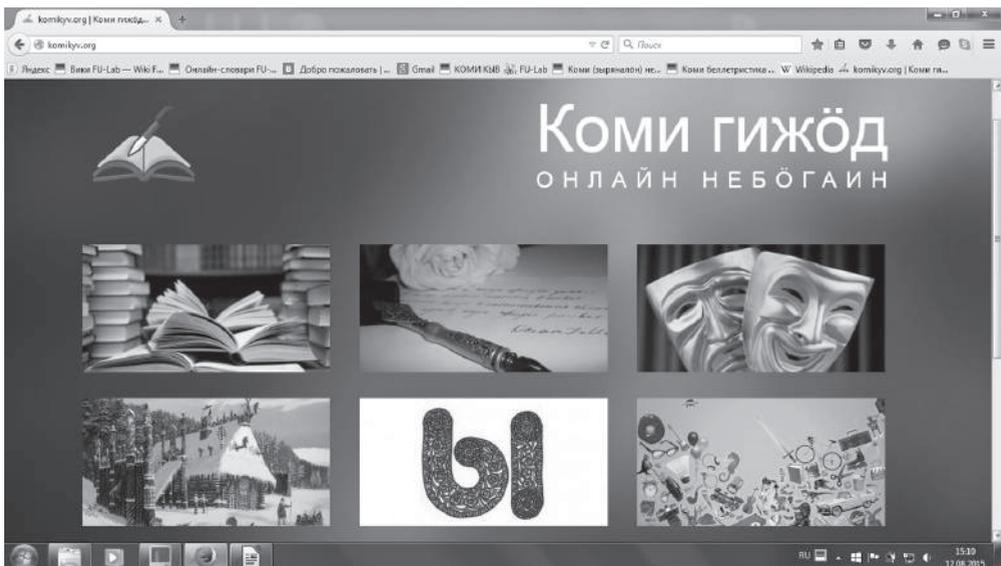
каясөн личкөдлөмсө. Миян Кылнаса* ёрт лөсьөдөма торъя программа — Болтачев конвертер, медым пөртны Молодцов гижантуй өнiя коми графикао да мөдарө. Конвертация бөрын колө, дерт, ставсө видлавны, орфографияыс сәки и өнi буракодь торъялө да. Та могысь колөны йөз, кодлөн гаж петө важ гижөдъяс туявны, медым гөгөрвоасны молодцовичатө пытшкөссиянь. А татшөм йөзыс миянлы эз на сюрны.

Коми небöгаин онлайн

Важөн нин коми йөзыс элясьöны, зэв пö сьökыд аддзыны коми небöгъяс. Ковлө пö корсюрö мыйкө лыддыны, а некысь оз сюр. Весиг гортын кö небöгыс эм, лоö на и тöдвылө уськөдны, кöнi сийö, да стöч-ö сәни йөзөдөма вöли корсяна гижөдыс. Зэв уна кад мунö та вылө.

А эм жö петан туй и тайö майшөгысь — электрон библиотека онлайн (интернетын). Таво тулыс татшөмыс воссис и комияслы. Нимтiм тайö онлайн небöгаинсö «Коми гижөд» да пунктiм *komikyu.org* сайтö. Электрон библиотекасö лөсьөдiм сы могысь, медым веськыда сетны мичмыд литература, кодi чукөрмө миянын, коми йөзыслы. Медым сәсся нинөм оз падмөд коминас лыддысьбөмысь. Небöгаинас некымын юкөн: проза, поэзия, драма, фольклор, челядълөн гижөмыс да мукөд. Позьö гижөдтö корсьны сы ним серти, автор серти, небöг ним серти, петан во серти да жанр серти. Позьö видзөддыны и ставнас пытшкөссö, мый небöгаинас эм, корсянтортö стöчмөдтөг. Шуам, став проза гижөдсө, став кывбурөн гижөмсö да мый да.

Тавося август кезлө комияс вермөны нин лыддыны онлайн кывбуръяс И.А. Куратовлысь, П.Ф. Клочковлысь, М.Н. Лебедевлысь, Е.В. Потаповлысь,

* *Кылнаса* — Кировса.

Петыр Саньолысь (А.П. Мишарина), Ф.В. Щербаковлысь, А.Н. Старцевалысь, О.Н. Баженовалысь. Проза гижысьяс пöвстын небöгаинас эм И.И. Белых, Паш Вась Öльöксан (А.В. Ульянов), Жугыль (Н.П. Попов), Е.С. Афанасьев да Е.Е. Афанасьева, Парма Вань (И.И. Ногиев), Öнбө Агни (А.А. Суханова).

Тадзикöн öти гожöм чöжөн миян библиотекаын лои подув фонд. Шуим и водзö йöзöдны небöгаинас коми кывъя текстъяссö. Oz кө торк тайö копирайт йылысь роч оланпас, мөд ног шуны, текстыс кө важ, либö абу кө паныд йöзöдöмыслы авторыс ли сылөн йылöмыс, инöда йöз. Сійөн ми и шыödчам на дорö, мед лэдзасны йöзöднысö. Тайö гижöдъяссö восьтам ас коми войтырлы öд, а ог кодлыкö. Онлайн небöгаиннас вöдитчöмысь мынтысьны некодöс огö тшöктöй, но и авторъяслы мынтыны огö вермöй. Ас вылö босьтiм содтöд удж да, коми войтырыслы бур вöчöм могысь.

Комияс, вайö уджавны öтвыв!

Лаборатория восьтiгөн ми көсйим отсавны коми войтырлы петны туналöм кытшысь, ситуацияысь, кор дас-мөд коми кантора да котыр вöчöны уджсö ас кежаныс, медсясö тшук аслыныс сьöм перйöм могысь, мукöдыскöд волысьлытöг и весигсö конкуренция вöсна мöда-мöдныскöд скöралiгмоз. Зiлим öтувтны коми гижöд кыв паськöдан удж гөгöр ставнысö, кодi сiдз ли этадз пуктö либö вермис эськö пуктыны пай тайö уджö. Колö шуны, мый тайö миян зильöмыс мукöдлатi артмис, мукöдлатi эз. Зэв заведнö овлö, кор вöзъян йöзыслы отсöг, коран найöс öтув вöчны бур делö асланыс жö войтырлы, а тэнö киськалöны пеж ведраысь моз: конкурент петöма да öнiя либö гашкöя бизнес торкны көсйö. Примеръяс вайöдны ог кут, асьныс тöдöны. Но нöшта на тöдчöда: сэки, кор коми кыв тöдысь йöзыс öдйö чинö, кор сöмын котыртчöмөн-öтувтчöмөн позьö лöсьöдны чужан кывтö водзö сöвмөдöм могысь зумыд подув, некыз оз лöсяв пуктыны аслыд мог пыдди кокни сьöм.

Чужан кыв видзöм-сöвмөдöм могысь комияслы уджавны быть öтвыв. Медым вöчны медводдза воськов коми кооперациялань, колö медводз тöдмавны, кодi мый вöчö коми кыв серти. Миян вики лист бокин эм «Коми кывъя сайтъяс интернетын» лыддьöг. Мый эськö тайö списоктö не пуктыны быд коми кывъя сайтö. Öд сэки коми йöзыс вермасны зэв кокниа öта-мöдныслысь адззыны кола-на юöрсö.

А чужан кыв серти уджыс комияслөн юр выв тыр. Колö ставсö тайöс котыртны сiдз, медым быд коми кантораыс пырöдчис тайö уджö ас профиль серти.

Некымын видлöг.

Зэв уна во чöж Сыктывкарын некыз оз вермыны воны öти кывйö, кызди гижны коми топонимъяс, микротопонимъяс. Кымын во нин коми термин-орфография кузя комиссия видлалö торъя вуджöдöмъяс, туй вольсалигад öд колö пасйыны ин нимъястö. Та вöсна бур эськö вöли вöчны öтувъя список, көнi республикаса топонимъясыс лоасны и рочөн, и комиөн. Тайö могыс буретш кивыв картографъяслы да ИЯЛИ-са топонимистъяслы. Материалыс коми топонимикаысь чукöртöма аминь уна: студентъяслөн, музейясын, школаясын — колö сийöс öтувтны да вайöдны стандартнöй орфографияö. Дерт, бур, кор öтувъя коми топоними-

касö лöсьöдигөн кутасны пыдди пуктыны коми менталитет, коми народнöй эти-мология: шуам, Вörкута, Синдор ты, Коммуна туй; оз ков вунöдны и важ небöгö кольöм нэмöвöй формаяс: Мöсква, Вөлöгда, Кардор.

Важөн нин вöли чайтам восьтыны коми кывйö велöдан портал. Портал гөгөр позяс öтувтны специалистъясöс. Найö кутасны пуктыны сэтчö разнöй арлыда да подув тöдöмлунъяса йöзлы велöдан курсяс: традиционнöй ногаöсь да интерактив сямаöсь. Татысь мед сюрасны коми кывйысь упражненнöяс, велöдысьяслы методикаяс, онлайн-лекцияяс, видео-урокъяс, ворсöмъяс. Быть колö быд ногөн кыпöдны-нимöдны татшöм порталсö, медым ставөн тöдисны, мый эм татшöм бур сайт, медым ставөн вермисны сийөн кокниа вöдитчыны. Сидзсö тайö лоö КРИРО-лөн профиль, на водзын и колö пуктыны тайö могсö. Но криросаяс вермасны татшöмтор вöчны сöмын сэк, кор став мукöдыс, кодi кутшöмкö бокөн инмö тайö нырвизяс, кутасны быд ног отсасьны...

Сэсся электрон кывкудъяс. Найöс колö пыр содтавны да бурмöдавны, специализируйтны. Öни выль, вöйдөр вöвлытöм позянлунъяс вöсьöны тайö нырвизь кузя кыв корпус лöсьöдöмысла. И быть колöны профессиональнöй лексикографьяс. Öнияяс вывтi этшаöнöсь. Колö дасьтыны том специалистъясöс, мед уджаласны сэсся ИЯЛИ-ын и сэни асланыс план серти пöртасны олöмö коми кывкуд лöсьöдан могсö.

Практическöя кыв сöвмöдан уджö колö пыр ышöдны студентъясöс. Öни вузса велöдöмыс практикаысь вель ылын. Колö вöчны сидзи, мед коми кыв да литература велöдысь студентъяс тöдмалисны наукасö коми йöзыслы збыльвыв пöльза вöчигөн.

Коми библиотекаряслы позьö жö комилы бур вылö уджалыштны: коми кывъя библиографияяс лöсьöдны, электроннöй библиотекаяс тыртны коми небöгөн, зильны, мед тайö небöгъясöс позис кокниа судзöдны коми йöзыслы.

Миян эм коми телевидение да коми радио. Весиг кык компания: öтиыс — ставроссияса, мöдыс — республикаса. Кыкнанныслы эськö колö тöждысьны, мед коми кывйыс вöли приоритетнас. Öни телевизорысь выльторъястö видзöдiгад чйтсьö, мый республикаын сёрнитны комиён кужöны сöмын дикторъяс. А йöзыс — рочöсь. Оз весиг дублируйтны, ни оз субтитравны рочөн сёрнитысьяссö. Падмöдыс кö техникаын, позьö сёрнитчыны да öтув аддзыны петан туйсö. Дерт, став важ коми передачасö тайö компанияяслы колö петкöдны сайтаныс. Медым коми мортыд кöть кутшöм кадö вермас найöс видзöдны. Мыйсюрö, дерт, эмышт нин, и тайö зэв бур, но вывтi нин этша...

Радио да телевидениеын юргысь стиль серти, да и газетъясын гижанног серти, бур эськö вöли нуöдны йöз син водзса ыджыд сёрни. Öния коми журналистъяс пöвстысь пöшти некодi эз велöдчыв збыль коми школаын (сийöс вöли бырöдöма 1960–70' воясö). Сийөн быть лоö кыв боксянь дугдывтöг велöдчыны, тшöтш и аслас да йöзлөн öшыбкаяс вылын. Йöз синмын тай желлыс тыдалöджык. Но та дырйи оз ков лөг пестыны да дузъявны, а мöда-мöдöс да чужан кывнымöс пыдди пуктöмөн рациональнöя корсьны, кызди йöзлы мөрччанаджык да стöчджыка гижны-сёрнитны коми ногөн. Миян коми гижöдъясын да гижöд выв сёрниясын роч калька-штампыд вывтi уна — важъя висьöмыс тайö, шуны кö нин. Но öни роч кывтэчасьяссьö веськыда вуджöдигөн нöшта зильöны, колö и оз, шöтны неологизмъяс. Та вöсна прöстöй йöзыслы сэтшöм гижöд-сёрнитö сьöкыд гөгөрвоны.

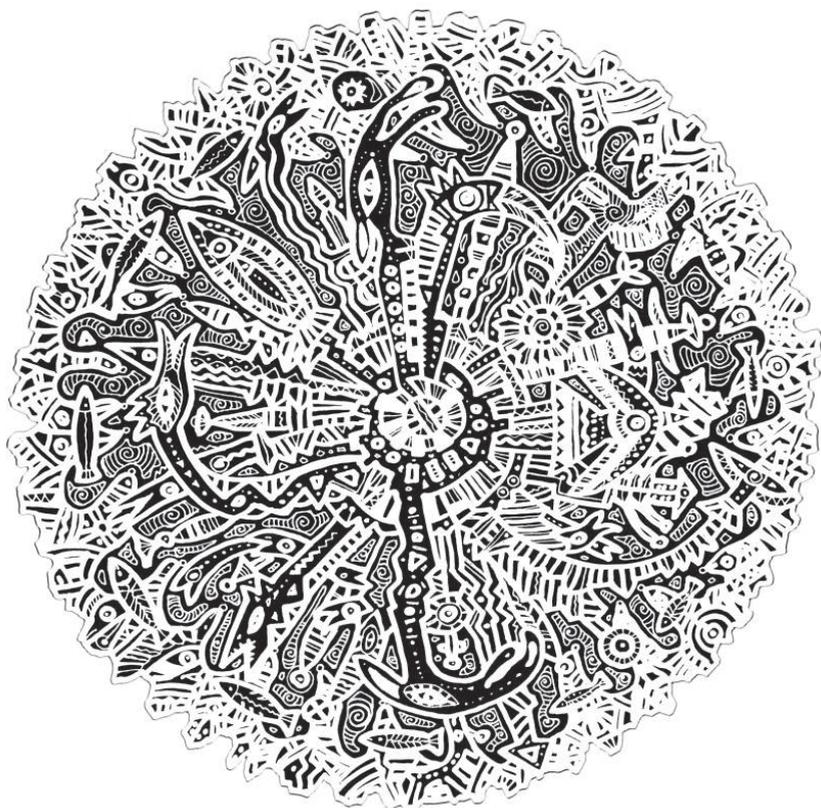
Бөрдөдмөн лоо. Кад нин мездьсыны татшөм лёк модаысь да этш төдны. Вайой кызкө отув бөръям-дасьтам журналистикаса быд темаысь бур коми текстъяс да пуктам найос образеч пыдди, медым позяс кокниа судзөдны интернетьсь, зэв бур киподув материал лоас өдийö гижысь котырыдлы.

Отуввезйö жö колö осьтыны выльторъяса коми кывъя портал да чукөртавны сэтчö республикаса өнйя лоомторъяс йылысь став гижөд, мый петö разнöй котырсая коми журналистъяс бордтыв улысь. Дай мирса «бөръя юөръяссö» комиодавны да татчö жö содтавлыны...

Йöзпöвстса водзмöстчöмсö ыззьöдигөн, окота шыödчыны и республикаса юралысьяс дорö. Тiян кийн став ресурс и механизм, медым отсавны коми йöзыслы котыртны чужан кыв сöвмөдан удж. Кызди петкөдлö практика, тшöтш и миян, Финн-йöгра кыв лабораторияын, та вылö оз ков вывтi уна сьöм, лоас кө сийöс вичмөдöма стöча индöм удж вылö и видзöма эффeктивнöя, конкретнöй результат мед вöлi бөръяпом. И босьгчасны кө ставөн уджö, коми войтырным вуджас выль эпохаö коми кывъяөн, а миян гижөд кыв Коми Республикалы век кежлö коляс каналан кывъясысь öтиөн...

Арт-факт

Тамара Кольчурина

Тамара Семёновна Кольчурина, родилась 25 февраля 1945 г. в г. Кудымкар Пермской области.

Основные направления творчества: ткачество, вышивка, рисунок; научно-исследовательская деятельность в области этнографии, истории традиционного костюма.

В 1986 году окончила Сыктывкарский Государственный университет. Защитила дипломную работу по теме «Традиционный костюм коми кон. XIX – нач. XX вв.». С 1993 по 1997 работала в Коми научном центре, в секторе этнографии.

В 1993 году создала единственную в Республике мастерскую по изготовлению традиционного народного костюма «Левана», в котором является руководителем и главным художником. В костюмах «Леваны» выступают коллектив Михаила Бурдина «Зарни Ань», Лидия Логинова, Альфия Кортаева, учащиеся Гимназии искусств при Главе Республики Коми и др.

Её работы находятся в фонде декоративно-прикладного искусства Национальной галереи Республики Коми.

Член Союза мастеров Республики Коми с 1993 г.

В 2008 г. Т.С. Кольчуриной присвоено звание «Народный мастер России» в г. Москве. Продолжает работать в этом же направлении в г. Сыктывкаре.

Коми народная одежда

Народный костюм коми — это, можно сказать, прекрасный мир художественных образов, созданных многими поколениями. Это и своеобразный рассказ о человеке. По одежде можно было судить, откуда человек родом, богат ли, замужняя ли эта женщина. Отличить замужнюю от незамужней было просто — по головному убору.

В разных местах Коми края одежду ценили за разные качества. Положим, на Вычегде или в Прилузье выше ставили не красоту одежды, а её добротность, практичность. А вот ижемцы, наоборот, больше смотрели на яркость, сочность красок, богатство костюма.

Те, кто был поденжнее, одежду обычно шили из дорогих привозных тканей. Бедняки довольствовались «ансамблями» из домотканых холстин. Зажиточные хозяева могли позволить себе вышивку бисером, шёлковыми, серебряными и даже золотыми нитками. В домах же, где едва сводили концы с концами, детям подчас даже на штаны не хватало. Младшие дети донашивали одежду старших, а добрую обнову справляли только к совершеннолетию. Одежда коми крестьян в общем была довольно разнообразной.

Девушка задолго до замужества начинала готовить себе приданое: собирала нитки, ленты, крючки, вечерами вышивала, вязала рукавицы, тёплые носки, ткала полотно на полотенце и рубахи.

В общем, до конца XVIII века одежду в Коми крае шили в основном из до-матканного холста.

В следующем столетии, с развитием купеческой торговли, в коми костюме понемногу стали «вплетаться» фабричные ткани, появилась готовая обувь. Холсты начали вытесняться привозными тканями. Но и тогда в разных районах края предпочитали один материал другому из-за дороговизны. Иные товары почти не брали. Пуговицы, например, сами вырезали из толстой кожи.

Народная одежда коми во многом сходна с северорусской. Близкое соседство, тесные культурные и экономические связи Коми края с Севером России не могли на ней не сказаться. Например, в южных и восточных районах края была распространена вышитая и вытканная отделка красными хлопчатобумажными нитками. Как русские, так и коми носили рубахи (сос), сарафаны (сарапан).

Коми мужской костюм по отношению к женскому более однотипен и в старых, и в новых разновидностях: холщовая рубаха навывпуск, подпоясанная ремнём или пояском, такие же холщовые штаны, заправленные в шерстяные носки, на которые навёртывались онучи (портянки), затем надевались бахилы или сапоги. Поверх рубахи надевали кафтан, на него — зипун или сукман, зимой — шубу из овчины. Голову покрывали войлочным шлыком либо овчинной шапкой. Северные коми, ижемцы, например, облачались в малицы, обували пимы — заимствования из ненецкой национальной одежды.

Женщинам, как известно, одинаково рядиться не пристало. Поэтому даже обычные повсюду сарафан и рубаха в различных районах выглядели по-разному.

Различались женские наряды, ещё и смотря по какому случаю их надевали. Домашняя одежда, например, состояла из холщовой рубахи, пестрядного или крашенного сарафана (шушуна или шушина) и короткой распашной кофты. Верхней рабочей одеждой служил дуник или шабур (род армяка), а зимой — овчинная шуба. По праздникам наряжались в разного рода суконные свитки (широкая долгополая верхняя одежда без перехвата). На ноги в обычные дни надевали шерстяные носки с онучами и кожаные коты (род полусапожек). В праздники некоторые красовались в башмаках. Головы девушек украшали ленточные перевязки, женщин — кокошники. Вообще наряды на выход, пошитые обычно из тонкого холста или сукна, позже из шёлка, берегли пуще глаза, хранили в сундуках, и отпирали их только в дни престольных праздников и свадебных гуляний.

Но и на этом различия не кончались. Были ещё местные особенные виды одежды — по употребляемой ткани: сысольская, вычегодская, прилузская, ижемская, удорская.

Сысольским женщинам больше приходилось по вкусу сарафаны из пестряди (грубая льняная ткань из разноцветных ниток), сатина, атласа; верхневыхогодским — из набивного холста, сатина. Прилузским модницам полюбилось сукно разных цветов и только завозное. Ижемки наряжались в атлас, штапель, туаль (лёгкая хлопчатобумажная ткань), кашемир (тонкая шерстяная или полушерстяная ткань), шёлковые сарафаны с растительным орнаментом. Женщины с Удоры предпочитали крашеный холст (синяк), (штоф) (тяжёлая шёлковая или шерстяная ткань), парчу (шёлковая ткань, затканная серебряными или золотыми нитками), альпак (тонкая плотная шёлковая ткань), сукно.

Были и ещё отличия — в технике кроя, но об этом в своём месте.

В двадцатых годах нашего столетия коми национальная одежда стала редкостью. Правда, в середине 20-х журнал «Коми му» оптимистически уверял, что «...Если и замечается у зырян перемена своего костюма на общеевропейский, то это касается только известной части населения (мещане, мастеровые и крестьяне в праздничные дни) и объясняется не только с общекультурной точки зрения, а главным образом переменой экономического быта».

Перемена экономического быта, однако, продолжалась, неизменно менялся коми костюм, как, впрочем, и костюмы других народов России. Общеевропейское гражданское платье быстро вошло в моду, а появившись на селе, скоро там прижилось. И уже в тридцатые годы мужской костюм коми почти не отличался от городского.

Женщины не так легко расставались с привычными нарядами и продолжали носить их ещё несколько лет после войны. Но в конце концов всё же рассовали их по бабушкиным сундукам.

Ничего не поделаешь: процесс ускоренного раскрестьянивания, который широко и победно развернулся по всей стране в 20-е годы, достиг и её окраин, исковеркал традиции крестьянского быта, поломал многовековой уклад жизни селян, заставил-таки принять новую «общекультурную точку зрения».

Теперь человек в национальной одежде вызывает лёгкое недоумение, если он не надел её по причине какого-либо общественного торжества. Впрочем, есть ещё места, где национальная одежда — такое же обычное явление, как брюки на горожанине. Это Кольский полуостров, Сибирь (Обь), Крайний Север. Там и сегодня сарафан, цветастый платок, пимы, малица, сёвик (верхняя оленья шуба, надеваемая на малицу) — не в диковинку. И сарафаны, и платки носят не только старушки, но и молодые женщины, даже дети. А без малиц и пим не обходится ни один оленевод.

Кстати говоря, с пимами и теперь едва ли сравнится хоть один вид отечественной промышленной обуви. Потому-то они не заменимы в качестве зимней обуви на Севере.

Хороши и вязаные узорные чулки-гамашы (чулки без ступней, надеваемые поверх обуви наголенки), варежки с коми орнаментом. Их женщины любой национальности брали с охотой, особенно варежки.

А вот другие элементы народной одежды коми не выдержали испытания временем, и про них забыли. Забыли даже исконные коми, особенно молодые. Мало кто коми сегодня представляет, как выглядела одежда их прародителей, между тем наши соседи удмурты куда лучше знают, как одевались их предки.

А ведь знать — значит, помнить. Помнить и чтить прошлое своего народа, не терять своего национального облика. «Народы, теряя память, теряют жизнь», — сказал писатель-публицист В.Н. Чивилихин. К этому трудно что-либо добавить.

Через одежду можно отчасти познать историю коми народа, его своеобразный характер, самобытность. Национальный костюм — это историко-культурный памятник, национальный символ, и пренебрегать это значит утратить часть своей культуры.

Но пусть читатель не подумает, что автор — за повсеместное ношение коми народной одежды. Это немислимо. Другое дело, если участники важных торжеств,

юбилеев, государственных мероприятий увидят девушек и юношей в коми национальных костюмах. Тем самым мы не только подчеркнём национальный характер республики, но и отдадим дань уважения коми народу, его истории, традициям. Тем самым восстановим нашу память.

Азбука костюма

Народная одежда замечательна тем, что она удобна и носка. Красивой её не всегда назовёшь, кроме праздничной, конечно, которую стремились смастерить так, чтобы была всем на зависть.

А смастерить одежду — любую, не только праздничную, — было не так уж просто. Ведь прежде лён надо вырастить, если не сказать вынянчить, выделывать его, приготовить из него пряжу, из неё соткать холст, раскрасить его и только тогда шить.

Особенно много труда требовала выделка льна: сперва его долго вымачивали, потом сушили, после мяли, трепали, чесали и наконец пряли пряжу. На всё это уходил не один день. Про лён даже загадку загадывали: «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царём посадили».

Нити пряли разной толщины, смотря по тому, какой холст желали получить: грубый — для рабочей и повседневной одежды или тонкие — для выходной. Потом нить сновали — готовили из неё основу для будущего полотна, которую заправляли в ткацкий станок.

Готовая холстина по-коми называлась «от», значит, полоса. На разную одежду было своё число отов. К примеру, сарафан выходил из шести-семи отов, рубаха — из трёх-четырёх.

Одежду на выход шили из особого, браного, холста. Его получали, пропуская на ткацком станке через продольную основу поперечную нить — «уток». Основа была белой, уток красным.

В конце прошлого и начале нынешнего веков — а об одежде именно этого времени и пойдёт речь — простой неукрашенный холст на пошив уже почти не шёл. Модным стал холст набивной.

Набивку, или узорный рисунок, орнамент, наносили на ткань набивными досками с вбитыми в них с одной стороны деревянными или металлическими шпильками. Шпильки вставляли таким образом, чтобы получался узор. Мастер брал доску за ручку с обратной стороны от шпилек, обмакивал их в краску и прикладывал к холсту — печатал рисунок. До набивки холст обычно синили.

Набивному искусству в Коми крае научились довольно поздно, в конце XIX века, от вятских и великоустюгских умельцев. Звали их синильщиками, а печатали они не только холсты, но и скатерти, полотенца, фартуки — всё, что ни попросят. Больше набивали ткани на Верхней Вычегде, Сыsole и на Удоре.

Наконец, приходила пора кроить. Этому ремеслу коми крестьяне обучались с малых лет, и всякий мастер хорошо знал, как раскрыть детскую, женскую, мужскую одежду. К последней мы и переходим.

Мужская одежда

Раскрыть мужскую одежду было делом нехитрым. Например, нательную рубаху.

Мужская рубаха. Два центральных полотнища шириной по 40-45 сантиметров, две прямые или чуть скошенные полосы на бока, прямые полосы на рукава, квадратные, чаще из кумача, ластовицы (кунлос) под мышки, клинья в подол — вот и вся рубаха. Скорее, даже не рубаха, а туника, которую когда-то носили древние римляне, а много позже русские крестьяне.

Справа сверху от шеи делали небольшой разрез. Иногда пришивали высокий стоячий ворот. Тогда начинались украшения.

Ворот оторачивали кумачом, спереди его стягивали завязками: пуговицы в ходу ещё не были. Красными вытканными полосками или яркой вышивкой обрамляли рукава, подол. В такой рубахе, схваченной вдобавок по талии узорчатым пояском, одевались не в праздничные дни.

Штаны. Их уже было два вида: нижние и верхние.

Нижние, порты, делали шире верхних и из грубого холста, между штанинами вставляли клинья. Верхние на лето шли из пестряди, а чаще — из синей ткани в белую полоску. На зиму готовили штаны из более тёплого сукна, домотканного или фабричного, обычно чёрного. Но по тёплой летней погоде обходились одними портками.

К низу штаны сужали, чтобы легче было заправить их в ноговицы, в длинные шерстяные носки или в сапоги. Передний разрез стягивали завязками, как ворот на рубахе.

На работу как мужчины, так и женщины выходили уже в шабуре, надетом поверх повседневной одежды. Мужчины, конечно, охотиться или ловить рыбу, женщины — по дрова.

Шабур. Он представлял собой долгополый кафтан или армяк из синего крашеного холста с рукавами и отложным воротником — шалью. Правая пола запахивалась на левую и затягивалась на два крючка. Спинку выкраивали по линии талии, к ней пришивали подол в мелкую оборку. Перед был неотрезным и выкраивался из целого куска холста. Изнутри шабур подбивали белой холщовой подкладкой. Зажиточные крестьяне обшивали ворот чёрным бархатом.

Но для серьёзного промысла зверя и дичи шили уже специальную охотничью одежду. Ведь лес да река кормили коми крестьянина, как писал об этом известный в прошлом веке писатель П.В. Засодимский (Вологдин), утверждая, что благодаря лесу зырянин сыт, одет, обут, согрет и может ещё уплачивать подати. Такой специальной одеждой был «лаз» или «лузан».

Лузан. Прямоугольная короткая накидка с прорезью для головы без боковых полотнищ и рукавов. Делали его чаще всего из домотканого холста (дбра) или сукна. Изнутри по нижнему краю лузана спереди и сзади прилаживали карманы, а со спины сверху — ремённую петлю для топора. По краям для прочности лузан обшивали узким сыромятным ремешком, на плечи накладывали «крылья». Иные лузаны на груди и плечах обшивали кожей. Для полного соответствия предназначению некоторые охотники пришивали к плечу погончик для ружейного ремня, а на груди — карман для пуль. Зимой к лузану добавляли капюшон.

Выходя на промысел, коми охотник непременно надевал лузан: он его обогревал, спасал от дождя и снега и служил мешком. В карманы лузана влезало до двух пудов груза: съестного, добытой дичи и пушнины, охотничьих припасов. Табак и спички хранились до поры в нарочно сшитых для них кармашках спереди.

Иной бережливый охотник, случалось, ходил в одном лузанае до десятка лет — вот уж, действительно, качество без всякой за него борьбы.

Вернувшись с охоты, коми крестьянин облачался в кафтан до колен, с застёжкой на левой поле. Либо надевал, по обыкновению, рубаху и штаны из холста, старый пиджак, поверх — шабур. (Ближе к концу XIX века стали уже носить однобортные пиджаки, а кто позажиточней — и пальто из фабричной ткани).

Дукёс. Ещё носили дукёс — армяк или кафтан из домотканого сукна длиной до колен, с обрезной спиной со сборками или расходящимися от талии фалдами.

Пась. В морозы в ходу были овчинные шубы — пась, которые шили местные овчинники. Пась была нагольной либо покрыта сукном. Шили пась и на праздники — на меху, с меховым же воротником и меховой опушкой и покрывали сукном. У богатых ижемских и печорских оленеводов таких шуб — и повседневных, и праздничных — было несколько.

Малица. Это глухая одежда прямого покроя из оленьего меха ворсом внутрь с рукавами, к которым пришивались рукавицы из камусов. Голову покрывал тугой капюшон, обшитый пыжиком. Поверх малицы надевали «рубаху» — чехол из плотной тёмной материи, доходящий до панд (широкой полосы из летней шкуры оленя, которую пришивали к нижнему краю подола).

Подпоясывали малицу широким ремнём (тасма) таким образом, чтобы она приподнималась выше колен. Так удобнее было промышлять зверя, да и просто ходить. При сильных морозах и в пургу поверх малицы надевали ещё и сёвик — ту же малицу, но мехом наружу.

Женская одежда

Женская одежда коми, конечно же, была ярче и разнообразней мужской. И хотя она состояла из юбки и сарафана, женщины умели её украсить. Через это убранство они старались передать народные традиции, эстетические идеалы и делали это мастерски.

Мы уже говорили об отличиях женской одежды по регионам республики. Посмотрим теперь на них с точки зрения техники кроя.

В XIX и первой четверти XX века коми женщины носили сарафаны.

Прилузские сарафаны. В Прилузье, особенно в селе Летка, их шили из китайки — шерсти тёмно-синего, вишнёвого и бордового цветов. Сам же сарафан так и называли «Китайка».

Этот сарафан закрытый, косоклиный, лиф на подкладе из пестряди. Спереди отделан плетёной тесьмой из шерстяных ниток, к ней пришиты мелкие белые пуговицы. Сверху вдоль ворота, проймы и спинки приторочены полоски из оранжевой парчи, а под парчой пройма и ворот обшиты кумачом. Выкроен сарафан, как и рубашка, из цельного куска холста. Спинка, перед и плечи необрезные. Сшит вручную.

Праздничный сарафан украшали парчевыми полосками вокруг ворота, на спинке, вдоль пройм. От разреза ворота до подола нашивали горизонтально петельки-восьмёрки, а по центру — мелкие металлические пуговицы на ножках.

Удорские сарафаны. На Удоре предпочитали носить синие сарафаны, так называемые синяки.

Украшали их так. Перед и бретели расшивали полосками парчи. Спереди посередине нашивали широкую тесьму, доходящую до подола без подклада, расцветенную шёлковыми нитями по оранжевому. Лиф — на белой холщовой подкладке.

У прилузских и удорских сарафанов были некоторые сходства и различия.

Сходства. И тот, и другой шились без корсетов. Перед сшивали из двух полных полотнищ, равных ширине бёрда¹, заднюю часть из одного, тоже по ширине бёрда. По бокам вшивались клинья, выкроенные из цельных полос.

Различия. Синяк был пошире китайки и с большим числом клиньев по бокам. Перед синяка обязательно украшали декоративными полосками, на китайке же их не всегда можно было увидеть. Лиф летского сарафана неотрезной, выкроенный из цельного куска ткани как туникообразная рубашка. Удорский сарафан — на обрезных бретелях.

Сысольские и верхневычегодские сарафаны. Тоже косоклинные, но уже с корсетом, собранным вкруговую в складки в 13-15 сантиметрах от плеч. Переднее и заднее полотнища прямые из цельных полос холста или сатина, боковые полосы выкроены клиньями, доходящими до верхней линии сарафана. Бретели пришиты отдельно на подкладе. На подоле три декоративные полосы.

Крой сарафана, сделанного из пестряди, очень походил на крой сарафана, сшитого из фабричных тканей (тафта, сатин, корсетная ткань и проч.).

Дубас. Сарафан с таким названием уже весьма отличался от описанных. Его шили только из набивного холста. Переднее и заднее полотнища дубаса были прямыми, боковые клинья доходили до самого верха. Заднее и боковые полотнища сверху собирали в мелкую складку, скреплённую толстой суровой ниткой. Корсет не прошивали. Бретельки спереди пришивали на расстоянии 16 см, сзади их соединяли чибь². Подол украшали тремя полосками из сатина.

Ижемские сарафаны. Эти сарафаны и вовсе не походили на те, что мы рассмотрели. Они уже были прямыми, какие носили в соседней Архангельской губернии, и шили их, как у соседей, лишь из фабричных тканей, броских, с растительным орнаментом. На такой сарафан не жалели и восьми полос. Смотрите, дескать, мой сарафан ширше и, знать, денег куры не клюют.

В то же время крой ижемского сарафана был довольно прост. Вся хитрость заключалась в том, чтобы собрать ткань в красивые складки позади и с боков. В центре спинки их делали глубокими и двойными, прошитыми вверху художественным швом в низкий корсет высотой 5 см. Бретели пришивались на расстоянии 5-6 см без «чиби». Подол расшивали кружевами и непременно чёрными. Кромку подола обшивали бахромой домашнего изготовления из овечьей шерсти. С левой

¹ *Бёрдо* — гребень, одна из основных частей ткацкого станка.

² *Чибь* — небольшой отрезок ткани, соединяющий бретели на спине посередине. Так его называют на Сысоле. Присущ только коми.

стороны для пушей прочности подол подшивали холстом или хлопчатобумажной тканью. Сарафаны с таким подкладом только ижемки и нашивали. Был ещё и корсет, обхватывающий фигуру только по бокам и на спине. Под грудь же он собирался на вздёжку.

* * *

Надо сказать, что деление сарафанов на виды по территориальному, так сказать, признаку несколько условно. Ведь женщинам свойственно выходить замуж и не всегда за соседа напротив, или просто переезжать. Так и появились «вдруг» ижемские сарафаны на Удоре, удорские — в Прилузье, прилузские — в Визинге.

Все женщины коми, носившие косоклинные сарафаны, перехватывали их узорчатыми поясками, подвязывая их слева двойным узлом, оставляя длинные концы. Начали носить в деревнях и сёлах по берегам реки Печоры и, как уже упоминалось, в Ижме.

Наверное, образ коми национального костюма был бы неполным без описания головных уборов — которых было множество и самых разных, — обуви и вязаных изделий. О последних речь впереди, а мы займёмся шапками — меховыми, суконными и прочими.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Мужские головные уборы

Суконные и меховые шапки. Мужчины в Коми крае издревле носили валяные суконные и меховые шапки, обычно белого, чёрного и серого цветов. Суконные валяные шапки были различной формы: с низкой тульёй и широкими полями либо наоборот — с высокой тульёй и приподнятыми, загнутыми кверху полями, так называемые колпаки (шлыки).

Ной. Шапка, сшитая из белого домотканого сукна. Околыш у неё был круглый, а дно четырёхугольным, несколько расширяющимся кверху. В швы вставляли полоски чёрного сукна и им же окаймляли околыш. Чаше встречалась на Верхней Вычегде.

Ур кыян шапка. По-русски это приблизительно означает «шапка для охоты на белку». Такую шапку шили тоже из домотканого сукна, но таким образом, чтобы не закрывались уши. Иначе не услышишь лай собаки. Верх шапки был четырёхугольный, а сзади к ней пришивали кусок плотной ткани, покрывающий затылок и шею.

Номдбра. Собственно это не шапка, а глухой капюшон из холста, закрывающий голову, шею, кроме лица. Такой же капюшон, но с сеткой из конского волоса спереди, назывался «ситка» — нечто вроде накомарника.

Долгоушки. Это меховые шапки, шитые из пыжика или неблюя¹.

¹ *Неблюй* — олений телёнок, а также шкурка из него, старее пыжика, до полугода.

Название — от длинных свисающих ушей. Носили ижемские и печорские коми. На Вычегде же и в южных районах края ходили в овчинных ушанках.

Но уже в прошлом веке повсюду пошла мода на картузы, в изобилии завозимые купцами. И теперь любой деревенский увалень, нацепив картуз, считал, что он городской и что девки должны за ним гуськом ходить.

Позже пошли фуражки, прочие стандартные вещи, такие, как костюм, пальто, и национальный облик коми крестьянина стал потихоньку таять.

Женские головные уборы

Прежде надо заметить, что в описываемое время считалось неприличным появление простоволосой женщины на людях, поэтому ношение головных уборов вменялось, так сказать, в обязанность.

Женщины, как известно, на выдумки, особенно по части одежды, хитрее. Горазды они оказались и тут — что ни убор, то загляденье, и нет двух одинаковых. Хотя в общем они делились на два вида: головные уборы девушек и замужних женщин.

Головные уборы девушек

Лента. Самый распространённый девичий убор. Представлял собой прямоугольный кусок парчи, нашитый на полоску шерстяной или шёлковой ткани, уложенный для прочности на холстину. К подкладке пришивали завязки, стягивающие ленту на затылке. К ним прикрепляли разноцветные ленты, спадавшие на спину.

В таком наряде любому можно было вскружить голову.

Берестяной обруч. Обруч из бересты обтягивали ярким красным сукном и узорно расшивали разноцветным бисером. Носили в южных районах, например, в селе Летка.

На Удоре в праздники девушки надевали широкую парчовую повязку с прикреплёнными к ней лентами. Сзади повязку застёгивали на пуговицы.

Так или иначе, но наступал конец девическим гуляньям. Приходила пора выходить замуж. К этому событию тогда относились как к очень важному и обставляли его многочисленными сложными и красочными обрядами. И, разумеется, были особые свадебные головные уборы, такие, как юр-ной (юр — голова, ной — сукно).

Юр-ной. Очелье¹ без дна, на твёрдой основе, обтянутое красным сукном, расшитое ярким бисером, блёстками и пуговицами. Перед чуть выдвинут. Тыльная часть — чаще всего из парчи или штофа. Характерно для Ижмы. Одевался только в день свадьбы на шаль.

Надевали юр-ной на распущенные волосы только после того, как невеста

¹ Очелье — перед кокошника.

сходит с подружками в баню и «смоет девью красу» в самый канун свадьбы. Причём непременно покрывали его мехом, дабы уберечь девушку от сглазу. А в самой бане надо было надевать лисью шапку по той же причине.

Ситка (сетка). Своеобразный головной убор, сплетённый из ниток на манер круглого чепца. Украшали бусами и лентами, надевали по праздникам — на рождество, святки — и просто на посиделки (войпуки). Носили в сёлах по Выми и её притокам.

В давние времена коми девушки носили длинную косу, вплетая в неё одну или более ленточек. А перед свадьбой подружки под пение и причитания расплетали её и водили невесту простоволосую по деревне. После свадьбы молодая жена заплетала волосы уже в две косы и укладывала их вокруг головы.

Вроде бы просто, но и здесь были свои секреты. К примеру, чтобы «сооружение» держалось дольше и было бы повыше, в волосы или в головной убор вкладывали валик из бумаги, льняных очёсов либо ткани. Назывались они по-русски: кичка на Печоре, рогуля на Ижме, коклюшка или клобук — на Вашке.

Головные уборы замужних женщин

Сборник. Головной убор на твёрдой основе, не повседневный. Формы обычно конической, шитый из парчи или шёлка, кашемира либо сатина. Состоял из чепца и околыша на подкладке, который спереди был вдвое шире, чем сзади.

Верх чепца, имевшего форму гребня, собирали на твёрдый валик из пакли или берёсты, а ткань, покрывающую валик, собирали в мелкие равномерные складки.

На лобную часть сборника повязывали патку — фабричный платок, сложенный полосой. Иногда вместо патки использовали ленту. Кроме того, сборник покрывали большим платком — чышъян ота, — концы которого закаливали под подбородком.

Этот убор можно было чаще встретить в сёлах по Вычегде и Верхней Печоре.

Юртыр. Тоже высокий головной убор, на берестяной круглой основе, как туес без дна. Сверху покрывали платком.

Треюк или ошувка. Этот убор мягкого типа, какой предпочитали больше, шили его из парчи с подкладкой из кашемира либо сатина. Формы обычно прямоугольной, с затылочной частью намного длиннее налобной. Укрепляли треюк на голове завязками, а сзади к нему пришивали две шёлковые ленты. Надевали его на простой чепец — вёлсник, сверху покрывали богато расшитым шёлковым платком — сырья чышъян. Носили на Ижме.

Юр кёртёд. Убор для молодой жены, повязывали после венчания. Представлял собой шёлковый красный платочек, на который надевали платок большой. Никогда более не снимался, разве что перед сном.

Вёлсник. Шили его из пёстрога ситца, на голове он удерживался ситцевыми же завязками. Формы овальной. В ижемских и печорских сёлах поверх волосника надевали кокошник, шитый обыкновенно из тёмно-красного бархата на подкладке. В переднюю часть кокошника для большей устойчивости вкладывали матерчатый валик. Покрывали большим шёлковым платком, завязывая его со спины.

А вообще самым ходовым убором были платки, которые брали на ярмарках у местных купцов, или одаривали ими любимых девушек, передавали их по наследству.

ОБУВЬ

Пожалуй, больше всего выдумки проявили коми крестьяне при изготовлении обуви. И не мудрено: хоженных дорог было кот наплакал, а ходить надо было часто и много. Оттого и шили обувь на все случаи жизни, и была она прочной, тёплой, удобной и лёгкой. Делали её из льна, кожи, валяной шерсти и меха, реже из лыка.

Чуткѳм (чарки) — самый простой вид обуви, как мужской, так и женской, шили обыкновенно из куска сыромятной кожи, стягиваемой у щиколоток узким ремешком.

Кѳти (коты). Своего рода сапоги, только голенища у них были суконными. Сзади к ним пришивали кожаные петли, в которые продѳргивали шерстяные шнурки и обвязывали ими голенища. В разных местах края называли их по-разному — коты, галошки, бродни (брѳдни).

Лызя кѳм. Это уже специальная промысловая обувь. Делали её из цельного куска толстой сыромятной кожи наподобие грубых башмаков с толстой подошвой и загнутыми кверху носами. На задники прилаживали сложенные несколько раз куски кожи. К башмакам пришивали суконные голенища с ремешками — завязками сверху. Надевали обычно поверх длинных шерстяных носков или чѳрѳс — тёплых чулков с суконными или холщовыми голенищами и вязаными шерстяными головками.

Воды эта обувь не боялась, два-три дня её нарочно вымачивали в смоляной воде (сирва).

Ишим. Тоже промысловая обувь, состоявшая из катаной из овечьей шерсти головки (понь) и суконных или холщовых голенищ (ишим идз), пришитых дратвой. Сверху были завязки, но иногда подвязки, сплетѳнные из разноцветных шерстяных ниток (чѳрвѳнь). Несколько походит на ишим обувь русских охотников в Сибири.

Тѳбѳк. меховые сапоги, какие носили ижежские коми охотники. Шили их из оленьих камусов или шкур, повѳрнутых шерстью наружу. На подошву шли оленьи лбы. Надевали тѳбѳк на липтѳча — чулки из меха собаки или пыжика шерстью во внутрь. В сырую погоду к меховой основе пришивали суконные голенища.

Зимой ижежские коми поверх тѳбѳк надевали так называемые верхние тѳбѳки (вылысь тѳбѳк), вроде калош, доходящих только до щиколотки, с подошвой из старой оленьей постели. Обычно ими пользовались либо в сильный мороз, либо в слякоть.

Бакилѳ. Кожаные сапоги с подшитой мягкой подошвой без твѳрдого задника и каблуков с мягкими голенищами, укрывавшими ноги чуть выше колен. Обувь тоже специальная, для осеннего промысла.

Кыс. Едва наступали первые заморозки, бакилё менялись на кыс — нечто вроде сапог с голенищами из сукна или кожи, закрывающими колени. Наверху были подвязки, которые поддевались под пояс и завязывались совсем как у чулков от общевойскового защитного комплекта. Головки кыс делали из шкурки ноги коровы, снятой с неё без разреза, чулком. Кожу не обрабатывали. На подошвы шла шкура со лба или груди той же коровы. Каблуков не было.

Надо сказать, что почти всюду у коми в большом почёте были валенки, кроме, разве что, севера края. Там предпочитали и до сих пор предпочитают пимы (пими), которые в рекламе, конечно, не нуждаются.

С начала же XX века благодаря стараниям купцов крестьяне всё чаще обували сапоги, понемногу забывая национальную обувь и способы её изготовления.

ВЯЗАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

По части вязания женщины коми слыли большими искусницами. Можно сказать, любая вязаная вещь представляла собой образец национального искусства. Вязка была добротной, гладкой, петелька к петельке.

Вязали много и всюду — на посиделках, дома, даже в гостях. При этом каждая мастерица старалась превзойти самоё себя, внести в национальный орнамент что-то новое, неповторимое, сохраняя, в то же время, характерным коми рисунок на варежках, полотенцах, рубахах, чулках, на чём душе было угодно. С годами мастерство вязки стало забываться, однако и поныне в некоторых сёлах, да и в городах республики можно невзначай встретить рукодельниц, от чьих работ глаз не оторвать.

Вязание в Коми крае известно уже с XVIII века, и оно было довольно разнообразным. Известная исследовательница узорного вязания и ткачества коми Г.Н. Климова насчитала одиннадцать видов узоров вязки.

В XIX веке коми девушки, готовясь к свадьбе, старались смастерить суженому самые красивые чулки. Позже этот обычай сошёл на нет, и мужчины понемногу отказались от чулков. Не по вине невест, конечно, а отдавая дань моде и купцам.

Вязали больше из овечьей шерсти, а затем изделия красили естественными красителями, позже — анилиновыми. Но в конце минувшего и начале нынешнего столетия цветную шерстяную пряжу брали уже на ярмарках, в купеческих лавках.

Рукавицы. Как и всякий элемент костюма, они были выходными и повседневными. Рабочие рукавицы вязали из неокрашенной шерсти чёрного, серого и белого цветов. Особой техники, впрочем, не было. Разве, что в старину края рукавиц начинали вязать рубцами, а позже — резинкой. Менялись со временем и толщина вязки, орнаменты, приёмы вязания.

Другое дело рукавицы на выход, которые непременно были двух- или многоцветными. Обычно всё поле праздничной рукавицы покрывалось геометрическими узорами, в общем, похожими. Теперь же они весьма отличны.

Чулки. Тоже делились на повседневные и выходные и, разумеется, на женские и мужские, которые отличались по технике вязки и узорам.

В мужских чулках для повседневной носки весь поголёнок¹ вязался в узкую ровную поперечную полосу, а в выходных чулках орнамент поголёнок делился на две части. В верхней части ряд в ряд располагались семь симметричных бордюров, и этот единый узор был окаймлён с обеих сторон. Нижняя же часть украшалась произвольным количеством симметричных бордюров и одним сетчатым узором.

Пояса. Особо красиво старались связать и украсить пояса — обязательный атрибут мужской и отчасти женской одежды. Их либо делали на специальных дощечках либо вязали на спицах или ткали на бердечке и ниту, материалом служили шерсть, плетёные нитки, кожа.

Узоры получали настилом стежков — прямого, косо́го, двухстороннего, у каждого из которых был свой определённый счёт. К концам пояса добавляли кисти, а к самому поясу подвешивали биву — маленькую сумочку из чёрной кожи, застёгивающуюся на медную пуговицу. Поначалу в биве хранили огниво и трут, позднее спички, иголку и нитки.

Отправляясь на промысел, мужчины надевали кожаный пояс с пряжкой и металлической скобой для топора, подвешивали нож (пурт) в ножнах (пуртос), сплетённых из берёзового лыка либо деревянных. Иногда ножны подвязывали и к тканю поясу.

Зимой кое-где в Коми крае мужчины обматывались шарфом из беличьих хвостов, тёплым и красивым.

УКРАШЕНИЯ

Разумеется, этим, последним в нашем описании, элементом нарядного костюма пользовались больше женщины. Весь набор украшений сводился, как и у многих других народов, к серьгам, бусам, кольцам, нагрудным цепям и застёжкам — запонкам.

Серьги. Были несколько видов: старинные металлические с двумя подвесками из проволочных стержней, на которые нанизывали одну крупную и несколько мелких бусин; так называемые лапы, похожие на утиные или гусиные лапки; чуси, то есть чудские, с пятью подвесками на каждой.

Бусы. Это чаще всего сикётш — шейные или нагрудные бусы из янтаря или синего стекла.

Кольца. Самые разнообразные: серебряные, медные, с камнями, без камней и прочие.

Цепи. Были одного типа — с крестами.

Запонки. Крупные, из эмали тонкой работы. Ими женщины застёгивали праздничные шёлковые рубашки.

Вот, собственно, и всё о народной одежде коми. Теперь поведём разговор о секретах мастерства, небезынтересный, думается, для всех, кто хотел бы ими воспользоваться или просто их познать.

¹ *Поголёнок* — верхняя часть чулка без следа.

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

В любом деле, даже очень простом на первый взгляд, кроются свои секреты, «изобретённые» не одним поколением.

Чтобы сшить обычный сарафан, требовались известная сноровка и знания, что, когда и чем пришивать, чтобы не распозлалась обнова на лоскутья да не оконфузила бы мастерицу.

Возьмём вначале прилузский сарафан. Повторяясь (см. раздел «Азбука костюма. Женская одежда»), скажем, что он был косоклинным, с закрытым лифом на подкладе из пестряди, без бретелек. Спинка выкроена из цельного куска холста, а перед — из двух равных полос.

Вначале сшивали все передние полосы, и уж потом к ним пришивали задние и боковые клинья, которые прикрепляли в такой последовательности: к передней широкой полосе пришивали первый большой клин, к нему по долевым ниткам — боковой клин поменьше и так с обеих сторон передних полос. Таким же образом, сшивали и заднее полотнище.

Готовые переднюю и заднюю полосы соединяли на руках «швейкой» холщовыми нитками очень мелкими стёжками для прочности. Подол сарафана выкраивали полукругом. Иначе бока будут отвисать. Ворот и пройму обшивали кумачом с лицевой стороны наизнанку.

На праздничном сарафане поверх кумача нашивали полоски парчи, а перед от выреза на груди до кромки подола украшали петельками из домашней крашеной пряжи по обеим сторонам сарафана. Петельки делали из длинной косички, сплетённой вручную. В нижнем у подола и верхнем у разреза частях косичка выкладывалась цветком из трёх лепестков.

Верхнюю часть сарафана подшивали подкладом, который пришивали к пройме и вороту, затем его обшивали кумачом. Спинку от проймы до проймы расцвечивали парчовой полоской, пришивая её стёжками вкруговую.

Непросто было и рубаху (сос) сшить. На неё шли отбеленный холст и кумач, раньше — браный холст. Состояла рубаха ни много ни мало из пятнадцати частей: двух рукавов, двух ластовиц, стойки ворота, двух наплечников, спинки, переда, двух боковых, одного переднего, одного заднего полотнищ и двух клиньев в подоле.

Шили сос на руках разными швами. Сперва скрепляли детали верхней части рубахи — наплечники к рукавам, одинаково широким по всей их длине. Затем к спинке и переду пришивали ластовицы, после собирали ворот в очень мелкую складку на суровую нитку и уж потом на наплечники и спинку рубахи подшивали подклад. Наконец, пришивали стойку ворота.

Но перед тем, как скрепить верхние детали, их украшали вышивкой, а низ рукавов летской рубахи вообще ткали отдельно, украшая его браным узором, по самому же краю пропускали мережку. К краям пришивали полоску кумача, собранную в одностороннюю складку.

Сверху рукав, в месте плеча, украшали вышивкой и тремя полосами браного узора, который заканчивался полоской кумача, прошитой стёжками белых ниток — по три стежка через интервал. Вышивка отличалась правильными геомет-

рическими фигурами — квадратами, скобками. Нагрудник и ворот тоже расцвечивали вышивкой.

Стан рубахи состоял из шести деталей: двух боковых полос, одной передней, одной задней и двух прямоугольных клиньев, которые вливались к передней полосе холста в подоле со стороны прямого угла. Наплечные клинья из кумача представляли собой не прямоугольник, а трапецию.

Удорский сарафан, как мы уже знаем, был с бретелями, которые выкраивались отдельно. Они красивым полукругом переходили на бока верхней части сарафана.

Праздничный синяк шили из тафты или парчи, а его бретели обшивали поверх полоской парчовой ткани.

Повседневный синяк мастерили из грубого холста, выкрашенного в тёмно-синий цвет.

Сарафан этот косоклинный, в котором перед и спинка состоят из цельных полос холста, а бока из клиньев. Но если у китайки четыре боковых клина, то у синяка восемь, поэтому в подоле он был шире.

Верхняя часть сарафана — на подкладе, который подшивался прежде, чем обшивались края кумачом либо парчой. Подклад для прочности делали из грубого холста или пестряди.

Рубахи на Удоре шили из фабричных тканей, поскольку здесь почти не занимались прядением и ткачеством. Их покроем походил на покроем северо-русских рубах — с прямыми плечевыми вставками (ластовиц или поляками).

Состояла удорская рубаха уже из 16 частей, а рукава — из двух: полотнища и клина.

Шили рубаху так. Сначала обрабатывали рукава, затем отделявали нижнюю часть рубахи. Потом пришивали кружева и делали декоративную строчку в 6-7 рядов жёлтой ниткой в верху рукава.

После этого сшивали полики с полотнищем спинки и передней частью. На спинке и бортиках рядом с поликами тоже жёлтой ниткой прошивали декоративные строчки в семь рядов, чередующиеся прямые с волнистыми.

По готовности основной части рубахи, к ней пришивали развёрнутые рукава, после прошивали их боковые швы. Ластовиц в крое не было.

Наконец, к собранному в мелкую складку вороту (на спинке их было больше) пришивали стойку. Причём складок было столько, чтобы ворот рубахи совпал с длиной стойки, на правом конце которой обмётывались две прорезные петельки, а к левому пришивали маленькие стеклянные пуговицы.

Полики были на подкладе. На подкладе же были и рукава в их нижней части. Стан рубахи состоял из четырёх полотнищ и двух прямоугольных клиньев, которые вшивались для расширения подола.

В самую последнюю очередь сшивали готовые части рубахи — верхнюю и нижнюю. Рубаха готова, можно надевать.

Комплекты летней женской одежды, бытовавшие в южной части Коми по бассейнам рек Сысолы и Вычегды, сходны по крою как сарафана, так и рубахи. Но есть и различия в материале, вышивке, технике шитья. Рубаха Сысольского и Вырхневыхегодского районов так же, как и рубахи Прилузского и Удорского районов, состоят из двух частей: верхней «сос» и нижней — «стан». Верхняя

Зимняя одежда женщин средних и южных районов на территории Коми. Здесь и далее все рисунки Т.Кольчуриной.

Ижемский женский зимний костюм.

Мужской праздничный или выходной костюм распространён на территории Коми. XIX – нач. XX вв.

Ижемский костюм невесты.

Усть-Цильма. Праздничные костюмы девочек идентичны со взрослыми костюмами женщин.

Костюм невесты. Удора.

Мужской (подростковый) праздничный костюм.

*Женский костюм (одежда) для полевых работ (уборка сена, жнивья).
Конец XIX – нач. XX вв.*

Покосная рубаха, южный и средний районы Коми.

Сысольские девичьи костюмы.

Шуба-пась «Обновка». Ижемский район.

Женский и мужской костюмы. Прилузский район, Летка.

Верхневьчегодский сарафан молодой замужней женщины (эскиз для ансамбля).

Верхневьчегодский костюм (из фонда Государственного театра фольклора Республики Коми).

Костюм Сысольского района (из коллекции народной артистки Республики Коми Альфи Коротаевой).

Верхневьчегодский женский костюм.

Традиционный коми охотничий костюм (летний вариант).

часть рубахи в зависимости от её предназначения изготовлялась из разных материалов. Для повседневной, будничной использовали пестрядь с мелкой клеткой. Полики могли быть из этой же ткани, только другой расцветки.

Рубахи, предназначавшиеся для праздников, конечно же, были нарядными. Для их пошива использовали тонкий, хорошо отбеленный холст с браным рисунком. Браные полосы были вытканы из красных ниток и составляли красивые орнаментированные узоры. Полосы ткались разной ширины. Для передника широкие, для поликов и рукавов — более узкие. В начале XX века, когда стала широко распространяться вышивка, рубахи стали украшаться ею очень обильно. Для вышивки использовали покупные нитки — штапельное мулине или хлопчатобумажные чёрного и красного цветов. Орнамент вышивался крестом или тамбурным швом.

Верхняя часть рубахи состояла из 9 частей: переднего и заднего полотнища, двух наплечных клиньев, которые могли быть прямые в виде прямоугольника и косоклинными в виде трапеции, двух рукавов тоже в форме прямоугольников, двух ластовиц в форме квадратов. Стойка ворота бывала разной длины.

Девушки носили рубахи с более открытым воротом, значит, стойка была длиннее. Рубахи замужних женщин были с более глухим воротом. Стойка ворота выкраивалась короче. Полоска материи стойки выкраивалась так, что долевая нить ткани проходила по длине стойки.

Сборка деталей верхней части рубахи начиналась так же, как у летских и удорских, с соединениями поликов с передним и задним полотнищем, затем присоединялись предварительно обработанные рукава. Низ рукава собирался в мелкую складку до такого размера, чтобы свободно проходила кисть руки. Складки на рукаве собирались попеременно в три ряда, получался пышный красивый рукав с равномерным распределением складочек. Нижняя пышная часть рукава предварительно вышивалась, к ней пришивали кружева. Особенно пышными они были на рубахе невесты — с богатой вышивкой и широкими рукавами. Нижняя часть рукава с кружевами называлась у сысольских и верхневычегодских коми «көрöма».

Чтобы рукав был более завершённым, складочки прятались под узенькую полоску ткани шириной 1 см. Эта полоска ткани также служила для большей прочности, чтобы не разошлись складочки, на которую они собраны. Нижний край рукава у будничной рубахи обшивался тесьмой, либо той же тканью, из которой изготовлена рубаха. Ворот рубахи так же, как и нижняя часть рукава, собирался в мелкую складочку иглой на суровую нитку для прочности до размера длины стойки. Стойка ворота, как и рукав, украшался вышивкой; вышитая стойка пришивалась к собранному в складку вороту. Размер стойки зависел от размера головы женщины и делалась она так, чтобы голова свободно проходила в отверстие рубахи. У ворота рубахи разреза не было, поэтому длина стойки соответствовала длине окружности головы, а не шеи, как у летских, удорских и ижемских женских рубах. После того, как собраны все основные детали верхней части рубахи, пришивались ластовицы. Они пришивались под обоими рукавами, соединяя рукав и переднюю и заднюю части рубахи. Пришивались ластовицы единым швом, соединяющим переднюю и заднюю части рубахи.

Готовая верхняя часть рубахи пришивалась к стану низшей её части со

своеобразным кроем. Стан состоял из четырёх полотнищ грубого холста и четырёх или двух клиньев. Количество клиньев зависело от ширины полос холста: если полосы холста широкие, то клиньев в подол вставлялось меньше. Клинья были в форме прямоугольников, которые пришивались под прямым углом к сторонам переднего полотнища к нижней его части. Полосы холста, составляющие стан, располагались так, что боковые швы отсутствовали. Швы располагались спереди и сзади. Подол подшивался на руках иголкой.

Так же, как и на Сысоле, в начале XX века верхневычегодские девушки украшали ворот своих рубах лентами, которые продевались сквозь кружева, пришитые к стойке ворота. Сарафаны, которые были распространены широко в Сысольском и Верхневычегодском районах, в корне отличаются своим кроем от китайки и синяка Удорского и Прилузского районов. Они тоже косоклинные, но их крой и пошив совершенно другой.

Для пошива сарафана использовали различные ткани — пестрядь в крупную клетку, в конце XIX века — сатин, корсетную ткань, атлас.

Вот как, к примеру, шили сарафаны из пестряди (бордовый фон, синие, белые полосы). Для сарафана брали 8 полос холста — две широкие полные полосы спереди, шесть полос с боков и сзади. Эти шесть полос заужены к верху в виде трапеции. Нижнее основание равно ширине полосы холста, верхнее заужено почти наполовину. Верхняя часть сарафана собиралась в складку до размера объёма грудной клетки женщины. Складки прошивались строчкой в шесть, пять и четыре ряда.

Верхняя часть сарафана представляла собой корсет, высота которого равнялась 14-16 см. Для удобства носки сарафана у корсета сбоку был разрез, который застёгивался на крючки (иногда крючки могли располагаться спереди). Бретели сарафана были такой длины, что корсет располагался на уровне груди.

При пошиве первыми скреплялись полосы холста, образуя станину сарафана, после собирались складки корсета на суровую нить, которые прошивались на машинке или на руках. Затем выкраивались бретели и чибби, к которому крепятся бретели. Иногда чибби выкраивался вместе с бретелями из одного куска холста. После того, как бретели пришиты к чибби, они крепятся к сарафану. Затем к корсету с внутренней стороны пришивается подклад; ширина равна высоте складок корсета.

Далее оформляется подол сарафана. На расстоянии 10 см от нижней кромки пришиваются три полосы из сатина, чаще всего красного цвета. С левой стороны подол сарафана подшивается подкладом из холста или сатина.

Сатиновые сарафаны раскраивались так же, как и пестрядные, с некоторым изменением обработки подола. У сатиновых сарафанов не было чибби, просто верхний край сарафана собирался в корсет и обшивался полоской ткани, которая пришивалась сначала с внешней стороны и подворачивалась вовнутрь, захватывая кромку подклада и корсета круговым швом. В сатиновых сарафанах к подолу для красоты сверху подшивали волан. Верхняя кромка волана складывалась вдвое и собиралась в сборку на нитку. По этой нитке волан и пришивался к подолу сарафана. Для пышности под сарафан женщины надевали нижние юбки с кружевами разной ширины — от 5 до 16 см.

В первой половине XIX века расширилась торговля фабричными тканями,

женщины стали шить сарафаны на каждый праздник, причём каждый сарафан был определённого цвета. В Сысольском и Прилузском районах во время венчания невеста надевала розовый сарафан, шитый из розового сатина, а если невеста была из богатой семьи, то из корсетной атласной ткани или атласа.

Сарафаны из сатина были распространены и на Верхней Вычегде. Верхневычегодские женщины чаще использовали красный, бордовый сатин. Сарафаны были несколько короче, чем на Сыsole.

Ижемский сарафанный комплекс конца XIX века заметно отличался от удорского, сысольского, прилузского, верхневычегодского. Женщины Ижемского района носили так называемые круглые сарафаны. Такой сарафан сшит из тёмно-зелёного шёлка, на его крой шло семь прямых полос ткани длиной 108 см.

Вот, например, такой сарафан. Сшит он из одной полосы ситца шириной 27 см и длиной 372 см. Отделан кружевами. Для бретелей использован тот же материал. В отделке использована также самодельная бахрома из домашней крашеной овечьей шерсти. Длина бахромы равна ширине подола сарафана.

Любопытно посмотреть, как сшит сарафан. Прямые полосы ткани соединялись между собой последовательно; если на машине, то единым швом, если на руках — двойным потайным швом. Полученная основа сарафана в виде трубы собиралась в складку таким образом: сарафан складывался вдвое по центру спинки и переда. Складки закладывались от центра спинки к передней части сарафана, на спинке закладывалась одна двойная глубокая складка глубиной 20 см, остальные складки — помельче, глубиной 4 см. Передняя часть сарафана остаётся не собранной.

Верхняя часть складок подшивается подкладом шириной 10 см. Отступив от кромки 5 см, складки прошивали «прямой» строчкой. Между кромкой и «прямой» строчкой их закрепляли декоративным швом «зиг-заг», образуя корсет сарафана, затем пришивали бретели сзади на расстоянии 6,5 см, а спереди на расстоянии 23 см. Между бретелями продевали вздѣжку-шнурок для затяжки передней части сарафана под грудь.

После того, как бретели пришиты, они вместе с верхней кромкой сарафана обшиваются алой полоской шёлка. Чтобы сохранить край подола от быстрого износа, его укрепляют бахромой из грубой шерстяной нити шириной 1 см, которая пришивается между подкладом, полотнищем подола и узкой полоской сукна. Эта полоска пришивается к кромке подола и выступает за неё на 0,5 см.

На подклад нижней части сарафана употребляли ситец или сатин. Подол украшался кружевами фабричного изготовления. До появления кружев женщины изготавливали бахрому из домашней шерстяной пряжи, которую красили в чёрный цвет. Ширина бахромы достигала 7-12 см.

Богатое разнообразие в крае рукавов «сос» встречается у рубах ижемских женщин. Большое их количество собрано в фондах Ленинградского музея этнографии народов СССР, где есть полные комплекты летней одежды Коми.

Наш рассказ подошёл к концу. Рассказ, хочется верить, необходимый, потому что забываем мы народные традиции, а вкупе и культуру наших предков, как материальную, так и духовную.

Дорого обходится нам эта забывчивость. Утрачивая не только традиции, но и

родной язык, веками выработанную нравственность, мы довольно успешно усваиваем любой суррогат «с общекультурной точки зрения», что означает отсутствие вообще какой-либо точки зрения. Плодами этой общей культуры все давно уже объелись.

А при чём здесь национальный костюм? Не притянет ли он за уши к культуре, тем более нравственности? — спросите вы. Думается, нет. Ведь народная одежда — это одно из проявлений народного быта, так же, как обычаи и обряды, песни, сказки и сказания. В ней даже отражены верования народа, её создавшего. А что может быть более нравственным?

Есть коми пословица: «Из рук мастера золото сыплется». Такими мастерами богат всякий народ, а творения их рук и верно золотые. Творения коми мастеров хранятся в Республиканском краеведческом музее, в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде, во многих местных музеях. Этим умельцам, а также людям, благодаря стараниям которых удалось уберечь прекрасные образцы народной одежды, можно теперь только поклониться. Побольше бы таких людей, и тогда можно не тревожиться за нашу память.

В мастерской Т.Кольчуриной.

Александр Матусевич (Москва)

Окончил РГСУ и МГИМО. С академической музыкой связан с раннего детства, ученик известного российского хорового дирижёра А.С. Пономарева. Опубликовал сотни материалов (рецензии, интервью, переводы) по проблемам оперного театра и вокального искусства в сетевых изданиях, газетах, журналах, театральных буклетах.

Фестиваль вопреки / Два лика «Сыктывкарской весны»

Оперная география России впечатляет: с высоким жанром сегодня можно вживую повстречаться в самых отдалённых, «непрезентабельных» в обыденном сознании уголках нашей Родины. Энтузиазм людей, делающих оперные спектакли в этих условиях, их преданность жанру, избранному пути в искусстве поражает и удивляет. Одним из таких ярких примеров является земля Коми, её столица Сыктывкар, где в конце мая – начале июня прошёл 25-й юбилейный Международный музыкальный фестиваль «Сыктывкарская весна».

...Суровые долгие зимы, короткое лето, ссыльный край («Воркута» для русского уха с советским прошлым за плечами звучит не менее устрашающе, чем «Колыма»), тупиковая ветка железной дороги, редкие авиарейсы до столицы и почти более никуда — какая здесь может быть опера, какой фестиваль? Да и столица Республики Коми — город совсем небольшой, всего-то населением в четверть миллиона, в то время как по советским ещё стандартам оперный театр поло-

жен только лишь городу-миллионнику. Конечно, не всегда это правило соблюдалось и раньше, а в постсоветские годы, когда свобод стало явно больше, иметь или не иметь в городе оперный театр — дело самого города (потянете финансово — дело ваше!), но отдалённая северная республика как-то совсем не воспринимается в массовом сознании как общепризнанный музыкальный центр.

Открытие фестиваля «Сыктывкарская весна».

Опера «Риголетто».

И, тем не менее: в той самой Воркуте из ссыльных-репрессированных артистов в 1940-х организуется лагерный театр, на базе которого, уже в хрущёвскую оттепель в столице республики возникает театр музыкальный, в новой уже России преобразованный в полноценный театр оперы и балета. В 1990-х же возникает и международный фестиваль «Сыктывкарская весна»: в амбициозный проект мало кто верил тогда, однако же, форум состоялся, укрепился и справляет в этом году уже свой серебряный юбилей. Неказистое здание театра конца 1960-х, по нынешним временам уже изрядно изношенное и устаревшее, весьма ограниченные возможности труппы, её малочисленность, удалённость от ведущих музыкальных центров страны, скромный бюджет — всё это, тем не менее, никак не отражается на уровне музыкального праздника, который уже в 25-й раз позволяет себе иметь республика и её оперный театр. За четверть века здесь перебивала масса столичных и иностранных гастролёров (из самых известных имён — Владислав Пьявко, Грайр Ханеданьян, Татьяна Ерастова, Галина Борисова, Глеб Никольский, Ирина Богачева), а премьеры, которыми угощали публику, — это сложнейшие произведения мирового оперного репертуара, причём не только самые популярные, но и такие нечасто встречающиеся не только на российской, но и мировой афише как «Русалка» Даргомыжского и «Снегурочка» Римского-Корсакова, «Фаворитка» Доницетти и «Чёрное домино» Обера...

Программа нынешнего фестиваля включала аж три премьеры — две оперы («Риголетто» и «Волшебная флейта») и балет («Тысяча и одна ночь» Амирова) — а также репертуарные спектакли с участием приглашённых гастролё-

Опера «Волшебная флейта».

ров, в чём форум идёт проторенным путём многих подобных праздников на постсоветском пространстве, что на самом деле оправданно — верный способ привлечь дополнительное внимание публики к театру. Мне довелось побывать на второй половине фестиваля, посетить три спектакля (один репертуарный и дважды — одну из премьер), и к своему удовлетворению констатирую, что все три вечера зал «Коми-оперы» был переполнен, а энтузиазм, с которым публика встречала спектакли и играющих в них артистов, носил воистину взрывной характер.

«Дон Паскуале» Гаэтано Доницетти — нечастый гость на российской сцене, уступающий пальму первенства «Любовному напитку» того же автора, хотя в этой комической опере мастерство Доницетти-композитора, быть может, даже выше, чем в общепризнанном хите. Работа Сыктывкарского театра — спектакль не новый, ещё из прошлого десятилетия, поставленный местным режиссёром Сергеем Сушенцевым весьма традиционно, но в то же время очень музыкально: дух игривой буффонной стихии передан достоверно и не без фантазии, хотя не один ход не отличает особая экстравагантность. Обобщённым образом (художник Юрий Самодуров) «тёмного царства» заядлого холостяка Паскуале служит массивный шкаф-секретер со множеством ящичков и дверец, наподобие фундаментальных «стенок» советской эпохи, перегораживающий всю сцену от кулисы до кулисы. За это «величественной» баррикадой и прячется титульный герой оперы от невзгод внешнего мира, и, хотя чувствует себя вполне комфортно, но всё же мечтает о чём-то ином — о семейном уюте, красавице-жене и пр., хотя на поверку ради этого готов поступиться не многим. Во втором акте, когда

Балет «Тысяча и одна ночь».

прибывшая в это «уютное гнёздышко» своенравная Норина, устанавливает здесь свои порядки, пространство размыкается, зритель словно оказывается в саду с его лёгкими изящными арками, а в финальном действии секретер воцаряется на своё законное место и всё возвращается на круги своя. Масивный дорогой диван, глобус-сейф, картины в барочных рамках — всё призвано свидетельствовать о достатке и основательности хозяина дома. Изящные костюмы героев, щеголеватые даже у холостяка-зануды, однозначно отсылают нас в позапрошлый век — время создания оперы.

В таком спектакле (комическом по жанровой принадлежности и традиционном по средствам выразительности) огромная нагрузка ложится на актёров-певцов, которые должны вдохнуть жизнь искромётной буффонады в это классическое, «респектабельное» оформление. Руководство фестиваля сумело привлечь к участию в нём замечательный квартет гастролёров из Италии — вроде бы и не звёзд первой величины, однако от пения и игры которых зритель получил массу удовольствия. Дурашливый Паскуале в исполнении Марчелло Липпи пел немного усталым голосом в эдакой вальяжной манере — при этом безупречная фразировка и верные акценты (вкуче с аутентичным итальянским — как и у прочих участников) говорили лишь о том, что «усталость-вальяжность» — это не свидетельство вокальных проблем, а хорошо продуманная часть образа, делающего одинокого брюзгу и мизантропа весьма убедительным. Интриган доктор Малатеста в исполнении обаятельного Даниэле Пископо оказался настоящим Фигаро этой оперы, вовремя заводящим нужные механизмы

Опера «Дон Паскуале».

комедии, чей расчёт верен и безошибочен: в вину певцу можно лишь поставить слабый нижний регистр, в остальном же его пение и игра весьма убеждали. Истинное удовольствие меломанам доставил тенор Джан Лука Пазолини (Эрнесто): зрелый певец в образе молодого любовника частенько выглядит не выигрышно, но эта аксиома не работает в случае с Пазолини — и местные гримёры (Наталья Карпова) поработали на славу, но самое главное, сам певец продемонстрировал солнечный, яркий, павароттиевского типа голос с безупречным легато и бесподобным владением верхним регистром. Наконец, наша соотечественница, давно живущая в Италии, Елена Баканова предстала Нориной-чертёнком — весёлым, юрким, задорным, проказливым, а её лёгкий и звонкий голос ничуть не уступал коллегам ни свободой вокализации, ни стилистической достоверностью. Над всем царил маэстро Рафаэль Масколо, добившийся живости и грациозности от местных оркестра и хора (хормейстер Наталья Масанова) — не только комедийный дух оперы, но и стиль раннеитальянского бельканто на сыктывкарской сцене был соблюден вполне.

Премьера «Волшебной флейты» — первое явление этой знаменитой оперы в Коми — столь ответственный «выход» был поручен столичному режиссёру Ольге Ивановой. В отличие от традиционного «Паскуале» она предложила подход авторский, сугубо режиссёрский. Впрочем, многослойная, загадочная, таинственная, с не вполне до сего дня разгаданными символами и метафорами опера Моцарта допускает самые разные интерпретации. Конечно, рядовому сыктывкарскому зрителю пришлось непросто в премьерные дни — разгадать все ребусы Ивановой на самом деле не

Опера «Гала».

под силу, пожалуй, даже и более продвинутым операманам — но при всей экстравагантности её режиссуру не назовёшь навязчивой. Её спектакль — словно калейдоскоп, в котором много составных частей, много штрихов, посылов, идей, быть может, не всегда до конца оформленных, эскизных — лёгкое прикосновение, перемена размера в оркестре или характера вокализации у певца и глядишь, пазл сложился уже по-иному, а ты сидишь и гадаешь: что же это? Во «Флейте» Ивановой переплелись

разные мотивы — это и жизнь артиста, муки творчества, переменчивость вдохновения (Тамино загримирован под Моцарта), неизвестно откуда приходящего (то от вроде бы чёрных сил — Царицы ночи и её дам, то от светлых — от Зарастро и трио белых ангелочков; хотя точно сказать, где добро, а где зло — сложно, дидактической дихотомией здесь и не пахнет), это и театр в театре, это и стихия комического до гротеска (в образах Папагено, Папагены, Моностатоса и др.), это и явные «обманки» для зрителя (никакого змея, убиваемого дамами, нет, мавр белолиц, и пр.), и мрачные таинства-ритуалы масонов... Сколь многолика опера Моцарта, «кинематографична» в известной степени, столь же сложен и переменчив спектакль Ивановой. Кстати, кинематографичности спектаклю добавили и условная, метафоричная сценография Ю. Самодурова, и сюрреалистические видеопроекции (своего рода «криво-зеркалье», воссоздаваемое на заднике сцены) Даниила Герасименко.

Трио московских приглашённых солистов (несколько напряжённый, но звучный тенор Борислава Молчанова — Тамино, царственный бас Алексея Смирнова — Зарастро, мастерская колоратурная эквилибристика Надежды Гулицкой — Царицы ночи) оказалось в достойном паритете с местными солистами: красивые голоса молодых певцов труппы (Елена Лодыгина — Памина, Андрей Ковалев — Папагено), точные, грациозные ансамбли (три дамы — Ольга Сосновская, Галина Маликова, Эльмира Угольников; три гения храма — Дарья Бобарькина, Ирина Хорошилова, Валерия Яремчук) были в целом убедительно поддержаны оркестром под управлением главного дирижёра Азата Максудова. Ведь в музыкальном плане опус Моцарта не чуть не менее сложен, чем в постановочном: «Коми-опера» справилась с этими трудностями впечатляюще.

Обзоры. Новости. Письма

В год литературы. 2015

«Литературная гостиная» — такая, относительно новая для сельских библиотек, форма работы появилась на карте республики.

Её созданию поводом стала безвозмездная передача в 2014 г. в дар своим землякам, жителям села Ёртома Удорского района, личной библиотеки поэта, члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры РК и РФ Галины Бутыревой.

Вместе с небольшим книжным фондом ею были переданы различные аудио- и видеоматериалы, в том числе фильмы, созданные с участием самой Галины Васильевны в бытность её работы на Сыктывкарском телевидении о наших знаменитых лыжниках, коми писателях и т.д., а также — телевизор с видеомagneтофоном, проигрыватель для аудиокассет и дисков, художественные альбомы (коллекции разных музеев), альбомы отдельных художников, их картины, фотографии и цветные слайды — о путешествиях по республике и по миру, автором которых также является сама Г.В. Бутырева.

Открытие Литературной гостиной здесь было бы невозможно без активной поддержки как библиотеки села, так и отдела культуры района. А также без счастливой случайности: библиотека в своё время получила несколько комнат, и две из них пока пустовали... Идея создания Литературной гостиной возникла очень своевременно...

После небольшого ремонта, в дни республиканского праздника «Коми книги» состоялась презентация гостиной. В Ёртом приехали участники праздника, — писатели, поэты, гости — библиотечные работники из Усть-Куломского района, а также представители власти чуть ли не всех уровней...

Какой предстала перед ними Литературная гостиная: очень светлой, уютной, привлекательной... Правда, в ней пока ещё недостаточно необходимой мебели, но... не это главное. Главное, что уже собран интересный материал для самых разнообразных мероприятий: это и сам книжный фонд, и фонд изобразительной продукции (альбомы, видео, аудиоматериалы и т.д. и т.п.). И фонд этот обязательно будет пополняться и впредь. А наличие рядом с гостиной довольно большого зала позволит показывать самые различные выставки, проводить с детской аудиторией игры, викторины и т.п.

Литературная гостиная — это не музей, и даже не библиотека, хотя небольшой книжный фонд там, конечно, есть. Поэтому читателям (участникам различных встреч, зрителям, — всем, кто будет здесь принимать...) должно быть свободнее, непринуждённее... Атмосфера — менее казённой, почти домашней... А самое главное — интересной, как для детей, так и для взрослых.

Библиотекарь Галина Владимировна Матвеева сама очень интересный, творческий человек. И у неё такие же помощники — соседи из клуба (он, кстати, рядом, под одной крышей), активисты-читатели...

Им вместе наверняка удастся идею литературной гостиной, используя все её ресурсы, воплотить в жизнь на все сто процентов.

Они даже готовы в Литературной гостиной принимать на «постой» всех желающих приехать в Ёртом: писателей, художников, артистов, — на несколько дней, и даже более... Организовать не только встречи с читателями, но и дать возможность отдохнуть гостям на реке или в лесу, — благо здесь природа радуется и глаза, и душу...

Так что приезжайте в Ёртом! Литературная гостиная ждёт вас! Пишите новые книги, новые картины, устраивайте выставки... Кстати, рядом вскоре откроется ещё одна комната — это будет своеобразный музей-мастерская традиционных коми ремёсел. Это идея уже самой Галины Владимировны, библиотекаря, мастера на все руки...

Поэтому здесь наверняка будут появляться и мастера-прикладники, проводить мастер-классы и со взрослыми и с детьми... В будущем музее-мастерской уже стоит ткацкий стан, который перевезли из соседней деревни гимназисты-паломники... Стан ждёт мастеров! И может быть, возродится в селе некогда такое распространённое ткачество половиков — всех цветов радуги...

P.S. Первой записалась на «постой» в Литературной гостиной сама автор идеи — Г.В. Бутырева. На июнь 2016 г. А вместе с нею, возможно, приедет и Ирина Марц, художница из Москвы, — предварительное согласие она уже дала.

Список открыт. Записывайтесь!

Сельчане так рады таким встречам, так их ждут! Планируйте и приезжайте, добро пожаловать в Ёртом!

В.Юдина

Нам пишут

Видза оланнды, пыдди пуктана Галина Бутырева.

Тіян дорö шыödчö Татьяна Канева.

Инта карса ГУНО-ын инспекторён уджалысь Инна Михайловна Бушенева корис кабалаяс — верма ог велöдны коми кыв — тавосянь шуöма челядьöс быд школаын быть төдмöдны коми кывйöн. Кабалаяс дорас содті ассым некымын гижöд. Инна Михайловна чуйдöдiс мöдöдны гижöмторсö Тіян журналö. Кывзыся да мöдöда.

Журналнытö тöда важöн, но меным кажитчис, мый сійö гежöда петльвлö, а вöлöмкö, позьö весиг судзöдны. Ичöтджыкъяслы — 5 класс — петкöдлывла серпасъяссö, найö зэв аслыспöлöсöсь да пальöдöны юр-вемтö, а ыджыдджыкъяскöд — 9–11 классъяс — босьтлывлім колана юръяс исследовательскöй уджъяс гижигöн.

Ас йылысь: пняч коми, Кулöмдiнысь, 53 ар, помавлі Сыктывкарын педучилище коми юкöн да университет история факультет. Уджала история кузя велöдысьöн. Петрунь сиктö волі направление серти, мöдöд во ола Интаын. Йöзöдчылі «Чушканзі» журналын, «Йöлöга», «Эжва йыв» да «Парма гор» газетъясын.

Кольöй видзаöн. Став бурсö. Аддзысьлытöдз.

Т.Канева.

Тэын ставыс — сьӧлӧм ӧзйӧм,
Бурлӧн шыыс, кыпыд кӧсйӧм.

Тэӧн лолала и ола,
Тэ мен сынӧд мозыс колан.

2011–2012 во.

* * *

Сергей Шилкин из г. Салавата, Башкортостана, отправил нам довольно солидную подборку стихотворений. Одно из них мы предлагаем вашему вниманию.

Гильман Ишкинин

(Перевод с башкирского Сергея Шилкина)

* * *

Возможно — я знаю — что счастье приходит во сне —
Играя с душою моей, как весёлая шкода,
Как раннее утро на Землю ступает извне,
Бликуя червонно лучами на ржавом звене —
А спит где-то днём под охраной секретного кода.

Оно не зависит — я знаю — от времени года.
И численник жизни листая, ища новизну —
Сшиваю я с осенью лето, а с летом весну —
В мой мир терпеливо его ожидая прихода.

Возможно — я знаю — что значит, по сути, беда —
Когда безнадёжности давит стальная пята
И ноет душа, будто били её батогами.
Однажды глаза нам прикроет она пятаками.

Мне атласы бед и печалей, увы, не издать.
Нацелил отмычку в створ сердца неведомый тать.
И вот он тайфуном врывается в душу без спроса,
Следы за собой оставляя черней купороса.

И горло от горечи спазмы сжимают тискаами,
И хочется плакать, но слёз, как воды в Атакаме.
Является в горе и в счастье души нагота.
Возможно — я знаю — что их не познать никогда...

* * *

Сегодня мы публикуем два стихотворения из письма нашей сыктывкарской читательницы Елизаветы Апраксиной. Кстати, это будет не первая её публикация. Стихи Елизаветы уже появлялись в «Альманахе» «Золотая строфа» (№ 2, 2012), она участница различных конкурсов на лучшее стихотворение для детей.

* * *

Пройдёшь — не замечу.
Разбитый асфальт или звёздная сыпь,
Ветви деревьев, грозой искалеченные,
Готовы меня усыпить.

Земным притяжением принимало.
Ветер подует — ввысь норовлю.
Скольких попытки ветром сгубило,
Скольких сама загублю.

Во всякие дни. Одинаково слепо —
Беспечно, рассеяно-тало.
(Мало-велики случайные скрепы,
Как кресла постылых вокзалов).

Но судеб в потоке — глухих и незрячих —
Чужих картотек,
Ты не пройди, живой, настоящий,
Мой человек.

* * *

Думаешь, мир оглянулся?
Да. Слегка, в пол-оборота.
И никакая погода
Не скроет святого греха.
Ты есть.
Кому-то неважно.
Ты — есть.
И узнает однажды тебя
Безразличная к вьюгам весна.
Растопырит мокрые ветки,
Распахнёт зимние клетки

Новых, лиловых птиц.
Зажжёт небесные свечи,
Расправит прохожего плечи,
Стирая скованность с лиц.
Раскрасит тобою утро,
Небрежным прибором будто
Жёлтый уставший зной.
Зацветут сонные скверы,
Примеряя гримасы веры
Зелёной ветвистой рукой.
Мир — оглянулся.

* * *

24 июля 2015 года в селе Важгорт Удорского района Республики Коми состоялось торжественное открытие мемориальных досок Павлекову Ростиславу

Александровичу, одному из первых выпускников Важгортской школы, учителю, общественному деятелю, заслуженному работнику Республики Коми, почетному гражданину Удорского района, и Петрову Борису Ивановичу, учителю истории, краеведу, основателю Важгортского музея, заслуженному работнику культуры Республики Коми, почетному жителю Удорского района и села Важгорт.

На открытие мемориальной доски Ростиславу Павлекову приехали из Сыктывкара его родственники: дочь — Ольга Ростиславовна, зять — Владимир Леонидович Казаковцев, заместитель директора Академического театра драмы им. В. Савина, близкие друзья и коллеги: Политов Эдуард Андреевич, Политов Валерий Прокопьевич, Плаксин Евгений Дмитриевич.

Мемориальная доска Р.А. Павлекову была установлена на здании школы, где он учился и работал учителем. А мемориальная доска Б.И. Петрову — на здании Важгортского музея. В этом году музей отметил своё 50-летие. И его основателем был Борис Иванович, который не жалея сил и времени, организовывал походы по рекам Вашке и Мезени, по сёлам и деревням, чтобы больше узнать о своём крае, о его жителях.

Выезжал вместе с учениками и за пределы республики увидеться со знаменитыми земляками.

Ученики, коллеги, земляки Ростислава Александровича и Бориса Ивановича поделились своими воспоминаниями, выразили благодарность за их многолетний труд, за огромный вклад в дело воспитания подрастающего поколения.

